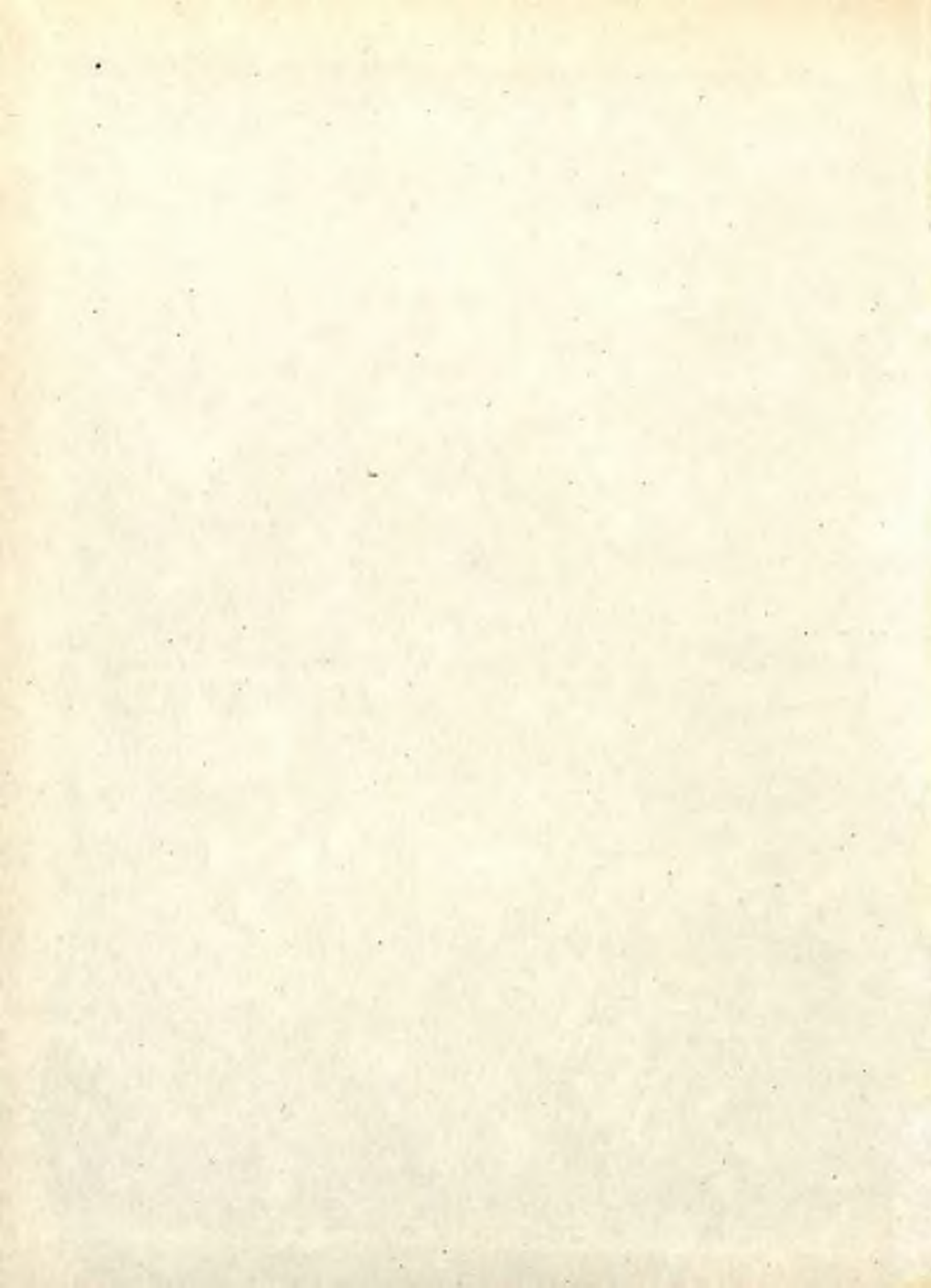

НАСЕЛЕНИЕ ЕРЕВАНА

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ԵՐԵՎԱՆԻ ԲՆԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆԸ

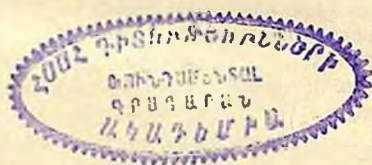
ԷԹՆՈՍՈՑԻՈԼՈԳԻԱԿԱՆ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1986

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАСЕЛЕНИЕ ЕРЕВАНА
ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д II
557724

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1986

*Печатается по решению Ученого совета
Института археологии и этнографии
АН Армянской ССР*

*Ответственные редакторы
доктора исторических наук
Ю. В. АРУТЮНЯН (автор программы), Э. Т. КАРАПЕТЯН*
*Рецензенты:
д-р ист. наук К. С. ХУДАВЕРДЯН,
канд. ист. наук Р. О. ВАРДАНИЯН*

Н 311

Население Еревана. Этносоциологические исследования /АН АрмССР. Ин-т археологии и этнографии; Отв. ред. Ю. В. Арутюнян, Э. Т. Карапетян.—Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1986.—250 с.

В книге показано, как проходят и к каким результатам приводят общие для страны процессы развития и сближения наций в мононациональной среде центра республики, народ которой отличается развитой национальной культурой и выраженным национальным самосознанием. На базе оригинального конкретного материала, представительного для Еревана, отражаются социально-этнические процессы в разных сферах жизнедеятельности населения столицы и в его образе жизни в социально-демографической динамике.

Рассчитана на специалистов и широкий круг читателей.

ББК 60.55

Н $\frac{0303010000}{703(02)-86}$ 33—86

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ереван как объект конкретного этносоциологического исследования представляет собой особый интерес. Как проходят и к каким результатам приводят общие для страны процессы развития и сближения наций в условиях мононациональной среды столичного центра республики, народ которой отличается развитой национальной культурой и выраженным национальным самосознанием? В однонациональной среде столицы Армянской ССР как бы испытываются на прочность и эффективность процессы взаимодействия национальных культур и формирования социально-культурной общности советских наций. Рост представительства коренных национальностей в столичных центрах ряда других союзных республик с течением времени усиливается и опыт «включенности» Еревана в исторические процессы интернационализации, характерные для советских наций, приобретает в этой связи не только теоретический, но и практический смысл.

В то же время разнообразие источников формирования мононационального населения Еревана делает столицу Армении зоной проверки жизнеспособности и развития сформировавшихся этнических черт нации в условиях быстрой урбанизации и модернизации культуры.

Ереван—небольшой губернский центр дореволюционной России, насчитывавший всего 30 тысяч человек,—вырос в город с более чем миллионным населением, в котором сосредоточена примерно одна треть жителей республики. Для Еревана характерен огромный экологический диапазон источников формирования населения. Значительная часть его—выходцы из армянской деревни, что обуславливает выраженность и сохранность в образе жизни населения столицы традиционных этнических черт. В Ереване также широко представлены как бы полярные сельским по происхождению городские армяне—в пропорциях, необычных для других столиц,—прибывшие из столичных центров и городов других союзных республик, прежде всего из Грузии и Азербайджана. Наконец, в Ереване велика группа армян из зарубежных стран. Такая мозаичность «происхождения» столичного населения в конечном счете обогащает социально-этническую жизнь города, как общественно-культурного центра армянского народа, способст-

вует расширению функций и активизации социальных ролей населения республики. Сосредоточение неоднородного по «происхождению» населения столицы создало как бы условия для нового выражения консолидации нации, ее культурного обогащения, поступательного и разностороннего развития. Этносоциологическое исследование должно было в какой-то мере отразить эти и политически и познавательно важные процессы.

В основу этносоциологического исследования Еревана положена общесоюзная программа «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» (ОСУ)¹, на базе которой осуществлялся сбор материалов и уже подготовлены публикации по ряду республик². В то же время при исследовании Еревана в 1970-х годах были внесены известные дополнения, вызванные, в частности, спецификой исторических судеб армянской нации, разнообразием «внеереспубликанских» источников формирования населения города. Соответственно большое место в армянском варианте программы ОСУ занимало изучение этномиграционных процессов, что не случайно нашло отражение в специальных работах, уже выполненных по этому исследованию³.

Главное средство сбора информации при реализации этого исследования — «Опросный лист», который дал возможность собрать огромный материал о населении города: его демографическом составе, социально-профессиональной структуре, культуре, быте, семье и межличностных национальных отношениях. Полученная статистическая информация представительна для Еревана. Выборочная совокупность составляла 2000 человек, выделенных для опроса по избирательным спискам с соблюдением необходимого интервала: в результате ошибка выборки была в пределах $\pm 3,0$ процентов⁴.

Представляется, что в книге хорошо сочетаются черты традиционных этнографических и массовых социологических исследований. В ней ничего не потеряно от этнографии и многое дополнено от социологии. Прежде всего в каждой статье в обязательном порядке используются количественные методы. Изучаемые этнические явления как бы замеряются и таким образом реально сравниваются, сопоставляются. Вместе с тем практически во всех представленных работах сделан и следующий шаг: выясняются корреляционные зависимости исследуемых явлений, социально-демографическая множественность изучаемых этнических черт. Это открывает большие возможности для выяснения доминирующих социально-этнических тенденций и тем самым — в какой-то мере перспектив.

В исследованиях, представленных в этой книге, этнография, по существу, представлена полнее, чем в предыдущих работах,

осуществленных по программе «ОСУ». Это объясняется тем, что работа здесь в подавляющем большинстве случаев выполнена этнографами-профессионалами, сумевшими в то же время обогатить этнографические приемы анализа, используя социологические методы и материалы. Именно благодаря этим средствам значительно обогащается и совершенствуется исследование традиционных для этнографов сюжетов—о семье и семейной обрядности.

Вместе с тем количественные методы используются для расширения обычных границ этнографических исследований. В книге отражены некоторые проблемы, новые для этнографической науки, но характерные для этносоциологических тем—в частности, этнической психологии, культурные и социальные явления, связанные прежде всего с миграцией. В перспективе такой широкий подход может открыть возможность системного анализа этноса.

Предлагаемая книга как бы завершает определенный цикл работы научного коллектива отдела этносоциологии, сложившегося в Институте археологии и этнографии АН Армянской ССР, в связи с выполнением этносоциологических исследований в Ереване. В дальнейшем предполагается расширение масштабов этих исследований, осуществление их по материалам республики в целом применением системного анализа для отражения (воссоздания) жизни армянской нации как единого организма. Данная работа—посылка для выполнения этой сложной и благодарной задачи.

Книга написана коллективом авторов: докторами исторических наук Ю. В. Арутюняном (Предисловие), Э. Т. Карапетяном («Этнические особенности семьи»), кандидатами исторических наук Р. С. Карапетяном («Ереван—новый центр социально-культурного развития армянского народа», «Формирование населения Еревана»), М. В. Акопян («Духовная культура и средства массовой информации»), Л. М. Варданян («Современное состояние свадебной обрядности»), Р. С. Оганджаняном («Некоторые черты национальной психологии»), А. А. Овсепяном («Управляемое свободное время и его роль во всестороннем развитии личности»).

В осуществлении исследования также приняли участие сотрудники отдела этносоциологии Т. З. Закарян и Ш. Е. Ширакян.

Особую признательность авторы выражают академику АН Армянской ССР Б. Н. Аракеляну за большое содействие исследованию и помощь советами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ю. В. Арутюнян. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследований).—Советская этнография (в дальнейшем—СЭ), 1972, № 3.

- 2 Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР, М., Наука, 1972; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. По материалам Молдавской ССР, М., Наука, 1980, и др.
- 3 См.: Р. С. Карапетян. Демографические и социально-культурные параметры мигрантов Еревана. —Вестник обществ. наук АН АрмССР, 1978, № 7; его же, Некоторые особенности современного образа жизни населения Еревана. —Там же, 1978, № 11; его же, Формирование населения Еревана. Автореф. дис., Ереван, 1979.
- 4 Подробнее о методике выборки см.: Социальное и национальное..., М., 1973; Опыт этносоциологического исследования образа жизни..., М., 1980.

ЕРЕВАН—НОВЫЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ АРМЯНСКОГО НАРОДА

Ереван является одним из древнейших городов мира. В многовековой истории Еревана, который до революции оставался губернским городом Российской империи, с установлением Советской власти открывается новый период экономического и социально-культурного развития. Столица союзной республики переживает подлинный расцвет и становится одним из крупнейших развитых индустриальных, научных и культурных центров страны.

Характер развития города, отражая в целом общие закономерности развития, имел свои специфические черты и в функциях города как регионального центра, и в отраслевой структуре его народного хозяйства, и в характере этносоциальных процессов, происходящих в нем.

История, экономическое и социальное развитие, национальное своеобразие населения региона, исходные рубежи социалистического строительства играют большую роль в формировании специфических черт в современном облике каждого города. Особенно явственно это проявляется на примере столичных городов союзных республик. Как крупные промышленные и культурные центры страны они, с одной стороны, выполняют функции, присущие любому городу данного типа и величины, с другой—как столичные города несут «нагрузку» социально-культурного, политического и административного центра тех республик, столицами которых являются. В некоторых случаях столицы играют роль одного из основных звеньев социально-культурного развития данных республик. В пяти республиках (в Армянской, Латвийской, Эстонской, Грузинской и Азербайджанской ССР) население столичных городов составляет значительный процент всего населения. Особенно высок удельный вес населения столиц Армянской ССР—30,7%, Латвийской ССР—33,1% и Эстонской ССР—29,3%¹.

К началу социалистического строительства каждая республика имела различные социально-экономические позиции: некоторые этносы, в которых они были сосредоточены, к этому периоду находились на уровне полуфеодалальных отношений, другие уже оформились как капиталистические нации. В резолюции X съезда РКП(б) по национальному вопросу, принятой при участии

В. И. Ленина, отмечалось: «Если из 65 млн. невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, часть Азербайджана, Армению, прошедшие в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 30 миллионов, по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не вполне еще ушедших дальше от полупатриархально-феодалного быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общее русло советского развития»².

Одним из показателей различий в уровне развития (индустриализации и вовлеченности в общероссийский капиталистический рынок) может служить уровень урбанизированности территорий союзных республик к этому периоду. В 1913 году в пределах нынешних союзных республик по доле городского населения выделяются территории с высоким и низким удельным весом городского населения. Если Москва, Киев, Баку, Тбилиси уже тогда были крупными промышленными и культурными центрами, то некоторые столицы (Алма-Ата, Душанбе и Фрунзе) оформились лишь в советский период. В 1926 году в пяти республиках столицы фактически являлись самыми крупными городами и основными центрами промышленного и социального развития (табл. 1). В Азербайджане, Грузии, Армении и Узбекистане значительная часть городского населения была сосредоточена в столицах. В результате осуществления политики выравнивания уровней всех регионов, в том числе ранее отсталых регионов России, все республики СССР в настоящее время находятся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития. Планомерное распределение средств страны привело к процессу интенсивного социально-экономического развития союзных республик, темпы которых были различными для каждой отдельной республики. Все это повлекло за собой перестройку социально-культурных параметров населения республик. Интенсивность этой перестройки обусловила формирование черт сходства и различий в происходивших в столицах процессах социально-культурного развития населения.

Важным показателем процесса социально-экономического развития союзных республик в советский период являются темпы урбанизации и изменение удельного веса столичного населения среди городского и всего населения республик.

По темпам роста городского населения выделяются две группы республик: республики, в которых за годы Советской власти

городское население выросло в три и больше раз—Казахстан, Киргизия, Армения, Таджикистан, Туркмения, Молдавия*, и республики, в которых население городов выросло менее чем в два раза—Узбекистан, Азербайджан, Литва, Латвия и Эстония. Промежуточное звено составляют три республики, городское население которых выросло в два и два с половиной раза—Украина, Белоруссия и Грузия. В общем процессе роста удельного веса столиц среди всего населения республик отмечаются как общие закономерности, так и некоторые особенности в изменении доли населения этих городов в городском населении. В довоенный период социалистического строительства замечается резкое повышение удельного веса населения столиц таких республик, как Казахстан, Армения, Киргизия, Таджикистан и, наоборот, снижение этих показателей у Украины, Белоруссии, Туркменин. В последующий послевоенный период только в Армении и Таджикистане отмечается рост доли столиц в городском населении, в то время как во всех остальных республиках эти показатели снижаются.

* Молдавия дана в сравнении с периодом вхождения в СССР.

Таблица 1

Изменение доли городского (1) и столичного населения во всем населении (2) и столичного населения среди городского (3) союзных республик за годы Советской власти (по данным Всесоюзных переписей населения)^а, в %

Союзные республики	1926*			1939			1959			1970			1979		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
РСФСР	—	2	—	33	4	12	52	5	10	62	5	9	69	6	9
Украинская ССР	19	2	9	34	2	6	46	3	6	55	4	6	61	4	7
Белорусская ССР	17	3	15	21	3	12	31	6	20	43	10	24	55	13	24
Узбекская ССР	22	7	33	23	9	37	34	11	35	37	12	33	41	12	28
Казахская ССР	9	1	—	28	4	13	44	5	11	50	6	11	54	6	12
Грузинская ССР	22	11	50	30	14	48	42	17	41	48	19	40	52	21	41
Азербайджанская ССР	28	18	86	36	24	67	48	26	50	51	25	50	53	26	48
Литовская ССР	—	5	—	23	7	32	39	9	22	50	12	24	61	14	23
Молдавская ССР	—	6	—	13	5	35	22	8	34	32	10	31	39	13	32
Латвийская ССР	—	11	—	35	19	53	56	28	50	62	31	50	68	33	48
Киргизская ССР	12	1	—	19	6	32	34	11	31	37	15	39	39	15	39
Таджикская ССР	10	—	—	17	5	33	33	12	35	37	13	35	35	13	37
Армянская ССР	19	7	39	29	16	53	50	29	59	59	31	53	66	34	51
Туркменская ССР	14	6	41	33	10	30	46	11	24	48	12	24	48	11	24
Эстонская ССР	—	15	—	34	15	45	56	24	42	65	27	41	70	29	42

* Или ближайший опубликованный год.

Высокие темпы роста населения указанных городов происходят за счет активных миграционных процессов, которые могут быть, с одной стороны, одним из факторов, ускоряющих консолидацию наций и их дальнейшую интеграцию, с другой — изменяющих социально-культурные параметры группы населения, являющихся существенным звеном в формировании современного социально-культурного облика городов.

По интенсивности темпов роста населения столичных городов можно судить о роли миграции в складывании их современного населения.

Среди столичных городов по интенсивности темпов роста на-

Таблица 2

Темпы роста населения столиц союзных республик в период
с 1917 по 1979 г.¹

Города	1917* г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Москва	100	245 100	326 133	382 156	432 176
Киев	100	182 100	237 130	349 192	458 252
Минск	100	155 100	333 215	599 387	834 538
Ташкент	100	216 100	316 167	539 249	693 320
Алма-Ата	100	634 100	1303 205	2086 329	2600 410
Тбилиси	100	225 100	304 135	390 174	461 205
Баку	100	312 100	390 125	510 164	625 201
Вильнюс	100	155 100	170 110	268 173	346 224
Кишинев	100	83 100	159 193	262 317	378 457
Рига	100	155 100	258 167	325 210	371 240
Фрунзе	100	775 100	1817 234	3575 461	4412 573
Душанбе	100	100 100	273 273	451 451	595 595
Ереван	100	600 100	1450 241	2247 375	2997 500
Ашхабад	100	489 100	654 134	973 199	1200 246
Таллин	100	100 100	177 177	227 227	270 270

* 1917 или ближайший опубликованный год.

селения выделяются столицы среднеазиатских республик (кроме Туркменин). Белоруссии и Азербайджана. За период между 1917 и 1979 гг. население Минска, Ташкента и Баку выросло более чем в 6—8 раз, а Алма-Аты, Фрунзе и Душанбе за последние 40 лет—от четырех до пяти раз (см. табл. 2). В этом отношении среди столичных городов выделяется Ереван: за период между 1917 и 1979 гг. население города выросло почти в 30, а между 1939 и 1979 гг.—в 5 раз.

В период между 1939 и 1979 гг. население столиц росло намного быстрее, чем все население остальных городов. Темпы роста столичного населения Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Молдавии, Киргизии, Армении и Таджикистана намного превышают темпы роста всего городского населения этих республик (табл. 3). Если темпы роста населения столиц превышают темпы роста всего городского населения, то основные направления миграционных потоков этих республик приходится на их долю.

Таблица 3

Темпы роста городского и столичного населения союзных республик
(1939 г.—100)⁵

Союзные республики	1959 г.		1970 г.		1979 г.	
	город- ское	столич- ное	город- ское	столич- ное	город- ское	сто- лич- ное
РСФСР	169	133	223	156	263	176
Украинская ССР	141	130	189	192	225	252
Белорусская ССР	134	215	211	387	284	538
Узбекская ССР	186	167	294	249	432	320
Казахская ССР	241	205	387	329	469	410
Грузинская ССР	161	135	210	174	244	205
Азербайджанская ССР	153	125	222	164	277	201
Литовская ССР	160	110	239	173	313	224
Молдавская ССР	195	193	344	317	471	457
Латвийская ССР	177	167	223	210	261	240
Киргизская ССР	258	234	407	461	506	573
Таджикская ССР	259	273	433	451	532	595
Армянская ССР	241	241	405	375	544	500
Туркменская ССР	170	134	249	199	318	246
Эстонская ССР	190	177	248	227	288	270

Таким образом, среди столиц союзных республик выделяются три группы.

Первая группа—столичные города, которые к периоду установления Советской власти были большими промышленными центрами, с мозаичным по своему национальному составу населением (Тбилиси, Баку, Ташкент). До революции они были ос-

Динамика изменения отраслевой структуры рабочих и служащих
Армянской ССР. в %⁶

Рабочие и служащие, занятые в отраслях народного хозяйства	1928 г.	1940 г.	1950 г.	1960 г.	1970 г.
В промышленности (промышленно-производственный персонал)	24	28	34	33	33
В строительстве, на транспорте и в связи	22	19	17	20	20
В сельском и лесном хозяйстве	16	5	6	9	12
В торговле, общ. питании, маттехснабе и сбыте	4	10	8	6	7
В здравоохранении, просвещении, науке и научн. обслуж.	14	20	22	21	21
В аппарате гос. и хоз. упр. органов управ. кооп. и общ. организаций	14	9	5	3	2
В прочих отраслях	6	9	8	8	5
Всего рабочих и служащих	100	100	100	100	100

новными индустриальными центрами этих регионов. В период социалистического строительства по темпам роста населения столиц данных республик уступало росту всего городского населения, что было обусловлено более быстрым ростом других городов. Эти столичные города за годы Советской власти только удвоили свое население, что обеспечивалось большей частью естественным приростом. За указанный период население этих городов оставалось многонациональным. К ним можно отнести также такие столицы, как Рига, Ашхабад и Вильнюс.

Вторую группу составляют те столичные города, которые как города оформились в советское время и имели высокие темпы роста населения, возрастающего по своему удельному весу среди всего, а также городского населения республики. Данные города, вследствие высоких темпов роста населения и слабой урбанизированности этих республик, формировались в основном из сельского населения своих республик и городского населения других промышленно развитых регионов страны. Такая тенденция особенно сильно проявилась в первые периоды развития этих городов. Все это имело большое значение в формировании их национального состава и определило характер происходивших в них этнических процессов. В отличие от первой группы столиц (таких, как Тбилиси, Баку, Вильнюс и пр., уже имевших устоявшееся население, а следовательно и устоявшиеся городские традиции, нормы поведения и пр.), эти города в процессе интенсивного социально-экономического развития стали центрами «собираения» различных групп населения, отличающихся друг от друга как национальными и этнографическими, так и социальными

признакам. К этой группе можно отнести Кишинев, Алма-Ату, Фрунзе и Душанбе.

Третья группа—те столицы, которые до революции были городами малой величины, имели высокие темпы социально-экономического развития и за все периоды социалистического строительства занимали значительное место в общем развитии этих республик (Таллин и Ереван).

В целом же общие тенденции развития этих городов отмечаются по трем периодам. В первом—в период бурного развития—происходит рост доли жителей столиц во всем населении (особенно в городском), интенсивные миграционные процессы имеющие большое значение в формировании населения столиц, их социально-экономическом развитии. Во втором периоде наблюдается изменение структуры городского населения: в одних республиках отмечается увеличение, в других—уменьшение доли населения столиц в городском населении. И в третьем—отмечается общая тенденция уменьшения удельного веса населения столиц в городском населении союзных республик. Если в первом и во втором периодах отмечается усиление национальной мозаичности населения столичных городов, то в третьем периоде в подавляющем большинстве случаев происходит рост доли представителей коренной национальности⁷.

Ереван выделяется среди всех столиц союзных республик СССР мононациональным составом своего населения, высокими темпами его роста, большим удельным весом в городском и во всем населении республики и особенностями формирования населения.

Ереван как столица Армянской ССР в годы Советской власти играл большую роль в индустриализации, в урбанизации и в социально-культурном развитии всей республики. Город в силу исторических обстоятельств стал местом интенсивного развития значительности армянского этноса. Этим в основном определяются особенности его социально-экономического развития и социально-культурного облика его современного населения. Для того чтобы представить, какие процессы имели место в развитии Еревана и в формировании его населения при Советской власти, обратимся к истории города.

До революции, по воле исторических судеб, развитие национальной культуры армян большей частью было связано с армянскими переселенческими очагами, находившимися за пределами Армении: в Тбилиси, Баку, Москве, Петербурге, Нор-Нахичеване, Константинополе, Венеции, Мадрасе и других городах мира. Общественно-политическая, научная и культурная жизнь значительной части этноса была связана с этими центрами⁸. В них жили и творили крупнейшие армянские общественно-политические деятели, писатели, художники, композиторы, ученые. Большая

часть национальных учебных заведений, издательств, прессы и других очагов культуры была сосредоточена в этих центрах, крупная, мелкая буржуазия и пролетариат армянского происхождения были составной частью социальных слоев их населения⁹. К этому периоду значительно количество армян было компактно расселено в сельских населенных пунктах в сопредельных с Арменией странах, в том числе и в Российской империи (в основном в Закавказье и на Северном Кавказе)¹⁰. Во время первой мировой войны из Западной Армении бежало спасшееся от турецкой резни армянское население¹¹, часть беженцев (350 тыс. человек) обосновалась в Закавказье¹².

Говоря о расселении армян на территории Российской империи, нельзя не подчеркнуть роль этих переселений в этнических процессах, происходивших до революции в этносе.

Наряду с делением армян в этнографическом отношении на восточных и западных следует также учитывать этнографическое районирование древней Армении, которое сохранилось в значительной мере вплоть до начала XX века. Территория Армянского нагорья делилась в прошлом на четыре основных этнографических района: Высокая Армения (Ерзинджан-Ерзиника, Карин-Эрзерум и Карс); Софена—Алдзник (Харберд и Диярбекир); Васпуракан—Туруберак (бассейн оз. Ван и Муш); Арарат—Сюник (Араратская долина и прилегающий к ней горный массив Малого Кавказа)¹³.

Из указанных этнографических районов, особенно из Западной Армении, армянское население в различные периоды переселялось в города и села Российской империи.

Малоконтактность села, особенно тех сел, население которых формировалось из переселенцев одного этнографического района, способствовала сохранению национальных особенностей и этнографической специфики этих групп. Переселение из Западной Армении большей частью сопровождалось изменением типа поселения. Так, например, сельские жители из Западной Армении при переселении оседали в основном в городах. Армянские переселенческие очаги в крупных городах России к началу революции пополнились беженцами из Западной Армении, что отразилось на этнографической структуре армянской части населения этих городов.

Такие города, с одной стороны, были центрами развития армянской национальной культуры, с другой—местом интенсивных межнациональных контактов. По уровню образования армяне в Российской империи находились на втором месте после русских: в 1897 году у них на 10000 человек приходилось 108 имеющих образование выше начального (у русских—120)¹⁴, что объяснялось высоким уровнем урбанизированности армян уже в этот пе-

риод. Все это отражалось на социально-культурных параметрах данных групп этноса: более разнообразная социальная дифференциация, относительно высокий уровень образования, большее разнообразие элементов национальной культуры как профессиональной, так и традиционной, и интенсивное потребление интернациональных форм культуры и пр. Одним из свидетельств этого явления было языковое поведение армян в этих городах. Среди горожанин армян, проживавших в 1926 году в инонациональном окружении, в качестве родного языка 16,3% указывали язык не своей национальности, а среди сельских—12,4%¹⁵.

В 1897 году из всех городских армян России только 21,3% проживали в городах на территории нынешней Армянской ССР, а из сельских—50,3%¹⁶.

Эриванская губерния, на территории которой в основном и образовалась Армянская ССР, была одной из отсталых регионов дореволюционной России. 90% населения губернии проживало в селах, остальные 10% приходились на такие города, как Ереван, Александрополь, Нор-Баязет и Горис. Эти города были центрами ремесел, торговли и переработки сельскохозяйственного сырья.

В 1913 году в крупной промышленности было занято 4956 человек¹⁷, или 0,5% всего населения этой территории. При этом, как отмечает О. Е. Туманян, «...в двух городах Армении существовали еще десятки и даже сотни мелких и мельчайших промышленных предприятий, дававших ежегодно продукции в 5,2 млн. рублей, т. е. около 1/3 производства крупной промышленности»¹⁸, 88,8% этих рабочих были заняты в медной промышленности¹⁹.

По данным, приводимым в работе О. Е. Туманяна, в 1913 году удельный вес промышленности в народном хозяйстве Армении составлял 23,9%, из которых 25,0% приходилось на мелкие мастерские ремесленного типа²⁰.

За годы Советской власти сложилась промышленность республики. При этом наиболее высокие темпы развития приходились на последние периоды—1950—1970 годы. Бурные темпы экономического развития сопровождались и урбанизационным процессом. В табл. 4—5 даны динамика изменения отраслевой структуры и темпы роста численности рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства республики. Как видно из таблиц, во всех отраслях народного хозяйства республики возросло количество рабочих и служащих. При этом по удельному весу работающих изменилась также структура этих отраслей. Наиболее быстрые темпы роста численности рабочих и служащих наблюдались в научном производстве и в сфере обслуживания, медленные—в органах управления, кредитования и страхования. Это

привело к увеличению удельного веса тех отраслей, которые определяют направление дальнейшего развития республики: промышленности, науки, здравоохранения, просвещения и сферы обслуживания.

Таблица 5

Темпы роста количества рабочих и служащих Армянской ССР по отраслям народного хозяйства

Отрасли народного хозяйства	1928 г.	1940 г.	1950 г.	1960 г.	1970 г.
Промышленность (промышленно-производственный персонал)	100	367 100	675 184	1183 323	2275 620
Строительство, транспорт и связь	100	242 100	333 138	708 293	1400 579
Сельское и лесное хозяйство	100	88 100	175 200	463 529	1263 1443
Торговля, обществ. питание, маттехснаб и сбыт	100	800 100	900 113	1400 175	3000 375
Здравоохранение, просвещение, наука и научн. обслуживание	100	457 100	743 163	1271 278	2486 544
В аппарате гос. и хоз. упр., органов упр. кооп. и общ. организаций	100	200 100	186 93	157 79	257 129
Прочие отрасли	100	467 100	633 136	1167 250	1467 314
Всего рабочих и служащих	100	312 100	474 152	854 274	1676 537

Бурные темпы экономического и культурного строительства в республике сопровождались развитием социальной структуры населения. До революции 90% населения республики было неграмотным²¹, подавляющее большинство составляло беднейшее крестьянство, а рабочих было всего 0,5%. Сложившаяся за годы Советской власти социальная структура населения характеризуется сложностью социально-профессионального состава и высоким уровнем образования большинства этих групп (табл. 7).

Уровень образования рабочих и служащих Еревана за все периоды социалистического строительства был выше городского и всего населения республики в целом, что говорит о качественной разнице социально-профессионального состава рабочих и служащих Еревана и остального населения Армянской ССР. При сравнении по трем периодам между переписями 1959, 1970, 1979 гг. отмечается «подтягивание» уровня образования рабочих и служащих как всего городского, так и остального населения республики (табл. 8).

Развитие культуры в Армянской ССР за годы Советской власти²²

Таблица 6

	1914 г.*	1928 г.*	1940 г.	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1984 г.
Выпуск книг:								
Всего печ. единиц	55	372	699	830	1247	1063	1165	1055
тираж, тыс. экз.	80	1079	2819	4878	6914	8586	9022	11555
в том числе на арм. яз.	40	1053	2584	4579	5543	7125	7386	9073
Выпуск журналов и других периодических изданий, всего	2	22	24	34	61	101	91	92
годовой тираж, тыс. экз.	1	218	505	458	1987	12463	19707	24097
в том числе на арм. яз.	—	—	—	434	1867	11503	17527	21018
Выпуск газет, всего изданий	6	9	56	55	87	81	86	87
Количество театров	2	2	27	16	11	14	14	15
Количество музеев	—	4	11	16	21	34	43	51
Количество киноустановок	6	133	168	374	534	732	840	873
Количество клубных учреждений	1	198	897	1163	1119	1139	1234	1239
Число общеобразовательных школ	459	836	1218	1405	1494	1505	1507	1486
Число средних специальных учебных заведений	—	12	62	44	38	59	65	66
в них учащихся, тыс. чел.	—	1,7	9,0	10,3	14,8	47,1	51,8	47,9
Количество вузов,	—	2	9	15	10	12	13	13
в них студентов, тыс. чел.	—	1,6	11,1	15,1	20,2	54,4	58,1	57,9

Таблица 7

Уровень образования населения Армянской ССР по отдельным занятиям на 1979 г.²³

	На 1000 лиц данного занятия имеют образование;		
	высшее и незаконченное высшее, среднее специальное	среднее общее	неполное среднее
Лица, занятые преимущественно физическим трудом	91	425	297
Лица, занятые преимущественно умственным трудом	747	218	28
Все занятое население	291	362	215

* 1914 или ближайший опубликованный год.

Изменение уровня образования столичного, всего городского и населения республики в целом по данным Всесоюзных переписей населения (в расчете на 1000 чел.)²⁴

Годы	С высшим и средним (полным и неполным) образованием		В том числе:				
	с высшим	незаконч. высшим и сред. полным и неполным	незаконч. высшим	средн. специализ.	средн. общим	неполным средн.	начальным
Все население							
1959 г.	39	406	15	39	115	237	248
1970 г.	57	459	22	49	187	201	267
1979 г.	91	622	21	92	282	227	217
Городское население							
1959 г.	63	471	24	51	159	237	232
1970 г.	82	522	31	61	236	194	233
1979 г.	123	652	29	107	308	208	180
Население Еревана							
1959 г.	83	483	34	52	174	223	216
1970 г.	116	527	43	59	250	175	208
1979 г.	170	639	42	101	309	187	154

Социально-экономический подъем республики в большей мере сказывался на развитии ее столицы—Еревана. За весь период социалистического строительства темпы развития столицы во многом опережали темпы развития республики в целом. Экономическое развитие Армянской ССР вызвало к жизни бурный урбанизационный процесс, на гребне которого был город Ереван.

За годы Советской власти валовая продукция промышленности Еревана росла вдвое быстрее, чем всей республики²⁵.

Таблица 9

Изменение удельного веса населения Еревана²⁶ (в %)

Годы	Доля городского населения	Доля Еревана по всем населению	Доля Еревана в городском населении
1913	10,0	4,6	44,3
1926	19,0	7,3	38,3
1939	28,6	15,5	55,7
1959	50,0	29,4	56,6
1970	60,0	31,0	52,3
1979	66,0	30,7	51,8

До революции Ереван как губернский центр не играл роли промышленной базы региона. Основной отраслью промышленности в этот период была медная. Народное хозяйство города было представлено мелкими заводами, обрабатывающими сельскохозяйственное сырье, и несколькими механическими мастерскими.

В 1913 году по данным, приводимым в работе Т. Х. Акопяна, «... все мелкие и крупные промышленные предприятия Еревана имели около 800 рабочих»²⁷, т. е. 16,1%²⁸ от общего количества рабочих республики. В это время, по мнению Т. Х. Акопяна, город был самым крупным центром ремесленного производства губернии. На основании архивных материалов он показывает, что «в 1906 году число мастерских и мастеровых Еревана было в четыре раза и более выше общего числа мастерских и мастеровых Александрополя и Нор-Баязета»²⁹.

Накануне первой мировой войны в Ереване было 1500—1600 ремесленников³⁰. Таким образом, в 1913 году в Ереване было 46,1 тыс. человек, в основном ремесленники, рабочие и их семьи. Социальная структура населения города в целом отражала социальную структуру населения окрестного губернского центра с явно выраженным аграрным профилем. При этом население города составляло 4,6% от всего населения той территории, на которой была образована в 1920 г. Армянская ССР (табл. 9).

В период первой мировой войны экономика города переживала упадок. С первых же лет установления Советской власти и становления Еревана столицей Армянской ССР начинается бурное экономическое и социальное строительство.

За короткий срок была восстановлена промышленность города, и в 1925—1926 гг. его промышленная продукция уже в два раза превышала дореволюционный уровень³¹. Индустриальное развитие города по интенсивности можно разделить на три периода: 1920—1940 гг., 1940—1960 гг. 1960—1979 гг. В первый период было введено в эксплуатацию 28,0% промышленных предприятий, во второй—56,0%, а в третий—16,0%³².

Наряду с промышленным развитием в городе разворачивается культурное строительство. Создаются центры подготовки квалифицированных кадров для народного хозяйства республики. Уже в 1920 г. создается Ереванский государственный университет.

В 1984 г. в городе насчитывалось 13 вузов, в которых обучалось 57,9 тыс. студентов³³.

До революции в Ереване не было музеев, имелись лишь три гимназии, одна семинария, одна библиотека, один клуб и два театра³⁴. За годы Советской власти в городе были созданы крупные очаги культуры, такие, как Государственная опера, драматический театр им. Г. Сундукяна, Государственный музей истории Армении, Картинная галерея, Госфилармония и др. В 1984 г.

в Ереване было 9 театров, 123 библиотеки, 83 клубных учреждения, 59 кинотеатров, издавалось более 90 журналов и других периодических изданий, свыше 1050 названий книг. Кроме того, в городе функционировало 66 средних специальных учебных заведений и 1486 средних школ³⁵.

Таким образом, за годы Советской власти Ереван превратился в один из крупнейших центров страны, стал одним из самых значительных очагов армянской культуры, центром подготовки высококвалифицированных кадров для народного хозяйства республики и средоточием научных учреждений³⁶ (см. табл. 6).

Такой подъем экономики и культуры повлек за собой повышение уровня образования и в корне изменил социальную структуру населения города.

К началу индустриализации в социальной структуре города 79,5% составляли работники физического труда, из которых только 22,5% — высококвалифицированные работники индустриального профиля. Из работников умственного труда 85,2% составляли служащие (табл. 10). Повышение уровня образования населения города отразилось на его современной социальной структуре.

Таблица 10

Изменение социально-профессионального состава населения Еревана
в советский период, в %

	1926 г. ³⁷	В период опроса*
Занятое население, занимающееся:		
<i>Преимущественно физическим трудом</i>	79,5	54,9
Из них:		
квалифицированным и неквалифицированным физическим трудом	77,5	51,4
неиндустриального профиля	22,5	48,6
квалифицированным физическим трудом индустриального профиля	20,5	45,1
<i>Преимущественно умственным трудом</i>		
Из них:		
служащие	85,2	39,2
специалисты с высшим и среднеспециальным образованием	14,8	60,8
В с е г о	100,0	100,0

Картина резко изменилась: она характеризуется высокой долей работников физического труда индустриального профиля и спе-

* Данные этносоциологического обследования населения Еревана.

циалистов с высшей и средней квалификацией. Изменилось также соотношение лиц, занятых умственным и физическим трудом. Если в 1926 году из всех занятых в народном хозяйстве города только 20,5% приходилось на работников умственного труда, в настоящее время они составляют 45,1%.

Ереван как столица республики занимал особое место в народном хозяйстве Армянской ССР. В период индустриализации большая часть вводимых промышленных объектов приходилась на столицу. Все крупные очаги культуры сосредотачивались в Ереване. Самый значительный прирост населения приходился на его долю. Почти половина рабочих и служащих республики приходилась на столицу (табл. 11).

Таблица 11

Удельный вес рабочих и служащих Еревана среди общего количества трудящихся республики³⁸

	1940 г.	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1979 г.
Численность рабочих и служащих АрмССР, тыс. чел.	156	237	427	838	1151
Численность рабочих и служащих Еревана, тыс. чел.	50	96	209	369	507
в % к общей численности рабочих и служащих республики	32,1	40,5	48,9	44,0	44,1

Как видно из табл. 11, до 1960 года шел процесс увеличения доли рабочих и служащих города в их общем количестве в республике. После 1960 г. происходит постепенное снижение и стабилизация этих показателей.

Урбанизационный процесс, обусловленный экономическим развитием и научно-техническим прогрессом, вызвал массовый приток населения в города. В республике образовались и выросли 24 города и 33 поселка городского типа³⁹. В 1979 году городское население составляло 66,0% всего населения республики. За годы Советской власти население республики выросло в 3,2 раза, а городов—почти в 22 раза⁴⁰. При этом население Еревана выросло более чем в 30 раз⁴¹.

Одна из особенностей этносоциальных процессов, происходящих в республике,—это миграция армянского населения из других мест в Армянскую ССР и социально-культурное развитие этого населения в моноэтнической среде высокоурбанизированной республики.

Таблица 12

Изменение соотношения армян, проживающих в пределах СССР, по данным переписей населения, в %⁴²

	1897 г.		1926 г.		1959 г.		1970 г.		1979 г.	
	в Эриванской губернии	в других губерниях Российской имп.	в пределах АрмССР	за пределами АрмССР	в пределах АрмССР	за пределами АрмССР	в пределах АрмССР	за пределами АрмССР	в пределах АрмССР	за пределами АрмССР
В городах	21.3	78.7	26.8	73.2	51.6	48.4	60.0	40.0	нет	свед.
В селах	50.3	49.7	58.7	41.3	61.3	38.7	65.7	34.3	нет	свед.
Всего	43.5	56.5	47.4	52.6	55.7	44.3	62.0	38.0	65.6	34.4

Из данных табл. 12 видно, что удельный вес армян—городских жителей в республике в общем количестве проживающих в городах СССР в 1970 г. увеличился на 38,7%, в то время как среди сельских жителей—на 15,4%. При этом доля армян, проживающих в Армянской ССР, в их общем количестве в 1979 г.

Таблица 13

Изменение соотношения городского и сельского армянского населения, проживающего в пределах СССР, в %

	Удельный вес армян, проживавших в:	
	городах	селах
1897 г.		
В Эриванской губ.	11,4	88,6
В др. губ. Российской империи	32,4	67,6
Всего в Российской империи	23,2	76,8
1926 г.		
В Армянской ССР	19,8	80,2
В др. союзн. респ.	49,3	50,7
Всего в СССР	35,4	64,8
1959 г.		
В Армянской ССР	52,2	47,8
В др. союзн. респ.	62,0	38,9
Всего в СССР	56,6	43,4
1970 г.		
В Армянской ССР	62,7	37,3
В др. союзн. респ.	68,2	31,8
Всего в СССР	64,8	35,2
1979 г.		
В Армянской ССР	68,9	31,1
В др. союзн. респ.	нет свед.	нет свед.
Всего в СССР	нет свед.	нет свед.

выросла на 22,1%. Это свидетельствует о значительности миграции армян, в том числе из городов других союзных республик в города Армянской ССР.

Указанное подтверждается как динамикой изменения уровня урбанизированности армян, проживающих в Армянской ССР, в других союзных республиках, так и статистическими данными межреспубликанской миграции населения⁴³ (табл. 13).

В 1970 г. в Армянской ССР удельный вес армян, проживающих в городах, по сравнению с 1897 г., вырос на 51,3%, в то время как в других республиках—на 35,8%. Отставание темпов урбанизации армян, проживающих в других республиках СССР, от темпов урбанизации в Армянской ССР при высоком уровне урбанизации этих республик подтверждает, что значительная часть горожан-армян в эти периоды мигрировала в города Армянской ССР. Располагая высоким уровнем промышленного производства, развитой инфраструктурой и мощной социально-культурной базой, Ереван притягивал это население. В первые периоды социалистического строительства для армян, проживавших в городах других союзных республик, Ереван стал тем центром, где они могли бы приложить свои знания и опыт в экономическом, социальном и культурном развитии республики своей национальности⁴⁴.

Роль Еревана как промышленного и культурного центра республики определила также основные направления миграционных потоков сельского населения Армянской ССР и других союзных республик. Значение миграции в росте населения города огромно. Неоспоримым доказательством служит бурный рост его населения. Это подтверждается также статистическими данными о доле механического прироста в общем приросте населения города⁴⁵.

Таблица 14

Национальный состав населения Еревана⁴⁶, в %

Национальность	1926 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Армяне	89,0	94,0	95,2	95,7
Русские	1,7	4,4	2,8	2,6
Азербайджанцы	8,9	1,2	0,3	0,3
Другие национальности	0,4	1,4	1,7	1,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Тот факт, что за всю историю современного развития население города в основном было мононациональным (табл. 14), говорит о своеобразном характере этнических процессов, происхо-

дивших в Ереване, т. е. здесь речь должна идти об этнокультурных процессах, происходящих в одном этносе, группы которого имеют отличия, основывающиеся на этнографической специфике и особенностях, выработанных в инонациональном окружении. К этому следует добавить отличительные черты, присущие жителям различных типов поселений, т. е. города и села.

Кроме этнической стороны этого процесса есть также социально-демографический аспект. Являясь центром республики и армянского этноса, Ереван сыграл большую роль в развитии социального облика населения республики и других групп армянского этноса, в изменении демографических параметров этноса.

За весь период социалистического строительства возрастная структура населения города не претерпела каких-либо значительных изменений, имела сравнительно молодой состав. Хотя в последний период отмечается некоторое старение демографической структуры, но это не отражается на всей картине в целом (табл. 15).

Таблица 15

Возрастная структура населения Еревана по данным переписей населения, в %⁴⁷

Возрастные группы	1926 г.	1959 г.	1970 г.
До 19 лет	42,9	39,0	42,2
20 — 24	13,3	11,5	9,2
25 — 29	9,8	9,9	6,0
30 — 39	14,2	15,1	16,1
40 — 49	9,3	8,7	11,4
50 — 59	5,3	7,6	5,8
60 и старше	5,4	8,1	9,3

Формирование современного населения Еревана из миграционных потоков можно подразделить на три этапа. Первый этап — формирование из мигрантов городов Армянской ССР, других республик и репатриантов первого потока. Второй — период бурного урбанизационного процесса — формирование из сельских мигрантов и репатриантов второго потока. Третий — когда в миграционных потоках опять стал преобладать городской элемент (как отмечает Б. С. Хорев, «... в миграционном движении городского населения сейчас преобладают межгородские потоки, причем интенсивность их увеличивается»⁴⁸), когда с ростом городского населения в республике начали доминировать миграционные потоки из малых и средних городов в крупные.

Обратимся к данным этносоциологического обследования на-

селения Еревана. Приведенная структура периодов переселения мигрантов из различных типов поселений с учетом изменения миграционной структуры города хотя не в точности отражает картину состава мигрантов по происхождению, но в целом дает возможность судить о преобладании того или иного элемента в миграционном потоке в разные периоды социалистического строительства (табл. 16).

Таблица 16

Изменение удельного веса сельских и городских мигрантов в миграционном потоке по периодам социалистического развития Еревана, в %

Группы мигрантов	Периоды переезда					
	до 1930 г.	1931—1940 гг.	1941—1950 гг.	1951—1960 гг.	1961—1970 гг.	После 1970 г.
Сельские мигранты	28,5	44,8	42,9	40,0	47,6	35,4
Городские мигранты	71,5	55,2	57,1	60,0	52,4	64,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

На примере изменения соотношений удельного веса городских и сельских мигрантов, приведенных в табл. 16, наглядно показан этот процесс.

Таким образом, Ереван в отличие от столичных городов других союзных республик формировался в основном из миграционных потоков армянского городского и сельского населения как из самой республики, так и вне ее пределов. Являясь столицей Армянской ССР, город вбирал основную часть миграционных потоков республики. Социально-экономическое и культурное развитие и рост населения Еревана можно разделить на три периода. Первый период охватывает промежуток времени от установления Советской власти в Армении до Великой Отечественной войны: в этот период было построено 28% современных промышленных предприятий, заложены основные очаги культуры. В этот период в миграционных потоках города преобладал городской элемент. Второй период охватывает военный и послевоенный период развития города. В это время было построено и введено в эксплуатацию 56% всех промышленных предприятий Еревана, происходит бурный рост его населения. Во втором периоде удельный вес промышленного потенциала, рабочих, служащих и всего населения города был самым высоким в республике за все периоды социалистического строительства. В миграционных потоках этого периода половина приходится на сельских мигрантов.

Третий период—период стабилизации роста, когда в условиях научно-технической революции происходит рост других горо-

дов республики и роль Еревана как промышленной базы республики уменьшается, в миграционных потоках начинают преобладать межгородские потоки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ереван в цифрах. Экономика и культура города Еревана (краткий стат. сб.), Ереван, 1984, с. 138.
- 2 Цит. по кн.: Современные этнические процессы в СССР, Наука, М., 1975, с. 104.
- 3 Таблица составлена на основании данных: Современные этнические процессы в СССР, с. 143; Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР, Мысль, М., 1971, с. 82; Покишиевский В. В. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения. — Советская этнография (в дальнейшем: СЭ), 1969, № 5, с. 8; Экономика и культура Армянской ССР, Ереван, 1975, с. 128; СССР в цифрах в 1979 году, Статистика, М., 1980, с. 13—14.
- 4 Таблица составлена на основании данных: Покишиевский В. В. Указ. раб., с. 8; Экономика и культура города Еревана, с. 128.
- 5 Таблица составлена на основании данных: Экономика и культура города Еревана, Ереван, 1975, с. 128; Экономика и культура города Еревана, Ереван, 1984, с. 137.
- 6 Таблицы 4—5 составлены на основании данных: Советская Армения за 50 лет, Ереван, 1970, с. 253.
- 7 Покишиевский В. В. Указ. раб., с. 10.
- 8 С потерей государственности (XIV век) армяне вынуждены были создавать очаги национальной культуры в других странах. В данном случае речь идет о положении армян к началу Великой Октябрьской революции.
- 9 См.: Абрамян А. Г. Краткий очерк истории армянских переселенческих очагов, в двух томах, т. 1, Ереван, 1964, т. 2, 1967 (на арм. яз.); Апполаджян А. История армянского беженства, Нор-астх, Каир, 1960, т. III; Волкова Н. Г. Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX—XX вв.—СЭ, 1968, № 3, с. 39—51.
- 10 Коркотян З. От белой резни до красного строительства, Ереван, 1929, с. 4 (на арм. яз.).
- 11 См.: Геноцид армян в Османской империи (сб. док. и материалов), Ереван, 1966.
- 12 Коркотян З. От белой резни до красного строительства, с. 4.
- 13 Народы Кавказа, Изд-во АН СССР, М., 1962, т. II, с. 440.
- 14 См. табл. 2 в кн.: Современные этнические процессы в СССР, с. 120.
- 15 См. табл. 8 в кн.: Современные этнические процессы в СССР, с. 297.
- 16 Вычислено по данным: Общий свод по Империи результатов разработки

- данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., СПб., 1905, с. 2, 6, 19; *Коркотян З.* Население Советской Армении в последнем столетии, Ереван, 1932, табл. 3 (на арм. яз.).
- 17 *Туманян О. Е.* Развитие экономики Армении в XIX и в начале XX вв., Ереван, 1947, с. 268.
 - 18 Там же, с. 269.
 - 19 Там же, с. 268.
 - 20 *Туманян О. Е.* Указ. раб., с. 278.
 - 21 Народы Кавказа, с. 461.
 - 22 Таблица 6 составлена на основании данных: Советская Армения за 50 лет, с. 329—369; Экономика и культура Армянской ССР, с. 123—129 и ЦСУ Армянской ССР.
 - 23 Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., Финансы и статистика, 1984, с. 196, 214.
 - 24 См.: Численность и состав населения СССР, с. 39, 60, 68. Экономика и культура города Еревана, с. 69.
 - 25 См.: Экономика и культура Еревана, с. 29.
 - 26 Таблица составлена на основании данных: Экономика и культура Армянской ССР, с. 7; Экономика и культура города Еревана, с. 15.
 - 27 *Акопян Т. Х.* Очерк истории Еревана, Ереван, 1977, с. 226.
 - 28 Процент вычислен на основании данных Т. Х. Акопяна и О. Е. Туманяна в указанных монографиях.
 - 29 *Акопян Т. Х.* Очерк истории Еревана, с. 227.
 - 30 *Акопян Т. Х.* История Еревана (1879—1917 гг.), Ереван, 1963, с. 96—97 (на арм. яз.).
 - 31 Там же, с. 336.
 - 32 Экономика и культура города Еревана, с. 131—145.
 - 33 Там же.
 - 34 *Акопян Т. Х.* Очерк истории Еревана, с. 282—290.
 - 35 См.: Экономика и культура Еревана, с. 89.
 - 36 В 1979 году в Ереване была сосредоточена большая часть научных учреждений республики.
 - 37 Вычислено по данным: *Коркотян З.* Статистика города Еревана (1830—1930 гг.), Ереван, 1932, с. 94 (на арм. яз.).
 - 38 Таблица составлена на основании данных: Экономика и культура города Еревана, с. 31.
 - 39 Народное хозяйство Армянской ССР в 1980 г., Ереван, 1981, с. 9.
 - Ереван, с. 28; Экономика и культура города Еревана, с. 17.
 - 40 Экономика и культура Армянской ССР, с. 7.
 - 41 Экономика и культура города Еревана, с. 15.
 - 42 Табл. 12—13 составлены на основании данных: Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, проведенной 28 января 1897 г., с. 2, 6, 19; *Коркотян З.* Население Советской Армении в последнем столетии, табл. 3; *Кешишян П.* Межреспубли-

ликанские миграции армян в СССР. — Вестник обществ. наук АН Арм. ССР, 1978, № 12.

- 43 По данным, приводимым В. Е. Ходжабекяном. (См.: *Ходжабекян В. Е.* Армянская Советская Социалистическая Республика. — В кн.: *Население союзных республик*, М., Статистика, 1977, с. 274), только в период 1959—1970 гг. из других союзных республик в Армянскую ССР мигрировали 146 тысяч человек.
- 44 В формировании населения Еревана приняли также участие репатрианты из различных стран. Значительная часть репатриантов, составлявших около 200 тысяч человек (по данным В. Е. Ходжабекяна, около 225—230 тыс. чел. — См.: *Ходжабекян В. Е.* Население Армянской ССР и современные проблемы воспроизводства трудовых ресурсов, Изд-во АН Арм. ССР, Ереван, 1976, с. 49) поселилась в Ереване.
- 45 Так, например, доля механического прироста в общем объеме прироста населения города в 1940 г. составляла 56,7%, 1960 г.—54,0%, в 1970 г.—55,2%, в 1979 г.—31,9%. Экономика и культура города Еревана, с. 14—15).
- 46 См.: *Покишиевский В. В.* Указ, раб., с. 8; Экономика и культура города Еревана, Ереван, 1980, с. 22.
- 47 Таблица составлена на основании данных: *Коркотян З.* Статистика города Еревана, с. 28; Экономика и культура города Еревана, с. 17.
- 48 *Хорев Б. С.* Проблемы городов, Мысль, М., 1975, с. 254.

ФОРМИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЕРЕВАНА

Бурные миграционные процессы стали основой формирования населения городов Армянской ССР. Население столицы—Еревана за годы Советской власти выросло более чем в 20 раз и превысило миллион человек¹. В 1979 году в Ереване была сосредоточена более 1/5 части армянского этноса СССР и 1/3 населения республик².

Своеобразие Еревана—мононациональный состав населения³—отличало его от многих городов, которые, по характеристике В. И. Ленина, обычно выделялись «... наиболее пестрым национальным составом населения»⁴.

Особенностью формирования населения Еревана является то, что оно складывалось в основном из представителей одного этноса, многие группы которого до переезда проживали в инонациональной среде—в различных поселениях, регионах, других республиках и странах. В Ереване самой историей был поставлен эксперимент взаимодействия различных групп этноса, с разнообразными элементами образа жизни, сформировавшихся как в инонациональном окружении (в среде разнотипных этнокультур), так и в среде различных поселений и регионов.

Иными словами, Ереван является тем центром, где в условиях промышленно развитого города происходит взаимопроникновение выработанных в предыдущем месте жительства специфических элементов культуры и быта мигрантов. Взаимная их адаптация (миграционных групп), с одной стороны, внесение этой специфики в среду мононационального города с другой, определяют характер формирования и развития особенностей образа жизни всего населения города. Поэтому при исследовании этих процессов следует отталкиваться от необходимости познания природы этнических процессов: развития национальных особенностей и распространения интернациональных элементов в образе жизни населения, происходящих в городских условиях. При рассмотрении процесса формирования населения Еревана в динамике развития социально-экономических и культурно-бытовых условий города и «среды выхода» миграционных групп стало возможным проследить воздействие этих условий как на исходные позиции мигрантов в Ереване, так и их дальнейшее поведение в городе. Это позволило выявить основные закономерности социально-культурной адаптации и взаимосближения групп мигрантов в Ереване в комплексе социально-экономических и культурно-бытовых показателей.

1. ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Социально-экономическое развитие Еревана за годы Советской власти было бы невозможным без интенсивного роста его населения, главным образом за счет миграции.

На основании материалов этносоциологического обследования населения города можно проследить исходные позиции миграционных групп Еревана к началу их жизнедеятельности в городе, вскрыть общие и специфические черты этих групп и выявить зависимость социально-демографических параметров миграционных групп от места и периода переезда в город, установить роль мигрантов в становлении современного населения Еревана и их место в современной демографической структуре города.

По месту выхода мигранты в исследовании были сгруппированы в следующие категории: 1—сельские мигранты; 2—городские мигранты из Армянской ССР; 3—городские мигранты из других республик СССР; 4—репатрианты.

Сельские мигранты объединяют группу мигрантов из сел Армянской ССР, других республик СССР и зарубежных стран. Они объединены в одну группу по той причине, что по своим социально-культурным параметрам (социально-профессиональным составом, традиционным поведением, языком, бытом и др.) имеют между собой схожие черты и в целом отличаются от городских миг-

рантов, хотя и эта группа в своей массе неоднородна и состоит из представителей разных этнографических районов.

Различия между группами сельских мигрантов в основном этнографического характера и выражаются в некоторых элементах обрядности, быта, поведения, диалекта и т. п. В городе сельские мигранты сохраняют сознание принадлежности к группе того села или этнографического района, откуда они приехали.

Городские мигранты из Армянской ССР до переезда в Ереван жили в малых и средних городах республики с мононациональным составом населения⁵. Эти города, кроме Ленинканана, который всегда был вторым по величине городом республики, образовались в последние 30—40 лет⁶ и формировались главным образом из сельских жителей. Эта группа мигрантов еще не полностью «потеряла» особенности быта и социально-культурные характеристики, присущие сельским жителям. Вместе с тем во время проживания в городе она изменила образ жизни, уровень квалификации, профиль работы и характер труда.

Мигранты из городов других республик СССР переехали в Ереван из столиц и больших промышленных центров Грузии, Азербайджана, РСФСР, где были сосредоточены крупные армянские переселенческие очаги. Эта группа отличается от других городских мигрантов своими социально-культурными параметрами, которые определялись высоким уровнем индустриализации, этнической мозаичностью, значительностью данных армянских переселенческих очагов как национальных культурных центров армян. Это наложило отпечаток на уровень квалификации, образования, на степень потребления интернациональной культуры и нормы поведения данной группы мигрантов.

Репатрианты, в основном выходцы из Западной Армении, продолжительное время проживали в странах Ближнего Востока и Западной Европы. Живя в инонациональной среде, в системе иных, чем в СССР, социально-экономических отношений, они сохранили язык, свою этнографическую специфику и национальные особенности. Вместе с тем они—носители элементов быта, образцов поведения и культуры, сформировавшихся в инонациональном окружении.

Рассмотрим некоторые параметры перечисленных групп мигрантов в начале их жизненного пути в Ереване.

Выделенные группы мигрантов по периодам переселения в город имели различную интенсивность миграции, что объяснялось рядом факторов. Отметим, что среди многих факторов, влияющих на изменение социально-культурных параметров мигрантов, особо выделяется время их проживания в городе. Периодизация миграционных процессов, проходивших в городе, позволяет отразить время проживания различных групп мигрантов в условиях Ере-

вана и дает возможность проследить наряду со многими факторами (исходными рубежами мигрантов в городе, социально-экономическим положением Еревана к периоду переезда мигрантов и т. п.) степень влияния периода переезда мигрантов на изменение их социально-культурных параметров в городе.

Учет периодичности проводимых Всесоюзных переписей населения, а также характер миграционных процессов в городе позволили выделить наиболее оптимальные временные промежутки, позволяющие проводить более четкую периодизацию развития Еревана. С этой целью были выделены периоды: до 1930 года, 1930—1939 гг., 1940—1949 гг., 1950—1959 гг., 1960—1969 гг., 1970—1979 гг. Это позволило зафиксировать время проживания мигрантов в городе в следующем порядке: 50 и более лет, 41—50 лет, 31—40 лет, 21—30 лет, 11—20 лет и 1—10 лет.

Таблица 1

Интенсивность миграции по периодам выделенных групп мигрантов, в %⁷

Группы мигрантов	До 1930 г.	1930—1939 гг.	1940—1949 гг.	1950—1959 гг.	1960—1969 гг.	1971—1977 гг.	Всего
Сельские	4,5	9,9	15,2	27,5	29,4	13,5	100
Из городов:							
Армянской ССР	6,9	7,2	8,2	30,3	28,4	19,0	100
Других республик СССР	9,2	10,4	7,6	29,1	21,7	22,0	100
Зарубежных стран	12,8	12,8	63,2	8,8	1,6	—	100
Всего	6,5	9,1	14,9	26,3	23,6	20,6	100

Из табл. 1 видно, что миграция каждой выделенной группы по данным периодам имела различную интенсивность⁸.

Самый интенсивный период переселения сельских мигрантов падает на 1951—1969 гг.: 58,2% из всего сельского миграционного потока приходится на этот период.

Такая же картина наблюдается у мигрантов из городов Армянской ССР.

Основная масса сельских мигрантов (значительная часть работавших сразу после переезда сельских мигрантов) приходится на тот период, когда в селе происходило перевооружение хозяйства и усложнялась социальная структура его населения. Высокая интенсивность миграции из сел в период 1951—1969 гг. говорит о решающем вкладе сельских мигрантов в пополнении трудовых ресурсов бурно развивающихся городов республики в этот период.

Периоды переселения городских мигрантов имели свои особенности, в которых отражались многие стороны становления современного населения Еревана. С одной стороны, интенсивность

миграции из городов носила спорадический характер, т. е. усиление или ослабление ее интенсивности не имело какой-либо закономерности, с другой—четко прослеживалось влияние урбанизационной ситуации на ее интенсивность. Последнее целиком характерно для мигрантов из городов Армянской ССР. Что касается мигрантов из городов союзных республик, то на их примере прослеживается влияние обоих вышеуказанных факторов.

По характеру переезда мигранты нами подразделены на две категории: первую составляют мигранты, переселение которых происходило в составе семьи, вторую—одиночки.

В первой категории мигрантов выделяются две группы: 1) мигранты, которые во время переезда находились под опекой родителей; 2) лица, являющиеся кормильцами семьи. В группу мигрантов, находившихся во время переезда под опекой родителей, входит большинство мигрантов, переехавших в возрасте до 18 лет—большинство тех 38,8%, которые переселились в возрасте до 18 лет (см. табл. 4), причем здесь доминировали дети дошкольного и школьного возраста. В эту группу также входят пенсионеры (60 лет и старше) и замужние женщины—домохозяйки всех возрастов.

В группу кормильцев входят женатые и работающие мигранты из возрастной группы 25—59 лет и замужние женщины, которые сразу после переезда начинали работать.

Вторую категорию составляют одиночки—неженатые (миграция которых происходила в возрасте 18—29 лет) и пенсионеры, переселившиеся к детям, обосновавшимся в городе.

Выделенные группы у сельских и городских мигрантов, у мужчин и женщин, представлены в различной степени. Для иллюстрации этих различий рассмотрим влияние места «выхода» и пола мигрантов на характер их переселения в трех возрастах: переселения до 18 лет, 18—24 и 25—29 лет⁹.

У женщин значительно ниже возраст брака, и среди мигрантов трех возрастов переезд женщины в составе семьи (в замужнем состоянии) происходит значительно чаще, чем у мужчин. Если среди мужчин, мигрировавших из сел и городов, разницы в этом показателе не наблюдается, то у женщин выражен разрыв среди сельских и городских мигрантов: женщины из сел чаще, чем из городов, переезжали в Ереван в замужнем состоянии (табл. 2).

По данным опроса населения города у женщины брачный возраст приходится в основном на возраст до 22 лет (70,8% из всех женщин вышли замуж до 22 лет), а мужчин—на возраст 23 и старше (71,2% приходится на этот возраст). При этом, как видно из табл. 3, самый большой процент брака приходится у мужчин на возраст 27 и старше—35,5%, а у женщин—18—22 (49,0%).

Обратимся к возрастной структуре мигрантов сразу после пе-

расселения. По выделенным группам мигрантов, кроме репатриантов, заметных различий в возрастной структуре не наблюдается. Что касается репатриантов, то они переезжали в Ереван в основном с семьями, и, естественно, возрастная структура этой группы мигрантов определялась поколенным составом семьи, и поэтому у них самая «старая» структура среди всех групп мигрантов (табл. 4). Так, например, если переезд репатриантов в возрасте 30—59 лет происходил у 33,3% мигрантов этой группы, то у других групп — в пределах от 15,3 до 17,4%.

Таблица 2

Семейное состояние переселившихся в Ереван мужчин и женщин, в %

Семейное состояние мигрантов	Мигранты, переехавшие в Ереван из:					
	городов			сел		
	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего
До 18 лет:						
в составе семьи	—	8,6	4,9	0,7	10,8	4,8
в одиночку	100,0	91,4	95,1	99,3	89,2	95,2
18—24 года:						
в составе семьи	16,4	62,0	41,8	11,7	71,4	38,5
в одиночку	83,6	38,0	58,2	88,3	28,6	61,5
25—29 лет:						
в составе семьи	79,3	90,0	85,5	80,0	100,0	91,4
в одиночку	20,7	10,0	14,5	20,0	—	8,6
Всего среди мигрантов						
в составе семьи	47,5	58,5	53,6	63,4	60,8	62,3
в одиночку	52,5	41,5	46,4	36,6	39,2	37,7

Непосредственно после переселения в Ереван возраст и характер переезда имели большое значение в степени вовлеченности мигрантов в трудовую деятельность. В трудовой активности мигрантов, кроме возраста, значительную роль играли пол, место «выхода» (регион и тип поселения предыдущего места жительства) и период переезда. В целом до переселения в Ереван 41,9% городских и 38,8% сельских мигрантов работали. По доле рабо-

Таблица 3

Возраст брака у мужчин и женщин, в %

Пол	До 18 лет	18 — 22	23 — 24	25 — 26	27 и старше
Мужчины	2,1	20,7	20,1	21,4	35,5
Женщины	21,8	49,0	14,3	7,6	7,1

тавших мигрантов первое место занимают репатрианты (из всей группы репатриантов 50,4% до переезда работали), второе—городские мигранты из других республик СССР (45,7%), третье—сельские мигранты (38,8%) и четвертое—городские мигранты из Армянской ССР (35,2%). Последние две группы по этому пока-

Таблица 4

Возрастная структура выделенных групп мигрантов при переезде
в Ереван, в %

Группы мигрантов	До 18 лет	18 — 24 лет	25 — 29 лет	30 — 59 лет	60 лет и старше	Всего
Сельские мигранты	40,0	33,6	8,8	15,3	2,3	100,0
Городские мигранты из Армянской ССР	35,5	35,2	10,9	17,4	1,0	100,0
Городские мигранты из других республик СССР	38,9	34,4	8,4	16,4	1,9	100,0
Репатрианты	42,5	12,5	10,8	33,3	9,8	100,0
Всего	38,8	32,0	9,4	17,8	1,7	100,0

зателю мало отличаются друг от друга. Среди мигрантов выделяется и такая группа, представители которой сразу после переезда начинали работать, что становилось началом их трудовой деятельности. Самый значительный процент этих лиц приходится на городских мигрантов из Армянской ССР—13%.

Часть городских мигрантов (4,8%) свой трудовой путь начала в селе, а сельских (8,5%)—в городе: причем из них значи-

Таблица 5

Соотношение работавших и неработавших мигрантов непосредственно до и после переезда, в %

	Сельские мигранты	Мигранты из городов:			
		АрмССР	др. союзн. респ.	зарубежных стран	в целом гор. мигранты
Мигр., работавшие непосредственно после переезда.	38.8	48.1	42.1	47.9	45.8
Из них:					
работавшие непосредственно до и после переезда	34.6	35.2	38.1	43.8	37.8
начавшие работать непосредственно после переезда	4.2	12.9	4.0	4.1	8.0
Мигр., не работавшие непосредственно после переезда	61.2	51.9	57.9	52.1	54.2
Из них:					
переставшие работать после переезда	4.3	—	7.7	6.6	3.9
Всего мигрантов	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

тельное количество приступило к трудовой деятельности в крупном городе или столице (10%) другой республики или страны (табл. 5).

Структура занятий мигрантов непосредственно после переезда в город зависела от пола и возраста переехавших.

Для выявления наиболее полной картины изменения структуры занятий мигрантов по периодам переселения учитывался современный половозрастной разрез мигрантов города.

Существует заметная разница в трудовой активности между мигрантами старшего и младшего поколений. Так, например, в младшей возрастной группе занятых во всех сферах народного хозяйства города составляли 16,5%, а в старшей—49,4%. Среди мужчин, не вовлеченных в трудовую деятельность, заметен пере-

Таблица 6

Структура занятий мигрантов непосредственно после переезда в город в половозрастном разрезе их современного состояния (в %)

Половозрастные группы	Мигранты, не работавшие непосредственно после переезда					Мигранты, работавшие непосредственно после переезда					Всего мигрантов
	всего	находились в малолетнем возрасте	учились	занимались домашним хозяйством	находились на пенсии	всего	в промышленности	в сфере обслуживания и торговли	на строительстве и транспорте	в учреждениях	
18 — 29 лет											
Мужчины	84,7	19,0	81,0	—	—	15,3	44,4	5,6	33,3	16,7	100,0
Женщины	82,4	14,6	67,0	18,4	—	17,6	59,1	4,6	34,5	31,8	100,0
Всего	83,5	16,7	73,9	9,4	—	16,5	52,5	5,0	17,5	25,0	100,0
30 — 49 лет											
Мужчины	51,9	14,3	85,7	—	—	48,1	46,2	7,7	31,6	14,5	100,0
Женщины	64,6	21,5	44,1	33,9	0,5	35,4	44,1	14,7	8,8	32,4	100,0
Всего	58,8	18,6	60,9	20,2	0,3	41,2	45,2	11,0	21,0	22,8	100,0
50 лет и старше											
Мужчины	31,6	23,7	61,0	—	15,3	68,4	21,9	10,9	32,8	31,4	100,0
Женщины	65,2	9,4	29,6	47,8	13,2	34,8	28,2	14,1	13,0	44,7	100,0
Всего	50,6	13,3	38,1	34,9	13,7	49,4	24,4	12,2	24,9	38,5	100,0
Всего											
Мужчины	52,0	17,8	79,2	—	3,0	48,0	34,9	9,1	32,0	24,0	100,0
Женщины	68,2	15,6	41,2	35,3	4,9	31,8	39,8	13,1	10,1	37,0	100,0
Итого	60,7	16,5	57,8	21,6	4,2	39,3	36,7	11,0	22,5	25,8	100,0

вес учащихся. Число мужчин вовлеченных в трудовую деятельность сразу после переезда, в младшем возрасте на 14%, а в старшем—на 31,4% больше, чем у женщин. Вовлеченность мужчин непосредственно после переезда в народное хозяйство города в старшем поколении в два раза выше, чем у женщин, в то время как в младшем между ними разницы почти не наблюдается (табл. 6).

Среди мигрантов, чем меньше возраст, тем меньше доля тех переселенцев, которые начинали работать в сфере обслуживания, на стройке, на транспорте, в учреждениях, и, наоборот больше доля работавших на промышленных предприятиях. Подобная зависимость больше прослеживается у женщин чем у мужчин. В старшем поколении все работавшие на промышленных предприятиях составляли 24,4%, а в младшем—52,5%. В остальных отраслях народного хозяйства города в старшем поколении показатели максимальные, а в младшем—минимальные. У женщин по сравнению с мужчинами выше доля мигрантов, переходивших в промышленность. Так, например, среди женщин в старшем поколении в промышленности работали 28,2%, а в младшем—59,1%. В двух возрастных группах (18—29 и 30—49) лет женщины кроме промышленности, предпочитали работать в учреждениях города, а в возрастной группе 50 и старше лет процент работающих женщин в учреждении был самым высоким. В распределении по отраслям народного хозяйства Еревана в старшем поколении у мужчин и женщин одинаковая структура, в то время как в других возрастах, в отличие от женщин, мужчины предпочитают работу в промышленности, на строительстве и на транспорте.

Таким образом, характер занятий мигрантов непосредственно после переезда в Ереван определялся следующими факторами: половозрастным составом мигрантов, периодом переселения¹⁰ и отраслевой структурой экономики города¹¹ в период их переселения.

Социально-профессиональная структура сельских мигрантов отражала тенденции закономерного развития села за годы Советской власти. Если в старшем поколении физический труд без квалификации доминировал (82,5%), то в младшем доля этих работников сократилась более чем в два раза (37,5%). У молодого поколения увеличилась доля служащих и квалифицированных работников физического труда индустриального профиля. Влияние изменения социальной структуры сельского населения страны на состав мигрантов из села очевидно. С ростом энергооборуженности и машиновооруженности села «... усложняется социально-профессиональная структура сельского населения, сокращается численность людей, занятых неквалифицированным физическим трудом (группа Г), а прослойка, занятая квалифициро-

ванными видами труда,—индустриальные работники физического труда (группа В), служащие (Б), интеллигенты (А)—последовательно увеличивается»¹². Однако некоторое отставание современного села от города все же сказывается на составе мигрирующей части его населения. В табл. 7 показан социально-профессиональный состав работавших непосредственно после переезда мигрантов.

У мигрантов из городов с течением времени наблюдается повышение доли квалифицированных работников индустриального профиля и специалистов, которые по своему социально-профессиональному составу различаются в зависимости от типа города и региона, откуда наблюдался их отток в Ереван.

Таблица 7

Социально-профессиональная структура занятой трудовой деятельностью части мигрантов непосредственно после переезда в Ереван, в %

Группы мигрантов трех поколений	Г _{2,1}	В	Б	А ₄	А ₃	А _{2,1} *	Всего
Возрастная группа 18 —29 лет							
Сельские мигранты	37,5	—	50,0	12,5	—	—	100,0
Городские мигранты из Армянской ССР	33,3	41,7	16,7	—	—	8,3	100,0
Городские мигранты из республик СССР	31,6	—	26,3	10,5	31,6	—	100,0
Возрастная группа 30 —39 лет							
Сельские мигранты	44,4	8,3	22,2	11,1	8,3	5,6	100,0
Городские мигранты из Армянской ССР	35,2	20,6	10,3	4,4	17,6	8,8	100,0
Городские мигранты из республик СССР	20,0	10,0	20,0	7,5	35,0	7,5	100,0
Репатрианты	60,0	26,7	13,3	—	—	—	100,0
Возрастная группа 50 лет и старше							
Сельские мигранты	82,5	7,5	2,5	7,5	—	—	100,0
Городские мигранты из Армянской ССР	45,9	6,6	11,5	8,2	24,6	3,3	100,0
Городские мигранты из республик СССР	24,4	2,2	28,9	6,7	24,4	13,3	100,0
Репатрианты	62,8	16,3	16,3	—	4,7	—	100,0
Всего							
Сельские мигранты	59,8	6,9	17,2	6,9	6,9	2,3	100,0
Городские мигранты	40,2	4,5	24,1	8,0	20,5	2,7	100,0

* Г_{2,1}—квалифицированные и неквалифицированные работники физического труда, неиндустриального профиля.

В—квалифицированные работники физического труда, индустриального профиля.

Б—служащие.

А₄—специалисты со среднеспециальной квалификацией.

А₃—специалисты с высшей квалификацией.

А_{2,1}—руководители высшего и среднего звена.

Мигранты из городов союзных республик, как уже говорилось, в основном прибыли из крупных и средних городов республик Закавказья и РСФСР. В их социально-профессиональной структуре доминируют индустриальные кадры и специалисты высшей квалификации, которые одинаково представлены как в младшей, так и в старшей возрастных группах.

Вторая группа—городские мигранты из Армянской ССР. В первом поколении (50 лет и старше) этой группы мигрантов значительная доля (36,1%) специалистов (группа А). Период переезда мигрантов данного поколения приходится на тот этап социалистического строительства, когда индустриальные кадры столицы Армянской ССР пополнялись специалистами других городов республики. В других поколениях (30—49 и 18—29 лет) в социально-профессиональном составе мигрантов наблюдается тенденция качественного изменения уровня квалификации, являющейся следствием общей тенденции промышленного развития республики.

Социально-профессиональный состав репатриантов имеет свои особенности. При доминировании работников квалифицированного физического труда в группе репатриантов отмечается высокий процент специалистов: у них хорошо представлены интеллигенция, ремесленники и индустриальные работники.

Таким образом, по наличию специалистов и квалифицированных работников физического труда первое место занимают городские мигранты из союзных республик, второе—мигранты из городов Армянской ССР, третье—репатрианты, четвертое—сельские мигранты.

Приведенные выше данные показывают, что в первые периоды социалистического строительства Ереван забирает из городов Армянской ССР и других союзных республик наиболее качественную часть социальных групп населения.

Для выявления роли и места выделенных групп мигрантов в формировании современного социально-культурного облика Еревана необходимо также установить структуру распределения этих групп в современном половозрастном составе населения города.

Каждая возрастная группа имеет различную миграционную структуру (табл. 8). В старшей возрастной группе (50 лет и старше) мигранты составляют 64,6%, в младшей (18—29 лет)—37,2%. Экологический диапазон источников миграции каждой возрастной группы различен. В младшей возрастной группе больше представлены мигранты из городов, выше удельный вес миграционных потоков из Армянской ССР, в то время как в старшей возрастной группе миграционные потоки более разнообразны как по источникам, так и по составу. При этом чем старше возраст, тем больше разница в миграционной структуре между мужчинами и

женщинами. Так, например, если в третьем поколении (18—29 лет) соотношение выделенных групп мигрантов среди мужчин и женщин одинаково, то в первом поколении (50 лет и старше)—сельские мигранты среди женщин представлены больше, чем среди мужчин (разница между ними составляет 9,6%).

Таблица 8

Миграционная структура половозрастных групп населения Еревана (в %)

Половозрастные группы	Мигранты из:				Урожен- цы Еревана	Всего
	сел	городов				
		Арм. ССР	др. союзн. респ	зарубеж. стран		
18 — 28 лет						
Мужчины	14,9	11,1	9,3	—	64,7	100
Женщины	11,9	14,4	12,5	—	61,2	100
Всего	13,8	12,5	10,9	—	62,8	100
30 — 49 лет						
Мужчины	29,1	10,4	6,4	4,9	49,2	100
Женщины	26,5	11,8	11,5	3,7	46,5	100
Всего	27,9	11,1	9,1	4,4	47,6	100
50 лет и старше						
Мужчины	16,2	16,2	16,9	14,6	36,1	100
Женщины	25,8	14,5	14,7	9,7	35,3	100
Всего	21,9	15,3	15,7	11,7	35,4	100

Миграционная структура женщин больше, чем мужчин, отражает реальную историю формирования населения Еревана; Великая Отечественная война внесла диспропорцию в возрастную структуру населения страны, в том числе и Еревана, и в большей степени повлияла на возрастную структуру мужчин, чем женщин. Кроме этого продолжительность жизни женщин выше, чем у мужчин. Все это наложило отпечаток на миграционную структуру обоих полов.

Рассмотрим подробнее миграционную структуру каждой возрастной группы в отдельности.

Первая возрастная группа (18—29 лет) представлена сельскими и двумя группами городских мигрантов—из Армянской ССР и других республик СССР. В этой возрастной группе преобладают городские мигранты. Это связано с увеличением с те-

чением времени городского элемента в миграционных потоках. Так, например, в ней городские мигранты составляют 23,4%, а сельские—13,8%.

В следующей группе (30—49 лет), представленной всеми мигрантами, повышается доля сельских мигрантов. Период переезда мигрантов этой возрастной группы охватывает самый значительный этап урбанизационного процесса в республике, т. е. период, когда в миграционных потоках преобладали выходцы из села.

В последней возрастной группе (50 лет и старше), как и в первой, также наблюдается перевес городских мигрантов, что связано с массовым переселением армян из городов других союзных республик и зарубежных стран. Эта группа самая мозаичная по своей миграционной структуре.

Таблица 9

Соотношение мигрантов из городов различного типа в группе городских мигрантов в современной половозрастной структуре в %

Половозрастные группы	Крупный город или столица республики, страны	Средний город	Малый город
18 —29 лет			
Мужчины	23,6	27,9	48,5
Женщины	30,1	19,3	50,6
Всего	27,2	23,2	49,7
30 —39 лет:			
Мужчины	29,1	19,4	51,5
Женщины	22,8	36,8	40,4
Всего	25,5	29,3	45,2
50 лет и старше:			
Мужчины	25,9	28,9	45,2
Женщины	34,3	26,6	39,1
Всего	30,2	27,7	42,1

Миграционная структура современного населения Еревана будет неполной без определения в ней места мигрантов, приехавших из городов разного типа и величины (табл. 9). Из всех городских мигрантов 27,8% приходится на людей, переехавших из крупных промышленных центров и столичных городов других республик СССР и зарубежных стран; 27,2% —из средних и 44,9% —из малых городов и поселков городского типа. «Средний» город в основном представлен мигрантами из республик СССР, из двух

городов Армянской ССР—Ленинакана и Кировакана—и некоторым массовым репатриантов.

В старших возрастах женщины больше указывают как место «выхода» крупные города. Во всех возрастных группах мигранты из малых городов составляют примерно половину городских мигрантов.

Таким образом, исходные позиции мигрантов имели большое значение как для определения общности и специфики этих групп, так и в исследовании дальнейшего поведения в Ереване. Составляя 50,5% от всего населения, мигранты являлись важным звеном в складывании современного населения города Еревана; поэтому их исходные позиции в городе имели большое значение для социально-культурного и экономического развития Еревана.

При разборе исходных позиций мигрантов в Ереване мы старались отталкиваться от тех реальных факторов, которые могли влиять как на их дальнейшее поведение, так и на формирование современной социальной, демографической структуры и образа жизни населения столицы Армянской ССР.

Как было отмечено, между выделенными группами мигрантов имелись определенные различия в исходных позициях в Ереване, что было обусловлено средой того поселения или региона, откуда они переселились. Разница в уровне социально-экономического положения города и деревни накладывала отпечаток на социально-профессиональную структуру мигрантов из этих типов поселений. Городеские мигранты по сравнению с сельскими активнее вовлекались в современные отрасли промышленности и имели более высокий уровень квалификации. Все это обуславливалось величиной и уровнем индустриализированности этих городов.

Это иллюстрируется на примере городских мигрантов Армянской ССР и других республик СССР. Из многих параметров, определяющих специфические черты мигрантов в начале их жизненного пути в Ереване, были выделены наиболее важные, а именно: период переезда, возраст, пол, семейный состав, структура занятий, распределение работавшей части по отраслям народного хозяйства города и социально-профессиональный состав.

2. ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ

Социально-экономическое развитие Еревана неразрывно связано с социальным ростом его населения. Социально-культурная интеграция мигрантов была бы невозможной без их социальной подвижности, так как «сближение социальных групп в определенном смысле тоже есть не что иное, как их социальная подвижность»¹³. Таким образом, решающей предпосылкой в изменении

социально-культурных характеристик групп людей, участвовавших в формировании населения Еревана, является их социальный рост, одним из признаков которого является перемещение¹⁴ этих групп в социальной структуре города.

Представляется важным выявить зависимость социальных перемещений выделенных групп населения города (мигрантов и уроженцев) от социально-экономического развития Еревана и уровня квалификации данных групп в начале их жизнедеятельности в городе, на примере социальных перемещений этих групп показать основные этапы социального развития населения города за годы Советской власти, найти зависимость социальной адаптации групп мигрантов от времени, места и характера переезда в город и показать участие различных групп населения в формировании его современного социально-профессионального состава. Для этой цели были выделены две сферы приложения труда: умственная и физическая.

Во время обследования население Еревана было в следующем состоянии: одна часть только начинала свою трудовую деятельность, другая—находилась в процессе социального роста и третья—не занималась трудовой деятельностью, к ним относились домохозяйки, учащиеся, студенты и пенсионеры.

Выделенные четыре группы мигрантов были разделены на две категории: 1—мигранты, которые до и после переезда работали; 2—мигранты, которые начали работать значительно позже после переезда. Трудовая деятельность указанных категорий мигрантов проходила в различных условиях, определяемых как этапами социально-экономического развития города в этот период, так и их исходными позициями в начале трудовой деятельности.

Среди работавшей до и после переезда части мигрантов были две группы, которые как уже указывалось, после переезда имели различные условия для социального роста. Мигранты, являющиеся кормильцами семьи, после переезда вовлекались в те отрасли народного хозяйства города и работали на тех должностях, которые обеспечивали им больший заработок и давали возможность улучшить бытовые условия своей семьи.

Одиночки находились в лучших условиях для социального продвижения по той причине, что они не были обременены семьей и при значительной помощи, оказываемой им родителями, оставшихся в поселении и регионе их переезда, имели возможность продолжать свою учебу или же работать на малооплачиваемой, но перспективной должности.

Мигранты, начавшие свою трудовую деятельность значительно позже после переезда (дети тех мигрантов, которые были ос-

новным или одним из кормильцев семьи), находились примерно в таких же условиях, что и уроженцы города.

Следует учесть также, что период трудовой деятельности каждого поколения мигрантов накладывал отпечаток на трудовую активность мужчин и женщин. Из-за этого было сочтено нужным показывать социальные перемещения у мужчин и женщин отдельно.

Каждая возрастная группа отражает определенный период трудовой деятельности в тот или иной период социалистического строительства. К тому же каждая группа к началу трудовой деятельности имеет свою возрастную структуру (табл. 10).

Таблица 10

Возраст начала трудовой деятельности опрошенных жителей Еревана

Половозрастные группы	До 16 лет	16 —17 лет	18 —20 лет	21 —22 год	23 —24 год	25 —26 лет	27 и более лет
18 —29 лет							
Мужчины	4,5	26,5	29,0	21,0	15,0	2,5	1,5
Женщины	0,5	17,1	40,4	18,7	18,7	4,1	0,5
Всего	2,5	21,9	34,6	19,8	16,8	3,3	1,0
30 —49 лет							
Мужчины	18,2	17,4	24,8	14,3	15,9	6,6	2,8
Женщины	9,2	19,4	26,2	14,1	14,7	7,3	9,2
50 лет и старше	13,7	18,4	25,5	14,2	15,3	7,0	6,0
Всего							
Мужчины	40,7	20,1	17,2	11,0	4,3	2,4	4,3
Женщины	12,9	14,5	20,3	14,1	12,4	7,1	18,7

Рассмотрим в отдельности социальные перемещения, происходившие среди различных групп и категорий современного населения Еревана в возрастном разрезе их современного состояния.

Первая возрастная группа, которая находится на «итоговой» черте трудовой карьеры, состоит, как было уже показано в настоящей работе, из всех групп мигрантов. В ней уроженцы составляют 49,5%.

В первые периоды социалистического развития города уровень квалификации в начале трудовой деятельности в большей степени, чем в последнее время, определял дальнейшую социальную мобильность. Это объясняется тем, что в эти периоды в промышленности преобладали трудоемкие процессы, сравнительно слабо была развита сеть подготовки квалифицированных кадров как для промышленности, так и для других отраслей народного хозяйства города. Сравнительно низкий уровень образова-

ния и ранний возраст начала трудовой деятельности этого поколения и, следовательно, низкая квалификация не давали возможности для интенсивного социального роста как мигрантов, так и уроженцев города. Для развития экономики и культуры города необходимы были «индустриальные» кадры (или люди, имеющие «городские профессии») ¹⁵. В первые периоды социалистического строительства этими «индустриальными» кадрами город обеспечивался за счет миграции населения из других городов, что во многом способствовало социально-экономическому развитию Еревана в эти периоды. В этой возрастной группе у мигрантов преобладала та группа, которая до и после переезда работала. Показатели социальной мобильности этой категории мигрантов отражались на всей картине социальных перемещений всей возрастной группы.

Проследим социальные перемещения, происходившие среди работавшей до и после переезда части выделенных групп мигрантов.

У городских мигрантов первой категории из других республик СССР работники умственного труда (Б, А) по сравнению с остальными группами имеют самый высокий удельный вес. В этой же группе социальные перемещения в целом связаны с изменением уровня квалификации внутри групп физического и умственного труда. Среди рабочих наблюдается перемещение из группы работников физического труда без квалификации (Г₂) в группу физического труда с квалификацией индустриального профиля (В) и неиндустриального профиля (Г₁). У работников умственного труда отмечается переход из группы служащих (Б) в группу специалистов (А) и некоторой части в группу физического труда индустриального профиля (В).

Таблица 11

Изменение соотношения работников умственного и физического труда у непосредственно до и после переезда мигрантов возрастной группы 50 лет и старше, в %

Миграционные группы	После переезда		В период обследования	
	физический труд	умственный труд	физический труд	умственный труд
Мигранты из городов:				
Армянской ССР	52,5	47,5	50,8	49,2
Других союзн. республик	26,6	73,4	28,9	71,1
Репатрианты	79,1	20,9	72,1	27,9
Сельские мигранты	78,1	21,9	76,3	24,7

Остальные группы мигрантов этой категории по сравнению с началом трудовой деятельности в Ереване не показывают каких-либо изменений в социальной структуре.

Таким образом, у мигрантов первой категории социально-профессиональная структура в момент опроса в целом зависела от их исходных позиций в Ереване (табл. 11).

У второй категории мигрантов (той части, которая начала работать позднее, после переезда в город) несколько иная картина социальных перемещений. Доля этой категории в различных группах мигрантов была различна: у сельских мигрантов их удельный вес был выше, чем у всех городских, и поэтому различия в социальных перемещениях у этих групп в целом объяснялись их половозрастной структурой и социальным происхождением. Сельские мигранты второй категории по сравнению с городскими показывают более высокие темпы социальных перемещений.

Социально-профессиональный состав в начале трудовой деятельности среди выделенных групп мигрантов этой категории различен, хотя не в такой мере, как у первой категории (работавших до и после переезда). В исходных рубежах у мигрантов второй категории из городов и сел разрыв в соотношении лиц, занятых физическим и умственным трудом в начале трудовой деятельности, составлял 26,2%, т. е. у сельских мигрантов на 26,2% больше приходилось работников физического труда. На конечной черте социальной мобильности этот разрыв был уже в два раза меньше (12,0%). Табл. 12, 13.

Таблица 12

Изменение соотношения работников умственного и физического труда среди не работавших после переезда мигрантов и уроженцев Еревана в начале и в конце трудовой деятельности, в %

Группы мигрантов	Первое занятие		Последнее занятие	
	физический труд	умственный труд	физический труд	умственный труд
Городские мигранты из:				
Армянской ССР	45,0	55,0	31,8	68,2
Других республик	33,3	66,7	29,1	70,9
Репатрианты	87,5	12,5	83,9	16,1
Сельские мигранты	73,8	26,2	55,1	44,9
Уроженцы Еревана	42,2	57,8	38,8	61,2

При общей тенденции стирания различий между этими группами наблюдается влияние уровня социальной стратификации семьи на исходные позиции и социальные перемещения мигрантов второй категории. Эти различия проявляются не только сре-

ди городских и сельских мигрантов, но и среди мигрантов из разных регионов. Так, например, у городских мигрантов из Армянской ССР и других республик СССР различия в социальных перемещениях нет, хотя исходные рубежи у них неодинаковы, в то время как у репатриантов наблюдается отставание темпов социального продвижения.

Таблица 13

Доля мигрантов, работавших непосредственно до и после переезда и не работавших непосредственно после переезда среди мужчин и женщин возрастной группы 50 лет и старше, в %

Категории мигрантов	Мужч.	Женщ.	Всего
Мигранты, работавшие непосредственно до и после переезда	69,5	38,1	52,1
Мигранты, не работавшие непосредственно после переезда	30,5	61,9	48,9
Всего мигрантов	100,0	100,0	100,0

Различные темпы социальных перемещений среди мигрантов из городов и сел Армянской ССР и вне ее пределов в условиях столицы привели к уменьшению разрыва в уровне квалификации между представителями этих групп.

Уроженцы Еревана по исходным показателям занимают второе место после городских мигрантов из других республик СССР, а по перемещению из сферы физического труда в сферу умственного—третье, т. е. что-то среднее между городскими мигрантами из Армянской ССР и других республик СССР. Городские мигранты из других республик из-за высокого уровня социальных позиций их родителей имели более высокие показатели по доле квалифицированных работников как в начале, так и на конечной черте трудовой деятельности.

В этой возрастной группе из-за большой доли мигрантов первой категории показатели социальных перемещений указанной части мигрантов определяли общую картину перемещений данного поколения. В группе мигрантов 50 лет и старше эта категория мигрантов составляла 58,1%. Темпы социальной мобильности у женщин были значительно ниже, чем у мужчин. Мужчины раньше начинали работать, у них более высокий уровень образования, они в большей степени вовлекались в производственную сферу и, следовательно, имели больше условий для социального роста. Женщина, обремененная заботами домашнего хозяйства и воспитания детей, при слаборазвитой инфраструктуре го-

рода в эти периоды работала в народном хозяйстве с перерывами. Не последнюю роль играли традиционные представления о роли женщины в семье. В годы Великой Отечественной войны часть женщин потеряла своих мужей—основных кормильцев семьи. Эти женщины вынуждены были начать свою трудовую деятельность в зрелом возрасте¹⁶, не имея определенной профессиональной квалификации. Все эти факторы оказались на темпах социальной мобильности женщин первого поколения.

Показатели социальных перемещений среди мигрантов, начавших работать в условиях Еревана, выше, чем работавших до и после переезда. Это наложило отпечаток на социальную мобильность всей группы людей этой возрастной когорты (табл. 14).

Таблица 14

Социально-профессиональная структура мигрантов среди работавших непосредственно до и после переезда всех мигрантов и уроженцев в начале трудовой деятельности в Ереване и в период обследования, в %

Группы населения Еревана	Г ₂	Г ₁	В	Б	А ₄	А ₃	А ₂	А ₁
В начале трудовой деятельности:								
Мигранты, работавшие непосредственно до и после переезда	38,2	14,4	8,1	14,4	4,5	15,3	4,0	0,9
Все мигранты в целом	36,4	17,9	5,3	12,4	6,5	18,7	2,0	0,5
Уроженцы Еревана	13,3	17,7	11,1	15,5	8,8	28,8	2,2	2,2
Всего	34,6	18,3	5,8	12,6	6,3	19,5	1,8	0,6
В период опроса:								
Мигранты, работавшие непосредственно до и после переезда	29,7	18,0	10,8	7,6	7,2	14,8	9,4	2,2
Все мигранты в целом	25,2	17,7	9,4	8,2	7,3	19,8	9,2	2,0
Уроженцы Еревана	8,1	16,3	14,2	4,0	6,1	36,7	10,2	4,0
Всего	24,2	17,5	9,8	7,9	7,1	21,3	8,9	2,9

Таким образом, в формировании современной социально-профессиональной структуры возрастной группы 50 лет и старше решающую роль сыграли мигранты, у которых доминировала группа людей, начавшая работать в разных социально-экономических условиях. Социальная мобильность мигрантов этой категории определялась их исходными позициями в Ереване.

Сравнительно низкие темпы социальных перемещений этого поколения были следствием уровня социально-экономических условий города в период их трудовой деятельности. Все это определило его место в современной социально-профессиональной структуре населения Еревана.

Возрастная группа 30—49 лет свою трудовую деятельность начинала в военные и послевоенные годы. Если в первые периоды

становления народного хозяйства города в миграционных потоках преобладали те индустриальные кадры, в которых, как уже говорилось, нуждался Ереван для своего экономического подъема, то в последующие периоды изменяется как количественный и качественный состав мигрантов, так и социально-экономические и культурно-бытовые условия города.

Если в первой группе (50 лет и старше) тенденция сближения социально-профессиональной структуры различных групп мигрантов имела место у второй категории, начавших работать позднее после переезда), то во второй—30—49 лет—она проявляется уже среди первой категории мигрантов (работавших до и после переезда в Ереван). С одной стороны, исходные позиции в городе у выделенных групп первой категории уже не так диаметрально, с другой—темпы мобильности выше. Все это объясняется как развитием социальной структуры общества в целом и его звеньев городского и сельского населения, так и усилением роли социально-культурных условий Еревана на социальный рост различных групп населения города. Исходные позиции мигрантов первой категории все же накладывали определенный отпечаток на темпы их социальной мобильности. Они характеризовались большим разрывом в уровне квалификации между сельскими и городскими мигрантами и между городскими мигрантами из разных регионов. В процессе их трудовой деятельности этот разрыв уменьшается.

Так, например, у мигрантов из зарубежных стран в момент обследования доля работников умственного труда была в два раза выше, чем сразу после переезда (табл. 15).

Таблица 15

Изменение соотношения работников физического и умственного труда у первой категории мигрантов непосредственно после переезда и в момент обследования в возрастной группе 30—49 лет, в %

Миграционные группы	После переезда		В период обследования	
	физический труд	умственный труд	физический труд	умственный труд
Городские мигранты из:				
Армянской ССР	58,8	41,2	47,1	52,9
Других республик СССР	30,0	70,0	25,0	75,0
Репатрианты	86,7	13,3	73,3	26,7
Сельские мигранты	74,5	25,5	67,9	32,1

Как видно из табл. 16, темпы социальной мобильности мигрантов второй категории в два раза выше, чем у тех, кто во время переезда работал. Если среди городских мигрантов первой ка-

тегории переход ими из сферы физического труда в сферу умственного сопровождался у 9,7% мигрантов, то у мигрантов второй категории, начавших работать позднее после переезда, в два с половиной раза больше—24,4%. У сельских мигрантов такая же картина: у первой категории составляет 6,6%, а у второй—13,2%, т. е. также в два раза больше.

Таблица 16

Изменение соотношения работников умственного и физического труда среди мигрантов второй категории и уроженцев Еревана в начале трудовой деятельности и в период обследования в возрастной группе 30—49 лет, в %

Миграционные группы	В начале трудовой деятельности		В период обследования	
	физический труд	умственный труд	физический труд	умственный труд
Городские мигранты из:				
Армянской ССР	57,1	42,9	28,1	71,9
Других республик СССР	56,0	44,0	38,0	62,0
Репатрианты	69,2	30,8	48,2	51,8
Сельские мигранты	62,9	37,1	49,7	50,3
Уроженцы Еревана	41,8	58,2	30,2	69,8

Темпы социальных перемещений у городских мигрантов из Армянской ССР выше, чем темпы социальной мобильности городских мигрантов из других республик.

Если в возрастной группе 50 лет и старше специалисты и квалифицированные работники физического труда индустриального профиля различно представлены у мигрантов из городов Армянской ССР и других союзных республик (у последних эти две группы больше представлены), то в возрастной группе 30—49 лет они почти идентичны.

Мигранты из городов Армянской ССР показывают самые высокие темпы социальной мобильности, которые приводят к увеличению доли этих работников на период опроса.

Из-за этого доля специалистов и работников физического труда у них выше, чем у мигрантов из городов других республик.

Репатрианты занимают особое место в этом процессе. Сравнительно «старая» возрастная структура, трудности адаптации в Ереване были тормозящими факторами в их социальной подвижности. Такая картина прослеживалась как среди первой, так и второй категории этой группы мигрантов.

Социальные перемещения, происходившие среди представителей второй возрастной группы, были интенсивнее, чем среди первой. Если в первой возрастной группе разрыв в степени со-

инального продвижения среди первой и второй категорий мигрантов был небольшой, то во второй возрастной группе он был намного больше.

Темпы социальной мобильности сельских мигрантов в возрастной группе 30—49 лет были выше, чем в 50 и старше лет. Они выразились в интенсивном социальном росте представителей этой группы мигрантов в Ереване. Так, например, первая категория этой группы мигрантов имела высокие темпы социальной мобильности, а вторая не отличалась социальными перемещениями от других групп мигрантов этой же категории. Это позволяет заключить, что социально-культурные условия столицы в период трудовой деятельности возрастной группы 30—49 лет играли большую роль в социальном росте всех без исключения групп населения города и интенсифицировали процесс социальной интеграции мигрантов из различных типов поселений и регионов.

Решающим фактором в деле социальной интеграции миграционных групп в Ереване были: оптимизация производственных процессов в промышленности, создание широкой сети научных и просветительских учреждений и рост в целом уровня образования населения.

Следует отметить также, что в группах сельских и городских мигрантов первой и второй категории наблюдаются различия, которые выражались в уровне квалификации и образования этих групп в начале трудовой деятельности. Поэтому при равных или почти равных темпах социальной мобильности данных групп на «итоговой» черте этого процесса наблюдался разрыв в уровне квалификации.

В отличие от первой возрастной группы социальная мобильность среди мужчин и женщин второй возрастной группы носит иной характер. Это выражается в более интенсивных социальных перемещениях среди женщин второй группы и в уменьшении разрыва в темпах социальной мобильности между мужчинами и женщинами (табл. 17). Как уже указывалось, во второй группе значительное место занимают уроженцы города. Интенсивность социальной мобильности этой группы отразилась как на мобильности мужчин и женщин, так и на всей картине социальных перемещений в целом. При этом наблюдается некоторое отставание у женщин от темпов социальной мобильности мужчин. В группе физического труда темпы повышения уровня квалификации у мужчин намного выше: если у них они выражаются в значительном оттоке из групп неквалифицированного физического труда и квалифицированного физического труда неиндустриального профиля в группы квалифицированного физического труда индустриального профиля специалистов и руководителей, то у женщин переход из сферы физического труда в сферу умственного мало-

заметен. В то же время в сфере умственного труда высок удельный вес лиц, перешедших из группы служащих в группу специалистов высокой квалификации. У женщин больше, чем у мужчин, проявляется влияние исходных рубежей на их дальнейшую мобильность.

Если у мужчин в начале трудовой деятельности преобладал физический труд, где солидную долю составляли работники физического труда без квалификации, в конце рассматриваемого процесса эта структура коренным образом изменилась: ключевые позиции занимали квалифицированные работники как физического, так и умственного труда. При общем росте уровня квалификации у женщин таких коренных перераспределений не произошло: у них перемещения происходили большей частью внутри сфер приложения труда (физического и умственного), что связано в основном с ростом квалификации непосредственно в процессе трудовой деятельности и сравнительно ограниченном «полем» социального продвижения. Мужчины по сравнению с женщинами больше имели возможности в процессе трудовой деятельности вовлекаться в учебу без отрыва от производства. Более интенсивное продвижение мужчин, кроме указанных факторов, объяснялось также их традиционной ролью в семье как основных кормильцев: от положения мужчины в социальной структуре общества зависело социальное положение самой семьи. У миграционной части второй возрастной группы это было больше заметно, чем у уроженцев того же возраста.

Таблица 17

Удельный вес первой и второй категории мигрантов среди мужчин и женщин возрастной группы 30—49 лет, в %

Категории мигрантов	Мужч.	Женщ.	Всего
Мигранты, работавшие непосредственно до и после переезда в Ереван	48,4	41,0	44,7
Мигранты, не работавшие непосредственно до и после переезда в Ереван	51,6	59,0	55,3
Всего	100	100	100

Темпы социальной мобильности той части людей, которая начала работать в условиях Еревана (уроженцы и мигранты второй категории), выше, чем у мигрантов первой категории. Одиночки после переселения или поступают в учебные заведения столицы, или на различные предприятия и учреждения города. У них трудовая деятельность начинается сразу же после переезда по той квалификации, которую они смогли получить до переезда. В боль-

шинстве случаев сравнительно низкий уровень квалификации сельских мигрантов отражается на дальнейшем социальном росте. Все это сказалось на темпах социальной мобильности группы мигрантов первой категории. В целом во второй возрастной группе отмечаются высокие темпы социальной мобильности, что объясняется: во-первых, сравнительно высоким уровнем квалификации мигрантов первой категории; во-вторых, большим удельным весом лиц, начавших свою трудовую деятельность в городских условиях (к этой группе относятся уроженцы Еревана, часть мигрантов, которые переехали в малолетнем возрасте, и городские мигранты, работавшие до и после переезда); в-третьих, общим социально-культурным и экономическим состоянием города. Условия в начале трудовой деятельности для мигрантов и уроженцев второго поколения были более оптимальными, чем для первого (табл. 18—19).

Таблица 18

Социально-профессиональная структура мигрантов, уроженцев города и всей возрастной группы 30—49 лет в начале трудовой деятельности и в период обследования, в %

Группы населения Еревана	Г ₂	Г ₁	В	Б	А ₄	А ₃	А ₂	А ₁
В начале трудовой деятельности:								
мигранты 1 категории	24,8	15,7	22,2	12,6	4,3	14,4	5,6	—
мигранты в целом	30,8	16,0	14,3	14,6	7,7	12,4	3,3	0,1
уроженцы	12,8	11,3	17,7	17,3	6,4	29,8	4,1	0,3
Все поколения	24,6	14,7	15,7	15,2	7,5	18,4	3,4	0,2
В момент опроса:								
мигранты 1 категории	18,3	11,7	24,4	9,6	6,9	17,0	10,0	1,3
мигранты	15,9	12,1	20,2	9,2	9,0	22,3	9,2	1,7
уроженцы	8,0	6,9	15,3	12,0	7,6	34,6	11,6	3,6
Все поколения	13,2	10,4	18,5	9,9	8,6	26,7	10,0	2,3

Таблица 19

Изменение соотношения между работниками физического и умственного труда среди мигрантов второй категории¹⁷ в %

Группы мигрантов	В начале трудовой деятельности		В период обследования	
	физический труд	умственный труд	физический труд	умственный труд
Городские	40,0	60,0	34,0	66,0
Сельские	64,0	35,7	55,2	44,8
Уроженцы Еревана	43,3	56,7	38,1	61,4

Трудовая деятельность представителей третьей возрастной группы (18—29 лет) проходила в иных условиях: «Постепенное выравнивание общеобразовательной подготовки молодежи, обусловленное завершением перехода ко всеобщему среднему образованию, возрастание профессиональной дифференциации труда и требований к профессиональной подготовке работников—все это существенно повышает роль профессионально-технического, среднего специального и высшего образования как фактора социальных перемещений»¹⁸.

Из всех мигрантов третьей возрастной когорты только 6,7% начало свою трудовую деятельность в иных условиях, чем в столице. Из-за короткого промежутка времени трудовой деятельности этого поколения (от 4 до 10 лет) социальную мобильность представителей этой возрастной группы (18—29 лет) нужно рассматривать как бы в «потенциальном» состоянии, и поэтому социальные перемещения среди групп населения городов надо сравнивать с некоторыми оговорками.

Среди мигрантов этого поколения преобладают одиночки, которые не обременены жилищно-бытовыми проблемами, материальная поддержка родителей дает им возможность продолжать учебу в городе или же совмещать работу с учебой. Каждое современное предприятие города имеет свои специальные учебные заведения и общежития. Во время обследования была отмечена большая группа молодежи, переехавшая из разных населенных пунктов, совмещающая работу с учебой. Все это создавало условия быстрой социальной адаптации этих групп мигрантов.

Как видим из табл. 20, у выделенных групп мигрантов темпы социальной мобильности различны, что привело к равному соотношению работников физического и умственного труда в период опроса. Если у городских мигрантов не наблюдалось изменения социальной стратификации, то у сельских 22,2% лиц перешло из сферы физического труда в сферу умственного. Что же касается мигрантов второй категории, то социальная мобильность

Таблица 20

Соотношение между работниками физического и умственного труда среди мигрантов первой категории, в %

Группы мигрантов	Непосредственно после переезда		В период обследования	
	физический труд	умственный труд	физический труд	умственный труд
Городские	48,4	51,6	48,4	51,6
Сельские	72,2	27,8	50,0	50,0

в целом у них была обусловлена более молодой возрастной структурой. Представители этой категории мигрантов и уроженцы города только начали свою трудовую карьеру, поэтому социальная стратификация у них как в начале трудовой деятельности, так и в период опроса была почти идентична (табл. 21).

Таблица 21

Соотношение работников физического и умственного труда среди мигрантов второй категории и уроженцев города, в %

Группы мигрантов	В начале трудовой деятельности		В период обследования	
	физический труд	умственный труд	физический труд	умственный труд
Городские	40,0	60,0	34,0	66,0
Сельские	64,0	35,7	55,5	44,5
Урожен. Еревана	43,3	56,7	38,6	61,4

В третьей возрастной группе, как и в предыдущих, темпы социальной мобильности миграционных потоков накладывали отпечаток на характер социальных перемещений всего поколения (табл. 22).

Таблица 22

Социально-профессиональная структура мигрантов первой категории миграционного потока в целом, уроженцев Еревана третьей возрастной группы в начале трудовой деятельности и в период обследования, в %

Группы населения Еревана	Г _{2,1}	В	Б	А _{4,3}	А _{2,1}
В начале трудовой деятельности:					
мигр. первой категории (непосредственно после переезда)	40,5	22,2	12,6	18,7	5,6
все мигранты	46,8	14,8	14,6	20,1	3,4
уроженцы Еревана	24,1	17,7	17,3	36,4	4,4
всего по поколению	39,3	15,7	15,2	25,9	3,6
В период опроса:					
мигранты первой категории	30,0	24,4	9,6	23,9	11,3
все мигранты	28,0	20,2	9,2	31,3	10,9
уроженцы Еревана	14,9	15,3	12,0	42,2	15,2
всего по поколению	23,6	18,5	9,9	35,3	12,3

Таким образом, каждая возрастная группа современного населения города Еревана по характеру социальных перемещений отражает определенный период социально-культурного и экономического развития Еревана.

Как было отмечено, в трех возрастных группах отмечались различные темпы социальной мобильности как среди представителей различных возрастов и полов, так и среди различных групп, категорий мигрантов и уроженцев города, что было обусловлено целым рядом факторов. К их числу можно отнести условия трудовой деятельности тех или иных групп мигрантов и уроженцев города, которые определялись этапами социально-экономического развития всей страны в целом и города в частности. Отражением этой тенденции была, во-первых, различная социально-профессиональная структура групп населения в начале их трудовой деятельности: доминирование среди сельских мигрантов работников физического труда без квалификации как в первой категории, так и во второй. Среди же городских мигрантов было отмечено влияние величины и степени индустриализированности того города, откуда произошел переезд в Ереван, на их социальную структуру в период переезда. Темпы социальной мобильности этих групп находились в тесной зависимости как от половозрастной структуры, так и от уровня квалификации мигрантов в начале трудовой деятельности. Примером такой зависимости была обусловленность социального продвижения в Ереване от типа поселения и региона выхода групп мигрантов как первой, так и второй категории, что больше было выражено в первом поколении и менее всего — в третьем.

Во-вторых, в социальном росте большую роль играли сами условия города. Если на начальных этапах экономического развития в промышленности города преобладали трудоемкие процессы и была слабо развита инфраструктура, то в период начала трудовой деятельности третьего поколения город располагал мощной социально-культурной и экономической базой, характерной для любого развитого крупного города СССР.

На темпах экономического и социального развития страны в целом и Еревана в частности, конечно же, сказалась Великая Отечественная война.

К числу факторов специфического характера, повлиявших на темпы социальной мобильности групп населения города, можно причислить: во-первых, особенности формирования населения города; во-вторых, различный социально-профессиональный состав групп населения в начале трудовой деятельности в городе; в-третьих, различную степень вовлеченности этих групп в народное хозяйство города сразу после переезда; в-четвертых, наличие в миграционных потоках разнородных «этно-дисперсных групп» армянского этноса¹⁹, проживавших до переезда в разных социально-экономических условиях.

Социальная стратификация в начале трудовой деятельности групп людей, участвовавших в формировании населения

Еревана, в первом поколении (у представителей обеих категорий мигрантов), имела большее, чем в третьем поколении, значение в формировании их современной социальной структуры. Поэтому социально-экономические условия предыдущей среды проживания сказывались на социальном росте представителей тех или иных групп мигрантов.

Две категории мигрантов в городе находились в различных условиях трудовой деятельности, что было связано с характером их адаптации: первая категория мигрантов находилась в худших условиях по той причине, что она должна была «с ходу» менять свои социально-трудовые параметры (сезонный характер работы на селе сменялся постоянным рабочим днем, сменой условий труда и пр.), в то время как представители второй категории социализировались в условиях города. Все это определило более высокие темпы социальной мобильности представителей второй категории мигрантов и более низкие—первой категории. Поэтому тенденция социальной интеграции была более четко выражена среди представителей второй категории, чем первой. При этом чем меньше возраст, тем сильнее тенденция социальной интеграции между представителями различных групп населения города.

В социально-экономическом развитии Еревана большую роль сыграли городские мигранты из союзных республик и зарубежных стран. Крупные индустриальные центры страны в первые периоды социалистического строительства были «поставщиками» квалифицированных кадров. Репатриация способствовала обеспечению трудовыми ресурсами, в которых нуждался город в послевоенные периоды развития. «Инъекции» индустриальных кадров, с одной стороны, явились источником пополнения трудовых ресурсов города, с другой—стимулом более интенсивного развития. Экономика города в эти периоды во многом ориентировалась на эти ресурсы.

Таким образом, социально-экономическое развитие Еревана опиралось во многом на трудовые ресурсы, привлекаемые в экономику города извне. Становление современной социальной структуры населения Еревана большей частью происходило на базе активных миграционных процессов, в ходе которых, имея различные позиции в городе, каждая группа мигрантов показывала различные темпы социальной мобильности. Поэтому каждая группа мигрантов и уроженцев города сыграла различную роль в формировании социально-профессиональных групп Еревана.

Как можно судить из приведенной таблицы в группах с высокой квалификацией («А») выше удельный вес уроженцев Еревана и городских мигрантов. В формировании группы физического труда без квалификации в основном принимали участие сельские мигранты (среди которых женщины составляют более чем

60%), городские мигранты из Армянской ССР и репатрианты. Группа работников физического квалифицированного труда неиндустриального профиля формировалась в значительной мере из городских мигрантов первой возрастной группы: около 40% сельских и 60% городских. Выделенные группы городских мигрантов имеют почти равную долю в данной социально-профессиональной группе. Более равномерное распределение групп мигрантов и уроженцев города наблюдается в группе работников квалифицированного физического труда индустриального профиля. Такая же картина наблюдается в группе служащих и специалистов средней квалификации. Группа специалистов с высшей квалификацией формировалась из городских мигрантов и уроженцев Еревана (2/3).

В заключение следует указать, что социально-экономическое развитие Еревана было бы затруднено без участия миграционных групп города. Социальные перемещения во многом определили участие миграционных потоков в складывании каждой социально-профессиональной группы населения города.

Интенсивность темпов социальных перемещений различных групп города в целом зависела от исходных позиций периода начала трудовой деятельности, возраста и пола групп людей, участвовавших в формировании демографической структуры города.

В разрезе современной возрастной структуры населения города прослеживалась тенденция нарастания социальной интеграции групп, что было следствием как социально-экономического развития Еревана и предыдущего места жительства, так и изменения характера переезда в столицу.

Таблица 23

Распределение уроженцев Еревана и выделенных групп мигрантов в современной социально-профессиональной структуре населения города, в %

Группы населения Еревана	Г ₂	Г ₁	В	Б	А ₄	А ₃	А _{2,1}
Уроженцы Еревана	21,7	27,9	36,6	43,7	36,4	43,9	35,3
Мигранты в целом,	78,3	72,1	63,4	56,3	63,6	51,1	64,7
Из них:							
Сельские	66,3	39,4	46,4	38,4	42,7	28,4	39,4
Городские,	33,7	60,6	53,6	61,6	57,3	71,6	60,6
Среди них из:							
Армянской ССР	15,9	23,6	25,5	25,0	27,2	30,8	30,3
Других союзных республик	5,5	18,8	15,6	25,0	28,2	34,6	22,7
Зарубежных стран	12,8	18,2	12,5	11,6	1,9	6,2	7,6

Все это привело к различному участию выделенных групп населения в складывании современной социально-профессиональной структуры города.

3. РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ ЧЕРТ

Складывание современных культурно-бытовых характеристик населения Еревана находилось в непосредственной зависимости от характера его формирования и социального развития. Поэтому процесс сложения общих и специфических культурно-бытовых черт различных групп местного и приезжего населения определялся, с одной стороны, социально-экономическим и культурным развитием города, с другой — культурно-бытовыми особенностями групп, участвовавших в его формировании.

Этот процесс происходит на основе унифицированных условий жизни (жилья, работы и т. п.) и социального роста (социальной мобильности) этих групп. «Мобильные слои, в первую очередь мигрирующие из села, не только адаптируются в новой социальной среде (а в конечном счете и социально ассимилируются в ней), но и привносят в эту среду свою народную культуру, придавая новой среде дополнительную этническую окраску. Происходит не односторонняя, а как бы взаимная адаптация мобильного населения и социальной среды»²⁰. «Социально мобильные» группы населения — мигранты являются также носителями интернациональных элементов культуры, так как могут быть представителями других этносов или же отдельными звеньями одного и того же этноса, продолжительное время проживших в интернациональном окружении. Поэтому «...изучение процесса адаптации отдельных групп приезжего населения в условиях города, взаимодействия их между собой ... на различных этапах современности в моноэтнической и полиэтнической средах позволяет выявить многие моменты эволюции современной бытовой культуры народов, понять «механизмы» складывания общих черт и сохранения особенностей, сохранения, трансформации, отрицания и возникновения народных традиций под воздействием урбанизации и широких и разнообразных этнических и межсоциальных контактов»²¹.

В связи с этим возникает ряд вопросов, решение которых поможет изучить многие стороны этих процессов. Так, например, в чем выражается общее и особенное в культуре и быту населения города и кто их носители, как они изменяются в городе, какие элементы, сформировавшиеся в среде предыдущего места жительства мигрантов, изменяются или отрицаются, какие сохраняются и в каком направлении идет процесс интеграции этих элементов: социально-культурного сближения различных групп населения и их консолидации.

В связи с этим перед исследованием ставится цель на основании отдельных параметров, освещающих некоторые стороны культурно-бытовых характеристик, показать степень сохранности традиционных связей и норм поведения у разных групп населения города (мигрантов и уроженцев Еревана), установить соотношение традиционных и современных, национальных и интернациональных элементов в быту и культуре выделенных групп, выявить характер сближения культурно-бытовых различий и роль различных факторов (характер расселенности в городе, социальная мобильность, условия города, возраст переезда и пол) в этом процессе и показать основные направления консолидации групп преемственного и местного населения.

Для решения этих задач выделены следующие элементы культурно-бытовых характеристик: родственные, соседские, земляческие и товарищеские связи, традиции (празднование традиционной свадьбы, нормы поведения—согласие родителей на брак, народные праздники), языковое поведение, потребление профессиональной культуры (потребление национальной и интернациональной литературы и музыки) и браки между представителями различных групп населения²².

Родственная группа, как и семья, является одним из каналов передачи традиций, в то время как в трудовом коллективе создаются условия формирования и функционирования типично городских норм поведения и отношений. Поэтому дружеские связи между членами трудового коллектива могут служить одним из показателей распространенности городских норм поведения. Противопоставление родственных связей связям между членами трудового коллектива неправомерно по той причине, что они могут функционировать параллельно. Родственная связь, с одной стороны, может быть показателем традиционных отношений, с другой—не может по той причине, что родственные отношения могут существовать продолжительное время и быть одним из проявлений городского быта. Другое дело, какой круг родственников поддерживают между собой тесные связи: если они замыкаются в узком кругу самых близких родственников—«родных», то это—проявление городского типа отношений, если же они распространяются на более широкий круг родственников, то—традиционных норм поведения.

Расселение некоторых групп жителей Еревана долгое время было локально по земляческому признаку. К их числу можно отнести расселение части репатриантов²³, «старых» ереванцев²⁴, жителей близлежащих сел, со временем вошедших в черту города²⁵, и сельских мигрантов, поселившихся на окраинах Еревана²⁶. В этих «микрорайонах» города застройки в основном «сельского» типа: в них преобладают одно- и двухэтажные дома. Та-

кого типа расселение приводит к некоторой «консервации» форм общения и быта. Специфические черты в образе жизни групп людей, живущих в этих «кварталах», определяемых характером расселения, при которых соседи часто являются или их земляками или родственниками. В этом отношении связи между земляками можно рассматривать не только как проявление корпоративности, но и как устойчивую связь между соседями и родственниками. Поэтому соседские и земляческие отношения можно рассматривать как одно из проявлений специфических черт городских связей, присущих некоторым группам населения Еревана.

Рассмотрим, в какой мере различные группы населения города в двух возрастных группах (50 и старше лет и 18—29 лет) среди работников физического и умственного труда поддерживают отношения с родственниками, соседями, земляками, товарищами по работе и друзьями (табл. 24).

В возрастной группе 50 и старше лет в связях с родственниками среди представителей различных групп мигрантов существенной разницы не наблюдается, в то время как в интенсивности связей с соседями и земляками имеются расхождения. В этом отношении резко выделяются репатрианты и сельские мигранты: из всех репатриантов этого возраста 39,4% поддерживают тесные связи с соседями и земляками, а из сельских мигрантов—31,2%. У репатриантов и сельских мигрантов среди работников физического труда соответственно 43,0% и 36,2%, а среди работников умственного труда—31,2 и 20,4% придерживаются таких контактов с соседями и земляками. Разрыв в этом показателе среди представителей физического и умственного труда у обеих групп мигрантов почти одинаков. Меньше всего поддерживают связи с соседями и земляками городские мигранты из других республик. Значительного разрыва в этом показателе данной миграционной группы между представителями умственного и физического труда не наблюдается. Две остальные группы—мигранты из городов Армянской ССР и уроженцы Еревана—в одинаковой мере придерживаются связей с соседями и земляками. Что касается отношений с представителями трудового коллектива—товарищей по работе, друзей и знакомых (последние приобретаются в процессе общения на работе или во время учебы), то здесь иная картина. В первой возрастной группе (50 и старше лет) представители умственного труда больше ориентируются на сложившиеся отношения в результате общения на работе, во время учебы и пр. Связям с товарищами по работе, с друзьями и знакомыми больше всего отдают предпочтение городские мигранты из других республик и уроженцы Еревана и менее всего придерживаются этих связей репатрианты и сельские мигранты. У этих двух групп мигрантов города в первом поколении работники умственного тру-

Таблица 24

Предпочтение различным видам связей выделенных групп мигрантов и уроженцев города двух возрастных групп среди работников физического и умственного труда, в %

Работники физического и умственного труда выделенных групп населения города двух возрастов	Чаще всего ходят в гости:		
	к родствен- никам	к соседям и землякам	к друзьям, зна- комым и това- рищам по раб.
Возрастная группа 50 и старше лет			
Работники физического труда:			
сельские мигранты	48,5	36,2	15,3
репатрианты	41,3	43,1	15,6
городские мигранты из Армянской ССР	51,4	27,9	20,7
городские мигранты из других республик СССР	57,1	16,2	26,7
Работники умственного труда:			
сельские мигранты	50,0	20,4	29,6
репатрианты	35,4	31,2	33,4
городские мигранты из Армянской ССР	49,0	15,0	36,0
городские мигранты из других республик СССР	50,3	12,7	37,0
всего	49,4	31,2	19,4
сельские мигранты	39,4	39,4	21,2
репатрианты	50,0	20,0	30,0
городские мигранты из Армянской ССР	52,1	13,6	34,3
городские мигранты из других республик СССР	44,9	20,1	35,0
уроженцы Еревана			
Возрастная группа 18 -- 29 лет			
Работники физического труда:			
сельские мигранты	42,2	17,4	40,4
репатрианты ²⁷	47,7	20,4	31,9
городские мигранты из Армянской ССР	47,0	13,1	39,9
городские мигранты из других республик СССР	37,5	21,8	40,7
Работники умственного труда:			
сельские мигранты	35,8	16,0	48,2
репатрианты	45,7	22,6	31,5
городские мигранты из Армянской ССР	38,1	10,9	59,0
городские мигранты из других республик СССР	38,6	19,2	42,2
Всего	39,3	16,8	43,9
сельские мигранты	46,8	21,4	31,8
репатрианты	38,2	12,0	49,8
городские мигранты из Армянской ССР	38,3	19,9	41,8
городские мигранты из других республик СССР	38,9	8,8	52,3
Уроженцы Еревана			

да в два раза больше предпочитают такие связи, чем работники физического труда, в то время как у двух групп (городских мигрантов из других республик и Армянской ССР) этот разрыв не так значителен.

Во взаимоотношениях с земляками, соседями, товарищами по работе, с друзьями и знакомыми в период опроса населения города в группе мигрантов и уроженцев первой возрастной когорты значительную роль сыграли отношения, сложившиеся в среде, в которой они выросли. Если это мигранты, то речь идет о среде, в которой они жили до переезда в Ереван, если это уроженцы города, то—о предместьях (равно и кварталах старого Еревана) до их слияния с городом.

Переезд мигрантов этого поколения в Ереван в основном проходил в составе семьи. Семья в городе долгое время сохраняет те отношения и нормы поведения, которые сложились в среде предыдущего места жительства. У мигрантов этого поколения переезд проходил большей частью в старшем возрасте. Чем выше возраст, тем выше степень усвоения норм поведения и ценностных ориентаций среды выхода и, следовательно, труднее их изменение в городе.

Форма поселения некоторых групп мигрантов (репатриантов и сельских мигрантов) в Ереване создавала условия «консервации» отношений, сложившихся до переезда в город. На сохранность культурно-бытовой специфики групп мигрантов повлияло также отстаивание темпов социальной мобильности, которая определялась исходными позициями этих групп в городе. Поэтому на изменение структуры отношений и связей в большей мере сказывался социальный рост этих групп, чем непосредственно условия Еревана и срок их проживания в городе²⁸.

О влиянии отношений, сформировавшихся в среде предыдущего места жительства, на отношения, сложившиеся в условиях Еревана, говорит и то, что среди городских мигрантов из других республик СССР очень высокие показатели интенсивности связей между членами трудового коллектива, друзьями и знакомыми. Эти нормы поведения уже сложились в среде больших городов (Тбилиси, Баку и т. п.), и поэтому в Ереване они функционируют независимо от социального роста (как было отмечено, в этих показателях между представителями умственного и физического труда различий не наблюдалось) и условий жизни.

У городских мигрантов из Армянской ССР отмечается влияние элементов быта, сложившихся в селе, на отношения, сложившиеся в городе.

В полярной возрастной группе 18—29-летних при заметном ослаблении соседско-земляческих и родственных связей повыша-

ется удельный вес устоявшихся отношений между представителями трудового коллектива, друзей и знакомых.

Молодое поколение больше нуждается в интенсивных общественных контактах, чем старшее, и поэтому у него более «открытые» связи. Значительная часть мигрантов этого поколения социализировалась в Ереване, так как переехала в город в малолетнем или в школьном возрасте в составе семьи, другая (меньшая) часть переехала в столицу в одиночку для продолжения учебы или после переезда сразу начинала работать. Последние поддерживали тесные связи с семьей, находящейся или в селе или в другом городе.

По данным опроса, в этом поколении сельские мигранты поддерживают тесные связи с родителями, проживающими в селе (табл. 25).

Таблица 25

Частота поездок в села среди мигрантов возрастной группы 18—29 лет и наличие там их родственников, в %

Группы мигрантов	Имеют на селе родственников	Частота поездок в села		
		раз в месяц и чаще	несколько раз в год	раз в год и реже
Сельские	92,7	29,8	34,0	36,2
Городские	65,2	25,0	19,3	55,7

Высокий уровень образования и темпы социальной мобильности приводили к интенсивным процессам их социальной адаптации к условиям Еревана и сглаживанию различий в быту групп мигрантов этого поколения. Степень же сохранности тех или иных «традиционных» связей в большей степени определялась семейными установками и ценностными ориентациями. Поэтому каких-либо различий в отношениях с товарищами по работе, с соседями, с родственниками и т. п. между представителями умственного и физического труда в группе мигрантов возрастной группы 18—29 лет не отмечается. Разница в этих показателях у представителей физического и умственного труда по всем выделенным параметрам составляет 1—3%. Сравнение этих групп населения Еревана в целом позволяет заметить некоторые различия в структуре отношений с окружением. У репатриантов заметно преобладание родственных, соседско-земляческих связей, в возрастной группе 30—49 лет, в то время как у остальных групп мигрантов и уроженцев города нет различий.

Таким образом, у представителей миграционных групп и уроженцев Еревана этого поколения в отношениях с окружающими почти одинаковые показатели: мигранты и уроженцы, как пред-

ставители умственного, так и физического труда, больше придерживаются связей с товарищами по работе, друзьями и знакомыми, и меньше—соседско-земляческих. Вместе с тем связи с родственниками несколько уменьшаются, но такого большого разрыва в этом показателе как среди представителей старшего, так и младшего поколений не наблюдается. Видимо, в этом случае в большей степени произошло сокращение круга родственников—исключение более дальних родственников. Можно предположить, что в дальнейшем отношении между родственниками будут ограничиваться в связях между родными братьями, сестрами и родителями, и станут более интенсивными связи между членами трудового коллектива и друзьями. При бурном жилищном строительстве исчезнут «локальные кварталы» репатриантов, «старых» ереванцев и др. С ними изживут себя и условия, «консервирующие» соседско-земляческие отношения.

Одним из компонентов духовной культуры являются традиции: «... традиция представляет собой воспроизведение в той или иной форме тех явлений, которые восприняты из прошлого»²⁹.

Вопрос, в какой форме передаются те или иные элементы традиционных образцов поведения, относится к сфере изучения традиционной этнографии. Что же касается изучения современных этнических процессов, то в этих исследованиях важен другой аспект изучения вопроса: в какой мере традиции бытуют или какое место они занимают в культурном фонде наций и пр. Этносоциологи, круг интересов которых распространяется на современные этнические процессы, в большей мере интересуют модели тех национальных, народных традиций, которые дошли до исследуемого ими периода в таком виде, в каком они есть, а не разбор генезиса того или иного обряда. Таким образом, при употреблении терминов «традиции» или «традиционные образцы поведения» надо иметь в виду те элементы традиционной культуры, которые были получены через каналы вертикальной информации и вошли в культурный фонд нации.

Рассмотрим бытование некоторых традиционных элементов культуры у выделенных групп населения Еревана в первом и третьем поколениях среди представителей умственного и физического труда. Чем сильнее связи, направленные во «внутреннюю» сферу общения, тем сильнее тяготение к традиционным моделям поведения. В первом поколении репатрианты и сельские мигранты больше всех справляют свадьбу с полным и частичным национальным обрядом и больше отмечают народные праздники. У сельских мигрантов в бытовании этих традиций между представителями физического и умственного труда такие же различия, что и в ориентациях на связи с окружением: представители физического труда в два и больше раз ориентируются на традицион-

ную свадьбу и отмечают народные праздники, чем представители умственного труда. У репатриантов такого разрыва не наблюдается (табл. 26).

Социальная стратификация в первом поколении имела решающее значение в степени бытования тех или иных традиций. Представители умственного труда остальных двух групп (мигрантов из городов Армянской ССР и других союзных республик) в два раза меньше придерживаются этих традиций, чем представители физического труда тех же групп. В то же время надо отметить значительную роль традиций всех без исключения групп людей этого поколения.

В возрастной группе 18—29 лет в соблюдении или предпочтении, отдаваемом тем или иным народным праздникам или обрядам, среди представителей различных групп населения (социальных и миграционных) заметных различий не отмечается. Если в первой группе существенная разница между ними была следствием социальной неоднородности и сильных позиций семьи и родственной группы (как было заметно, и соседско-земляческих связей), то в третьей—такое выравненное отношение выделенных групп населения города к традиционным моделям поведения (особенно к семейным традициям) объясняется в целом тем, что в городе уже выработаны некоторые образцы обрядности или традиционных норм поведения, которые уже становятся общими для всего населения города. Это подтверждается и тем, что представители умственного труда в этой возрастной группе более стойко придерживаются этих норм, чем представители физического. Видимо, тут речь идет об адаптированных к городским условиям отдельных традициях, которые к тому же обросли еще и интонационными и городскими элементами.

Процесс распространения среди различных групп «адаптированных» форм традиций в целом можно объяснить как общим повышением интереса к национальным, народным традициям, так и их привнесением миграционными группами.

Если в первой возрастной группе городские мигранты из городов союзных республик почти не отмечали праздник «Вардавар», то в третьей у них наблюдается повышенный интерес к этому празднику (почти одна пятая часть работников физического и одна десятая часть работников умственного труда отмечают этот праздник). А у репатриантов наблюдается обратная тенденция. Празднование «Вардананц тон», как и дней «Мусалера», Зейтунцев, было проявлением специфики в поведении этой группы мигрантов. При сравнении данных о бытовании этих праздников среди старшей и младшей возрастных групп (в данном случае 50 и старше лет и 30—49 лет) как среди работников физического, так и умственного труда отмечается уменьшение степени

Таблица 26

Бытование традиционных образцов поведения у выделенных групп населения города (мигрантов и уроженцев), в двух поколениях, среди представителей физического и умственного труда, в %

Работники физического и умственного труда выделенных групп населения города двух поколений	Предпочитают спра- влять свадьбу с полн. или частич. национал. образ.	Считают обязательным получение согл. родит. при вступлении в брак	Отмечают народ- ные праздники		
			Тигридарач	Вардавар	Варданац
Возрастная группа 50 лет и старше					
Работники физического труда:					
сельские мигранты	81,0	68,6	33,3	48,5	10,1
репатрианты	89,0	81,0	21,5	37,7	49,1
городские мигранты из Армянской ССР	75,5	67,3	20,0	24,4	8,9
городские мигранты из республик СССР	71,8	84,8	3,1	6,3	3,1
Работники умственного труда:					
сельские мигранты	47,4	64,7	13,7	15,7	3,9
репатрианты	70,8	78,2	17,4	30,4	30,4
городские мигранты из Армянской ССР	39,3	58,3	1,7	6,7	1,7
городские мигранты из республик СССР	35,1	50,0	5,3	4,0	4,0
всего в этом возрасте:					
сельские мигранты	68,8	67,3	28,6	40,0	9,3
репатрианты	83,5	80,3	22,4	35,5	43,4
городские мигранты из Армянской ССР	54,7	67,3	9,5	14,3	4,8
городские мигранты из республик СССР	46,2	60,7	4,7	4,7	3,7
уроженцы Еревана	53,0	61,5	5,8	7,7	1,9
Возрастная группа 18 — 29 лет					
Работники физического труда:					
сельские мигранты	33,7	52,8	11,3	34,0	11,3
репатрианты	66,6	70,8	32,0	44,0	24,0
городские мигранты из Армянской ССР	69,5	27,9	9,3	34,9	18,6
городские мигранты из республик СССР	56,7	14,2	15,0	20,0	—
Работники умственного труда:					
сельские мигранты	50,0	28,2	4,3	50,0	2,2
репатрианты	50,0	52,5	5,3	21,1	10,5
городские мигранты из Армянской ССР	43,1	28,5	4,1	28,6	—
городские мигранты из республик СССР	37,5	22,9	—	10,4	—
всего в возрастной группе:					
сельские мигранты	39,2	1,5	8,1	41,4	7,1
репатрианты	59,5	62,8	20,5	34,1	31,6
городские мигранты из Армянской ССР	50,7	28,3	6,5	31,5	8,7
городские мигранты из республик СССР	46,7	20,3	4,4	13,2	—
уроженцы Еревана	36,2	38,7	10,8	17,0	2,1

их бытования, что говорит о постепенном отмирании этих праздников. В условиях города Еревана происходила, с одной стороны, адаптация этих элементов традиционного образа жизни, с другой—взаимная интеграция этих элементов, при которой налицо была выработка тех или иных моделей традиционных городских норм поведения. Роль каждой группы (миграционной, возрастной и социальной) в этом процессе определялась как ее величиной, так и степенью сохранности у них этих компонентов традиционной культуры.

Процесс складывания культурно-бытовых характеристик населения Еревана нельзя рассматривать без связи с процессами формирования общих черт современного городского образа жизни. Как уже подчеркивалось, унифицированные условия города создают все предпосылки интеграции общего со специфическим. Наглядным примером этого было проявление интернациональных черт в образе жизни населения города—празднование общенародных советских праздников, отношения, направленные на внешние каналы (межличностные связи), интенсификация потребления интернациональной культуры.

Одним из важных факторов интенсификации этого процесса является язык. Как известно, язык как средство общения играет огромную роль в потреблении национальной и интернациональной культуры. Знание языков расширяет рамки кругозора личности и является важным фактором повышения его культурного уровня. Поэтому знание языков различными группами населения города может быть важным индикатором для фиксации уровня и масштабов (диапазона) потребления населением города общесоветской культуры и культуры других народов.

Значительна роль языка в потреблении интернациональной культуры и, следовательно, его влияние на образ жизни.

Проследим динамику изменения доли владеющих языками различных групп населения Еревана и, соответственно, потребление национальной и интернациональной культуры. С этой целью взят срез знания русского и других языков выделенных групп населения города по вышеуказанным возрастным группам (табл. 27).

В первом поколении знание русского и других языков как у родителей, так и у самого респондента находится в тесной зависимости от места «выхода» и социально-профессиональной принадлежности. Влияние последнего на знание этих языков (в данном случае—русского) больше всего заметно у городских мигрантов из Армянской ССР и других союзных республик. Доля владеющих русским языком среди работников умственного труда в четыре раза выше, чем среди представителей физического труда. Сельские мигранты—как работники умственного, так и физического труда—показывают одинаковые показатели в знании этих

языков. Среди репатриантов, если родители опрошенных имеют высокие показатели знания иностранных языков (при этом родители представителей умственного труда чаще владели ими, чем

Таблица 27

Знание русского и других (кроме армянского) языков одного из родителей (отца) и самих респондентов в двух возрастных группах среди работников физического и умственного труда, в %

Работники физического и умственного труда выделенных групп населения города двух возрастных групп	Отец респондента владеет или владел языками		Сам респондент свободно владеет языками	
	русским	другим	русским	другим
Возрастная группа 50 лет и старше				
Работники физического труда:				
сельские мигранты	9.1	11.8	1.0	—
репатрианты	—	35.6	—	21.9
городские мигранты из Армянской ССР	3.9	11.7	3.9	7.8
городские мигранты из республик СССР	15.0	12.5	13.5	2.7
Работники умственного труда:				
сельские мигранты	11.0	12.7	9.0	3.5
репатрианты	2.7	43.2	3.8	7.6
городские мигранты из Армянской ССР	17.5	8.1	19.7	—
городские мигранты из республик СССР	22.7	13.6	43.4	8.0
Всего в возрастной группе				
сельские мигранты	10.0	12.0		
репатрианты	6.8	37.9	4.0	0.3
городские мигранты из Армянской ССР	12.0	9.6	1.0	18.1
городские мигранты из республик СССР	18.0	13.3	13.1	3.2
уроженцы Еревана	30.0	7.5	35.2	6.6
			31.1	1.6
Возрастная группа 18 — 29 лет				
Работники физического труда:				
сельские мигранты	8.1	6.4	7.0	1.8
городские мигранты из Армянской ССР	9.8	13.8	17.1	0.9
городские мигранты из республик СССР	23.3	13.3	42.8	—
Работники умственного труда:				
сельские мигранты	4.1	4.1	17.1	2.0
городские мигранты из Армянской ССР	9.8	—	18.1	—
городские мигранты из республик СССР	37.3	13.3	63.7	—
Всего в возрастной группе				
сельские мигранты	6.3	5.4	7.6	1.1
репатрианты	3.7	29.6	7.6	7.6
городские мигранты из Армянской ССР	9.8	6.8	17.1	1.0
городские мигранты из республик СССР	33.3	13.3	56.0	—
уроженцы Еревана	19.1	9.0	25.0	2.3

родители работников физического труда), то у них наблюдается некоторое снижение этих показателей. В целом отмечается тенденция увеличения доли знающих русский язык и понижается число владеющих иностранными языками и языками национальностей тех республик, откуда они переехали. Подобная тенденция проявляется не только при изменении социального статуса (с его повышением), но и в поколенном срезе (родителей и детей). Двуязычие в этом поколении (знание армянского и русского языков) больше всего присуще городским мигрантам из других республик СССР, что определяется большой ролью русского языка в общении в многонациональных по составу населенных тех городов, откуда они переехали в Ереван. Такая же картина наблюдается у репатриантов, лишь с той разницей, что у них вместо русского выступает иностранный язык. В третьей возрастной группе тенденция увеличения доли лиц, знающих или свободно владеющих русским языком, коррелируется как с социально-профессиональной группой, так и с возрастом—сами респонденты чаще владеют русским языком, чем их родители. Городские мигранты из союзных республик по степени знания русского языка выделяются среди всех групп населения города. У них эти показатели намного выше, чем в первом поколении, что свидетельствует об усилении роли русского языка в межнациональном общении в предшествующих местах жительства.

При сравнении данных о знании русского языка родителями, самими респондентами и в предпочтении языка школьного обучения детей самих респондентов выявляется следующая картина. Во всех группах мигрантов третьей возрастной группы отмечается тенденция увеличения доли лиц, знающих или свободно владеющих русским языком (речь идет только о третьем поколении) и ориентирующихся на обучение детей в русской школе. Этому процессу больше подвержены мигранты из городов союзных республик: в третьей возрастной группе среди представителей физического труда по этим параметрам они в два, среди представителей умственного труда—в три раза превышают городских мигрантов из Армянской ССР, т. е. ту группу, которая по сравнению с другими мигрантами (сельскими и репатриантами) имеет наименьшие показатели знания русского языка.

Уроженцы Еревана—группа, выросшая в среде столичного крупного города, в два раза меньше владеют русским языком, чем мигранты из других союзных республик. Все вышесказанное свидетельствует о большом влиянии той среды, в которой выросли мигранты из городов союзных республик, на их дальнейшее языковое поведение в среде мононационального города. В Ереване для них почти снят языковой барьер, что объясняется интенсификацией потребления интернациональной культуры (средства

массовой коммуникации, русскоязычная литература и т. п.) и общим повышением количества людей, знающих русский язык. Все это приводит к продолжению функционирования языка той среды, в которой они выросли, в Ереване, независимо от того, сколько времени они жили в городе. Городские мигранты из других союзных республик выделяются среди населения Еревана типично городскими нормами поведения в быту и интенсивным потреблением интернациональной культуры.

В табл. 28 отражены профессиональные модели потребления национальной и интернациональной культуры различными группами населения Еревана. Для этого были взяты два индикатора — литература (национальная, русская и зарубежная), народная музыка (национальная и других народов СССР).

В выделенных группах населения города наблюдается прямая зависимость между знанием русского языка и ориентацией на интернациональную культуру.

Многообразие и интенсивность межличностных контактов создавали и создают все предпосылки взаимной адаптации и взаимообогащения всех групп населения города. В этом процессе большую роль играют внешние каналы общения (рабочий коллектив, друзья и пр.), которые своей коммуникативной функцией дополняют сферу горизонтальных инфосвязей. Социальный рост населения города оптимизирует процесс социальной и культурно-бытовой интеграции. Мощная коммуникативная база города с его развитыми каналами информации создает все условия для развития и распространения интернациональной культуры, органического синтеза национального, народного с интернациональными элементами культуры. В то же время в данном процессе большую роль сыграли группы населения города, которые участвовали в его формировании. В сфере духовной культуры, в частности профессиональной, развитие которой было обусловлено общим подъемом национальных культур, роль мигрантов ограничена. Что же касается складывания культурно-бытовых характеристик населения, то здесь большую роль сыграли те черты, которые складывались и были характерны для среды «выхода» мигрантов. Как было указано, семья и родственная группа являются важными звеньями передачи и сохранения тех моделей поведения и социальных ценностей, которые формировались в среде предыдущего места жительства. В городе сближение тех или иных культурно-бытовых элементов происходило не только через внешние каналы связей, но также через семью, свидетельством чего явилось повышение социальной гетерогенности семьи и постепенная унификация состава ее членов (по месту рождения).

Браки между представителями различных групп населения города являются важным фактором в интенсификации процесса

интеграции элементов образа жизни. В табл. 29 приводятся данные браков между выделенными группами мигрантов и уроженцев

Таблица 28

Потребление культуры в социально-профессиональных и возрастных группах населения города, в %

Работники физического и умственного труда двух возрастных групп	В последний раз чит. книгу авторов:			Любят слушать музыку:	
	армянских	русских	зарубежных	армянскую	народов СССР
Возрастная группа 50 лет и старше					
Работники физического труда:					
сельские мигранты	66,7	16,7	16,7	46,4	42,0
репатрианты	75,0	—	25,0	50,4	41,6
городские мигранты из Армянской ССР	92,9	7,1	—	41,2	48,5
городские мигранты из республик СССР	71,4	—	28,6	44,4	28,2
Работники умственного труда:					
сельские мигранты	59,4	12,5	28,2	31,3	50,4
репатрианты	50,0	8,3	41,7	41,0	23,6
городские мигранты из Армянской ССР	47,4	28,9	23,7	30,1	41,0
городские мигранты из республик СССР	36,5	32,7	30,8	29,3	42,5
Всего в возрастной группе					
сельские мигранты	60,5	13,2	26,3	39,8	45,9
репатрианты	60,0	5,0	35,0	47,3	28,2
городские мигранты из Армянской ССР	40,4	21,2	19,2	34,3	45,3
городские мигранты из республик СССР	43,9	25,8	30,3	33,9	38,9
уроженцы Еревана	59,4	25,0	15,6	30,8	33,1
Возрастная группа 18 — 29 лет					
Работники физического труда:					
сельские мигранты	51,2	18,6	30,2	34,0	33,4
репатрианты	75,0	—	25,0	39,6	28,8
городские мигранты из Армянской ССР	62,9	17,1	20,0	26,9	40,8
городские мигранты из республик СССР	35,7	7,1	57,1	27,8	37,9
Работники умственного труда:					
сельские мигранты	34,2	19,5	46,3	28,3	25,2
репатрианты	58,3	25,0	16,7	32,7	31,2
городские мигранты из Армянской ССР	36,6	14,6	48,8	25,4	23,0
городские мигранты из республик СССР	25,0	37,5	37,5	24,8	27,1
Всего по возрастной группе					
сельские мигранты	42,9	19,0	38,1	31,4	28,9
репатрианты	67,9	10,7	21,4	36,3	29,9
городские мигранты из Армянской ССР	48,7	15,8	35,5	26,1	32,3
городские мигранты из республик СССР	27,8	29,6	42,6	25,7	30,5
уроженцы Еревана	34,2	14,6	51,2	28,2	23,7

Браки между выделенными группами населения города, в %

Население города двух возрастных групп	Муж (или жена) респондента родился (родилась)		
	в Ар- мянской ССР	в другой союзной республике	в другой стране
Возрастная группа 50 лет и старше			
респондент, приехал из городов:			
Армянской ССР	49,5	25,8	24,7
союзных республик	50,0	42,7	16,3
других стран	20,5	16,0	73,5
уроженцы Еревана	69,4	22,2	8,3
респондент приехал из сел.			
Армянской ССР	55,2	21,3	23,5
союзных республик	11,5	77,0	11,5
других стран	50,0	10,0	40,0
Возрастная группа 18 —29 лет			
респондент приехал из городов:			
Армянской ССР	81,8	12,2	6,6
союзных республик	65,7	31,2	3,1
других стран	51,3	10,2	38,5
респондент приехал из сел:			
Армянской ССР	73,5	20,6	5,9
союзных республик	50,0	50,0	—
других стран	83,3	—	16,7
уроженцы Еревана	81,8	12,6	5,6

цев Еревана. Данные брачности между представителями этих групп являются не только индикаторами этой интеграции, но и важными показателями консолидации различных групп населения города.

Если в старшем поколении (50 лет и старше) муж и жена чаще являются представителями одного и того же региона, то в младшем заметен «ассимиляционный» процесс, в ходе которого представители регионов из-за пределов республики «ассимилируются» уроженцами Армянской ССР, в частности уроженцами Еревана.

Это свидетельствует о решающей роли городских и сельских жителей республики в формировании как населения, так и культурно-бытовых особенностей Еревана.

Итак, интеграция народных и современных, национальных и интернациональных элементов происходила по восходящей линии социальной структуры города внедрением и распространением народных традиционных элементов культуры, по нисходящей линии — интернациональных элементов.

Разнотипная социально-профессиональная структура в трех

возрастных группах приводила к различному соотношению этих элементов в образе жизни в каждом поколении. Кроме этого, социальная мобильность групп населения города создавала предпосылки широкого внедрения адаптированных элементов духовной культуры (ее традиционных форм) и интенсивного распространения интернациональных элементов (как современных городских, так и элементов инонациональной культуры).

В этом процессе интеграция общего и особенного имела различную интенсивность в разных социальных, возрастных и миграционных группах города. В разрезе среды—города в целом, трудового коллектива и семьи (родственных связей и пр.)—эта интеграция определялась как условиями самого города и составом его населения—демографическим, социальным и миграционным, так и характером трудовых отношений в коллективе (завод, учреждение) составом коллектива и членов семьи, социальной и миграционной структурой.

* *
*

Бурные темпы социально-экономического развития, сопровождавшиеся активными миграционными процессами, привели к тому, что Ереван стал местом сосредоточения самой активной части населения республики и одним из значительных центров социального и этнического развития армянского народа.

Мигранты, вливаясь в город в различные периоды социального строительства, своими социально-культурными параметрами отражали, с одной стороны, социально-культурные изменения, происходившие в периоды Советской власти в тех регионах или городах и селах, откуда они переехали, с другой—этапы формирования населения города.

Жизненный путь каждой возрастной группы отражает определенный этап развития как того региона или типа поселения, откуда переехали мигранты, так и этапы социально-культурного и экономического развития Еревана. Социальная мобильность в условиях Еревана была той базой, на основе которой происходила культурно-бытовая интеграция указанных групп. В первой возрастной группе у выделенных групп мигрантов наблюдались незначительные перемещения в социально-профессиональной структуре. Это вполне соотносимо с той категорией, которая сразу после переезда работала. В этой группе социальные перемещения происходили у двух категорий мигрантов, которые начали работать значительно позднее после переезда, а также уроженцев города. Исходные позиции мигрантов в городе играли значительную роль в их социальных перемещениях. Наиболее высокие показатели уровня квалификации в начале и в конце трудовой деятельности были у мигрантов из городов республик СССР, са-

мые низкие—у сельских мигрантов. Хотя условия города создавали возможность для их интенсивного социального роста, тем не менее они были на последнем месте по этим показателям. Во второй возрастной группе заметна интегрирующая роль города в сближении социальных параметров различных групп мигрантов. В то же время различия в социальном происхождении сказывались на социальных перемещениях разных групп и категорий мигрантов.

Кроме социальных параметров, изменялись также культурно-бытовые характеристики групп мигрантов. Это вполне соотносимо как с традиционным поведением, так и потреблением профессиональной национальной и интернациональной культуры. В старшей возрастной группе мигрантов явно выражен разрыв между сельскими и городскими мигрантами по интенсивности соседских и родственных связей; больше проявляется чувство корпоративности, что выражается интенсивностью связей с земляками, в то время как у молодых больше ориентации на друзей и товарищей по работе и слабо выражено землячество. При этом у городских и сельских мигрантов третьего поколения каких-либо различий в этом плане не наблюдается. В целом по всем возрастным группам большую значимость имеет социальный рост, чем давность переселения—срок адаптации. Заметна также следующая тенденция: чем старше возраст, тем сильнее традиционное поведение и больше разрыв между работниками физического и умственного труда среди сельских и городских мигрантов. Следует учесть и то обстоятельство, что чем позже период переезда в город, тем теснее связь у сельских мигрантов с родственниками, живущими на селе. Такая же тенденция у городских мигрантов из Армянской ССР. Село в какой-то мере опосредованно влияет на их поведение в городе. Поэтому сельские и городские мигранты из Армянской ССР (нужно учесть, что значительное количество сельских мигрантов приходится на саму республику) именно по этой причине в третьей и во второй возрастных группах показывают элементы традиционного поведения.

Распределение мигрантов в современной возрастной и социально-профессиональной структуре населения города является значительным фактором формирования современной культурно-бытовой специфики каждой возрастной и социально-профессиональной группы. При доминирующей роли условий города в формировании социально-культурных параметров групп населения нужно учитывать и то, какие элементы формируют те или иные модели поведения. Социально-культурные условия столицы изменяют традиции, одни из традиционных компонентов культуры отмирают, другие, изменяясь, или, иными словами, адаптируясь, участвуют в формировании культурно-бытовых типов каждой со-

циальной группы города. Таким образом, происходит интеграция этнокультурных параметров мигрантов, в ходе которых на разных социальных уровнях сближаются те или иные компоненты традиционного и современного. В этом процессе участвовали различные группы армянского народа, которые с восприятием городских стандартов привносят в городскую сферу жизни разнообразие, с одной стороны, интернационализируя, с другой—обогащая традиционными этнографическими элементами культуру и образ жизни населения.

Этносоциологическое исследование истории этнокультурных процессов, протекавших в крупном столичном городе, позволило выявить место и роль Еревана в этнических процессах, происходивших в армянском этносе вообще и в республике в частности. На основании материалов обследования показаны этапы формирования населения города и в связи с этим отражены этапы развития как республики в целом, так и ее отдельных звеньев (города и села). На примере изменения социально-культурных позиций мигрантов из различных регионов и типов поселений в трех возрастных группах в начале их жизненного пути в Ереване выявлены основные тенденции этого процесса, которые определялись сближением социально-культурных параметров города и села, характеризующихся социально-экономическим подъемом села и интенсификацией процесса интеграции интернациональных форм с национальными формами культуры.

Процесс формирования населения города из миграционных потоков по сути отражает роль отдельных звеньев армянского этноса в складывании социально-культурного облика города и его экономического развития. Как было отмечено, мигранты в процессе социальной и культурной адаптации повлияли на его современную социальную, демографическую структуру и определили специфику образа жизни населения.

В экономическом развитии, особенно в первые периоды социалистического строительства, мигранты были основной частью квалифицированных кадров. Экономическое и социально-культурное развитие города в эти периоды во многом происходило благодаря притоку интеллигенции и рабочего класса из других промышленных центров.

Во время исследования было установлено, что мигранты (та часть, которая сразу после переезда включается в активную трудовую деятельность) в начальный период жизни в городе склонны часто менять свою работу. Эти перемещения происходят как внутри отраслей, так и между отдельными отраслями народного хозяйства города. Это непостоянство объясняется трудностями устройства в городе этих мигрантов, слабой контактностью мигрантов с коллективом, что связано с тем, что мигранты, особен-

но сельские, придают больше значения родственным и соседским связям, чем товарищеским. Поэтому в устройстве мигранта на работу большую роль играют родственники и земляки. Они больше обращают внимание также на заработки и возможность улучшения жилищных условий, чем на состав коллектива, в котором должны работать. В результате этого возникает противоречие между потребностью тех или иных отраслей в работниках и предложением, что в конечном счете влияет на устойчивость кадров и их правильное распределение по отраслям и даже по отдельным звеньям промышленности и т. п.

Другим важным обстоятельством является то, что если раньше значительная часть мигрантов сразу после переезда вовлекалась в народное хозяйство города, то сейчас почти все молодое поколение мигрантов стремится продолжать учебу, что приводит к разрыву в показателях вовлеченности в трудовую деятельность сразу после переезда миграционных потоков в предыдущих периодах во время опроса. Из городов (особенно из других республик) в последнее время приезжают как уже подготовленные специалисты (вышей или средней квалификации), так и мигранты, стремящиеся продолжать свою учебу в Ереване. В условиях, когда воспроизводство профессий и социальных групп физического труда почти не происходит, когда в миграционных потоках лица такой квалификации составляют незначительный процент, имеет место перегруженность в социально-профессиональных группах умственного труда, в то время как в сфере физического наблюдаются их нехватка, что зачастую вынуждает набирать кадры не имеющих нужной квалификации (особенно в строительстве).

Социальная структура города находится в развитии, в ходе которого происходит непрерывное перемещение из сферы физического труда в сферу умственного. Анализ социальной ориентации различных социально-профессиональных групп показал возрастающее стремление различных групп населения города получить высокую квалификацию. При этом наиболее престижными являются те сферы труда, которые не связаны с физическими нагрузками. По возрастной структуре каждого социально-профессионального слоя города наблюдаются значительные расхождения.

Это может привести к тому, что со временем перед отдельными отраслями народного хозяйства города, в которых преобладают трудоемкие процессы, встанет проблема восполнения трудовых ресурсов.

Для решения этих вопросов при составлении планов социально-экономического развития каждого предприятия (учреждения) необходимо учитывать в равной мере социальные и психологические факторы, связанные как с возрастной и социально-профессиональной структурой трудового коллектива, так и с раз-

личными ценностными ориентациями этих групп. Следует отметить, что своевременный учет многих факторов, возможный при социологическом анализе,—миграционный состав, уровень квалификации и престижность определенных профессий и пр.—позволит более правильно установить возможности тех или иных объектов народнохозяйственного значения и их планомерного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Вычислено по данным стат. сб.: Экономика и культура Армянской ССР. Ереван, 1975, с. 7.
- 2 Вычислено по данным: СССР в цифрах в 1979 году. М., Статистика, 1980, с. 10, 13, 15.
- 3 См.: В. В. Покишичевский. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения. —СЭ, 1969, № 5, с. 3.
- 4 В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, с. 149.
- 5 По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. армяне в городах республики составляли 89,9%, а в 1979 г.—93,4%. Исчислено по данным: З. Коркотян. Население Советской Армении, табл. 3; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года по Армянской ССР, Ереван, 1980, т. 1, с. 141.
- 6 Из 24 городов республики 20 были преобразованы в города после 1938 г. (См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года по Армянской ССР, Ереван, 1980, с. 11).
- 7 См. также табл. 16.
- 8 С 1960 г. начался третий период ренатриации, но ввиду их меньших, чем в предыдущие периоды, масштабов, они в выборке представлены единицами.
- 9 У мигрантов, переселявшихся в возрасте 30—59 лет, преобладали женатые мужчины и замужние женщины. Поэтому они не были выделены в таблице.
- 10 Каждая возрастная группа, в силу естественных причин, отражает определенный период переезда в Ереван. Так, например, по материалам обследования населения города прослеживается такая тенденция: чем старше возраст, тем раньше период переселения—в возрастной группе 18—29 лет период переезда падает в основном на последние 10—15 лет, в возрастной группе 30—40 лет—на 1950—1960 гг., а в возрастной группе 50 лет и старше в основном переселились до 1950 г.
- 11 Высокие темпы экономического, социального и культурного развития столицы приводили к изменению отраслевой структуры ее народного хозяйства и поэтому в разные периоды социалистического строительства город имел различную отраслевую структуру. Распределение миграционных потоков по отраслям народного хозяйства города находилось в определенной зависимости от его отраслевой структуры.

- 12 Ю. В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения СССР. М., Наука, 1971, с. 75.
- 13 Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. М., 1976, с. 172.
- 14 «Термин «социальные перемещения» обладает тем преимуществом, что характеризует именно процессы изменения социального положения людей, их переходы из одних социальных групп в другие, т. е. то, что называют социальной мобильностью». Там же, с. 172.
- 15 См.: В. В. Покишиевский. Указ. раб., с. 10.
- 16 Это подтверждается и материалами обследования. В возрастной когорте 50 и старше лет женщин, начинавших свою трудовую деятельность в возрасте 27 и старше лет в 4 раза больше, чем мужчин. (см. табл. 10).
- 17 Ввиду малочисленности групп мигрантов они были дифференцированы только на городские и сельские.
- 18 Социальная структура развитого социалистического общества в СССР, с. 175.
- 19 Современные этнические процессы в СССР, с. 14.
- 20 Социальное и национальное, с. 23.
- 21 О. Р. Будина, М. Н. Шмелева. Указ. раб., с. 30.
- 22 Указанные индикаторы в данном исследовании привлечены для выяснения роли и места традиционных компонентов культуры в образе жизни населения города, вопросы же изменения, сохранения и исчезновения тех или иных форм традиционной культуры не являются целью данного исследования. Поэтому они привлечены постольку, поскольку могут отразить некоторые закономерности, связанные с социально-культурной интеграцией различных групп населения города.
- 23 В Ереване до настоящего времени сохранились такие локальные кварталы расселения репатриантов, как Нор-Арабкир, Нор-Ареш, Нор-Бутания, Нор-Зейтун, Нор-Киликия, Нор-Малатия, Нор-Мараш и Нор-Себастьян.
- 24 К их числу можно отнести Айгестан, Конд, Норк и др.
- 25 Так, например, Верин и Неркин Чарбах, Канакер, Кохб, Норагюх, Араратский массив и др.
- 26 Эта группа жителей города расселилась в Ленинском, Шаумянском, Орджоникидзевском районах Еревана.
- 27 Репатрианты в третьей возрастной когорте (18—29 лет) отсутствуют, и чтобы иметь возможность сравнивать их в возрастном разрезе, они представлены второй возрастной когортой (30—49 лет).
- 28 Как уже отмечалось, старшее поколение переселилось в город в период до 1950 года, т. е. срок их проживания в Ереване составляет 30 и больше лет. См. примеч. 10.
- 29 А. Б. Гофман, В. П. Левкович. Обычай как форма социальной регуляции. —СЭ, 1973, № 1, с. 14.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

XX век часто именуется веком «информационного взрыва». В наши дни невозможно представить развитое общество без средств массовой информации. Вопросы, связанные с возникновением, развитием и распространением средств массовой информации, находятся в центре внимания как зарубежных, так и советских ученых.

При рассмотрении вопроса о возникновении системы средств массовой информации советские ученые считают необходимым учитывать как условия и потребности, порождаемые научно-технической революцией, так и глубокие социально-исторические изменения (индустриализация, урбанизация, возрастание исторической роли народных масс, повышение уровня образования трудящихся) имевшие место в XX веке. Общество всегда располагало теми или иными средствами распространения информации, однако потребовались века, прежде чем широкое и целенаправленное распространение информации превратилось в одно из главных способов социального управления обществом, а сама информация стала массовой¹.

Первым средством массовой информации, распространившимся в Армении, являлась периодическая печать (XIX в.), а самым молодым — телевидение (50-е годы XX в.). На современном этапе средства массовой информации, являясь мощным орудием идеологической борьбы, социального управления, распространения культуры, оказывают существенное влияние на содержание и формы идеологической пропаганды: они проникают и охватывают все сферы экономики, науки, культуры, общественной жизни. В партийных документах печать, телевидение и радио часто именуются действенным инструментом идеологической работы, важнейшим институтом социалистической демократии, средством привлечения трудящихся к обсуждению и решению злободневных вопросов, формирования общественного мнения². Особо подчеркивается их роль в раскрытии характера и облика строителя нового общества в формировании нового человека.

Внутренний духовный мир человека очень сложен. Он формируется под влиянием семьи, круга друзей, формальных и неформальных контактов, а в XX в. в значительной степени под воздействием кино, печати, радио и телевидения³. Средства массовой информации представляют собой на данном этапе крупные предприятия по производству духовной продукции и играют громадную роль в производстве культурных ценностей, в их сохранении и передаче от одного поколения к другому⁴. Однако этот круг вопросов еще мало изучен.

Советские ученые при изучении структурно-функционального анализа системы средств массовой информации сосредотачивали свое внимание в основном на изучении именно агитационно-информационной стороны проблемы, уделяя сравнительно меньше внимания функциям познавательным, культурно-эстетическим, развлекательным.

Учитывая малоизученность, актуальность и значение данного вопроса и его значение для исследования духовной жизни ереванцев, мы остановили свое внимание на двух узловых моментах: возникновении основных каналов массовой информации, степени их распространения в Армении, а также на значении средств массовой информации в потреблении духовной культуры армян на основе материала этносоциологического изучения населения г. Еревана. При исследовании комплексно использованы как архивные, так и статистические и социологические данные Еревана.

1. СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Анализу степени распространения и потребления каждого из основных каналов массовой информации (печать, радио, кино, телевидение) среди армян в г. Ереване необходимо предпослать небольшой исторический экскурс для выявления тех социально-исторических предпосылок, которыми было обусловлено появление средств массовой информации в Советской Армении.

Сразу же после установления Советской власти в Армении, для разъяснения широким массам мероприятий Советской власти и национальной политики Коммунистической партии возникла первоочередная необходимость создания массового печатного органа, а именно партийно-политической газеты на армянском языке, которая была бы боевым помощником Коммунистической партии Армении и доводила бы слово партии до масс⁵.

Именно такой всармянской газетой стала «Советакан Айастан». Родившись как «Коммунист» (5 декабря 1920 г., в Эривани, орган Революционного Комитета и Центрального Комитета Компартии Армении), она с мая 1921 г. была переименована в «Советакан Айастан». Газета стала не только коллективным пропагандистом и агитатором, но также и коллективным организатором, выполняя свою миссию, она призывала людей к трудовым свершениям, прививая им идейную убежденность и активную жизненную позицию.

Позднее стали друг за другом выходить и другие газеты: «Коммунист» на русском языке, «Ахкат гюхаци» («Крестьянин-бедняк»), «Кармир Банак» («Красная Армия»), «Кармир гутан»

(«Красный плуг») и т. д. В общей сложности в Армянской ССР в 1920—1936 гг. издавалось триста названий газет, еженедельников, журналов⁶, которые разъясняли историческое значение установления Советской власти, политику КПСС и ее претворение в жизнь.

Высокий процент неграмотности населения ко времени установления Советской власти ограничивал распространение информации печатным путем. Следовательно, наряду с ликвидацией неграмотности надо было заняться поиском и распространением нового средства массовой информации. С этой точки зрения более доступным средством массовой информации являлось радиовещание. В. И. Ленин охарактеризовал радио как «газету без бумаги и расстояний»⁷.

Вначале радио использовали только для передачи правительственных сообщений, воззваний, документов, т. е. как средство связи. Впоследствии функции радио расширились: из средства связи радио превращается в средство массовой информации, выполняя наряду с информационно-пропагандистской функцией и художественно-эстетическую, развлекательную.

Первые шаги радио сделало в Армении в 20-х годах. Систематические радиопередачи были начаты 9 апреля 1927 г. На первых порах объем радиопередач был невелик—три раза в неделю (понедельник, четверг, воскресенье) длительностью час-полтора. Программа первых радиопередач включала в основном материалы общественно-политического, информационного характера, последние известия и т. д. В общем объеме передач музыкальные программы занимали мало места. До 40-х годов, а потом и в военные годы радиопередачи слушались, как правило, не индивидуально, а коллективно: громкоговорители были установлены в каждой деревне, в деревенских клубах, сельских избах-читальнях. По данным 1927 г. всего в республике имелось 65 радиоприемников, из которых 21—в городах и 44—в селах. Для дальнейшего повышения радиофикации в республике были построены в разных городах и селах радиотрансляционные узлы, соответственно возросло и число радиоточек. Был выдвинут даже специальный лозунг: «Радио—в каждом колхозном доме», лозунг, осуществление которого стало всенародным делом⁸.

Вторую половину 40-х, а также 50-е годы, особенно до появления телевидения, можно считать «золотым веком радио», когда полностью была радиофицирована вся территория Армянской ССР. Радио вошло в быт и стало мощным и эффективным «средством повседневного информирования, просвещения и воспитания миллионов трудящихся»⁹.

Наряду с радио в 20-х годах первые шаги делает и другой вид массовой информации—киноискусство. До установления Со-

ветской власти в Армении имелись три «иллюзиона» — в Ереване, Александрополе, Карсе, в которых с утра до вечера показывали мелодрамы. В остальных районах, в частности в селах, вообще не знали о существовании такого зрелища.

В первые годы после установления Советской власти встал вопрос об организации кинопроката в Армении и о производстве отечественных фильмов. Официально днем рождения армянского киноискусства считается 16 апреля 1923 г., когда по решению Совета Народных Комиссаров ССР Армении было создано «Госкино», позднее переименованное в «Арменкино» (теперь — «Арменфильм»). Основы национального киноискусства закладывались в Армении в трудное, в экономическом и культурном отношении время.

Достаточно сказать, что в республике находилось 200 тыс. беженцев, а в сиротских приютах — 50 тысяч детей, насущные потребности которых надо было обеспечивать¹⁰.

Несмотря на тяжелые материальные условия, председатель Совнаркома тов. С. Л. Лукашин (Срапюнян) обещал выделить сто рублей одному из первых энтузиастов армянского киноискусства Д. Дзюни для начала производства отечественных фильмов. Впоследствии эта сумма была снижена до 60 руб. Сумма более чем скромная, однако ограниченность ресурсов компенсировалась энтузиазмом молодых деятелей армянского киноискусства. В 1924 г. был создан первый армянский документальный фильм — «Советская Армения», посвященный возрождению родной страны, а в 1925 г. «Намус» — первый армянский немой художественный фильм в постановке молодого и талантливого режиссера Амо Бек-Назаряна (фильм поставлен по одноименной пьесе А. Ширванзаде). Когда создавались эти фильмы, не было ни студий, ни технических установок, ни специалистов-кинематографистов. Единственным опытным кинорежиссером был Амо Бек-Назарян, приглашенный из Тбилиси. Он и осуществил экранизацию пьесы «Намус». Фильм имел большой успех. Впервые Восток был показан, как писала тогда критика, без ложной романтики, без экзотических красок. История, рассказанная в этом фильме, растрогала сердца миллионов зрителей жизненной правдой. Успех первых фильмов воодушевил молодых авторов-кинематографистов. Последующие годы для армянской немой кинематографии ознаменовались созданием ряда интересных работ, сюжеты которых взяты также из жизни простого народа¹¹.

В 1935 г. армянское киноискусство вступило в новый этап своего развития — на смену немому кино пришел озвученный фильм. Это был «Пепо» (по одноименной пьесе Г. Сундукяна, экранизацию которой осуществил также А. Бек-Назарян) — фильм, вошедший в историю советского классического киноискусства.

Несмотря на свою 45-летнюю давность, сегодня мы смотрим «Пепю» с тем же волнением и радостью, как сорок пять лет назад смотрели наши отцы и деды. «Пепю» имел непревзойденный успех. Начав свое триумфальное шествие в Ереване, в том же году этот фильм шел два месяца подряд в переполненных залах 13 кинотеатров Москвы. Везде и всюду были расклеены афиши и рекламы Пепю, продавались напирсы «Пепю»...¹²

В чем заключался залог успеха «Пепю» и остальных фильмов, созданных в те годы в «Арменкино»? Почему этот совсем новый вид средства массовой информации так быстро и легко завоевал себе массовую аудиторию? Очевидно, мы имеем дело со следующими факторами: во-первых, кино благодаря своей «способности зафиксировать и воспроизвести событие в его подлинном, зримом виде»¹³, прежде всего воздействует на эмоции человека. Визуальный характер кино не требует особой подготовки или даже знания языка, как при чтении газет. В то время при высоком проценте неграмотности населения кино явилось более общедоступным и понятным, чем пресса. Второй фактор, способствующий распространению кино,—содержание фильмов. Зрители видели на экране не выдуманных героев и сцен, а каждодневные тревоги, разочарования и обычные радости таких же обычных людей, как они сами. В те годы кино было главным сказочником, утешителем, волшебником, а его персонажи—реально живущими рядом людьми. Экран был всем.

И, наконец, третий фактор, который следует учитывать, заключается в том, что Советское государство с первых же лет своего существования всячески поощряло развитие этого нового вида массовой информации, видя в нем влиятельную силу общественного развития и психологического воздействия на духовный и эмоциональный мир человека. Если в 1927 г. в республике имелось всего 26 киноустановок, то в 1940 г. число их возросло до 168, из которых в сельской местности было 108 киноустановок¹⁴.

Существуют определенные различия в процессе становления и развития этих каналов. Так, например, вначале пресса служила для прямого отражения событий политической и общественной жизни. Но ею пользовались лишь те, кто имел определенный уровень грамотности и круг интересов. Что же касается радио, то оно использовалось на первых порах для передачи правительственных сообщений, декретов и т. д. Впоследствии функции прессы и радио ширятся, и на сегодняшний день они являются обязательными стандартом жизни. Особенно возросла их роль и функции во время Великой Отечественной войны.

Что касается кино, то оно начало свое победоносное шествие с широких масс, т. е. сразу же завоевало массовость. Кино выполняло функции развлечения, утешения. Поначалу это был все-

го лишь аттракцион, зрелище «живой фотографии»¹⁵. Со временем язык кино усложняется, вместо поверхностных мелодрам появляются киноленты с глубоким социальным содержанием.

И, наконец, еще одно различие прессы, радио: они в основном имеют информационный характер, в то время как кино оказывает культурно-эмоциональное воздействие на зрителя. Происходило своеобразное распределение функций между тремя каналами. Однако так продолжалось не долго. С появлением нового вида средства массовой информации—телевидения—изменились роль и функции, которые выполняли вышеуказанные средства. Дело в том, что телевидение, являясь как бы синтезом радио и кино, включает в себе три знаковые системы: вербальную, изобразительную, музыкальную¹⁶. В функциональном отношении телевидение, являясь средством информации, имеет при этом возможность эмоционального воздействия на телезрителя.

Первые пробные передачи Ереванского телецентра начались с 29 ноября 1956 г. (три раза в неделю). Официально Армянское телевидение стало выходить в эфир 10 февраля 1957 г. На сегодняшний день в Армении теле вещание осуществляется по четырем программам (две республиканские, две—Центрального телевидения). В настоящее время по всем программам ведутся цветные передачи.

Телевидение сегодня—такой же стандарт жизни, как кино, радио, печать. По темпам роста телевидение опережает кино и радио¹⁷.

Неравномерность развития темпов роста обеспеченности населения телевизорами можно объяснить следующими факторами: снижением цен на телевизоры, введением кредита и заменой старых телевизоров на новые, возрастающей материальной обеспеченностью населения Армянской ССР, развитием электронной промышленности в стране.

В результате непрерывного роста обеспеченности населения телевизорами, телевидение стало наиболее потребляемым, массовым каналом среди населения г. Еревана. По данным этносоциологического исследования, проведенного в Ереване, 87,8% ереванцев постоянно смотрят телевизор. Соответственно второе, третье и четвертое места среди источников массовой информации занимают печать (70,2%), радио (64,3%), кино (49,1%).

Преобладающая роль телевидения очевидна, однако означает ли это, что со временем телевидение может вытеснить остальные каналы массовой информации? Изучение этой проблемы находится сегодня в центре внимания многих ученых. Существуют в основном два мнения. Первое: телевидение в скором будущем заменит остальные каналы информации и общество вступит в «век безраздельного господства телевидения». Второе: поскольку каж-

дый из каналов массовой информации имеет свои специфические особенности и возможности, постольку ни один из них не может целиком заменить остальные средства. В этом случае происходит перераспределение функций между каналами средств массовой информации, но основная их цель остается та же—служение человеку и обществу¹⁸.

Мы придерживаемся именно этой точки зрения, так как имеющиеся в нашем распоряжении материалы подтверждают правомерность второй концепции.

Так, интересующую информацию в виде новостей, последних известий и т. д. можно получить по телевизору, радио и из газет. И предполагать, что респонденты пользуются только одним каналом для получения определенной информации, не подтверждается проведенными исследованиями.

Респонденты, которые ежедневно пользуются газетами, с таким же интересом относятся к телевидению и радио. Так, доля ежедневно читающих газеты, составляет 70,2%, постоянно смотрящих телевизор—87,8%, слушающих радио—64,3%. Чаще всего те, кто больше читают газет, больше смотрят программы телевидения и слушают радио. Такая же картина выявляется при сравнении частоты чтения газет с посещением кинотеатров.

Что касается соотношения кино с телевидением, то принято считать, что с появлением телевидения—этого «домашнего зрелища» или, как иначе его называют, «чуда XX в.»—постоянивается падение посещаемости кинотеатров (49,1%). Однако из этого не следует, что со временем телевидение целиком вытеснит кино. У каждого из них есть свои специфические функции и возможности¹⁹, которыми не обладает другой. В отличие от кино, телевидение—это культура «с доставкой на дом», в кинотеатре же создается особая атмосфера концентрированного внимания. Если во втором случае есть элемент праздничности, торжественности, то в первом—этот элемент отсутствует²⁰.

Таким образом, можно сказать, что, во-первых, среди опрошенных существует малая, но определенная часть, которая вообще не пользуется каким-либо видом информации. Во-вторых, основная часть опрошенных активно пользуется всеми видами средств массовой информации для удовлетворения своих интересов.

Для выяснения интенсивности потребления средств массовой информации в Ереване следует рассмотреть эту проблему сквозь призму социально-демографических признаков, а именно: пола, возраста, социально-профессионального статуса.

При сопоставлении материала по использованию средств массовой информации очевидно, что пол при выборе радио и телеви-

дения практически особой роли не играет. Мужчины и женщины почти одинаково слушают радио и смотрят телевидение (табл. 1).

Таблица 1

Интенсивность потребления средств массовой информации

	Читают газеты			Слушают радио			Посещают кинотеатры			Смотрят телевизор		
	ежедневно	редко	не читают	постоянно	редко	не слушают	бывают раз в месяц	бывают раз в 2 — 3 месяца	не бывают	постоянно	редко	не смотрят
Мужчины	83.9	10.8	5.1	66.9	24.5	8.5	54.5	28.5	16.8	90.0	8.5	1.4
Женщины	57.3	26.7	15.8	62.0	26.7	11.1	44.2	33.9	21.7	85.8	11.5	2.5
Всего	70.2	19.1	10.7	64.5	25.5	9.8	49.1	31.3	19.4	87.8	10.1	2.0

Совсем другая картина наблюдается при анализе данных по кино и печати. Мужчины чаще, чем женщины, посещают кинотеатры. Это можно объяснить тем, что у женщин свободного времени гораздо меньше, чем у мужчин. Женщины уделяют больше внимания домашнему хозяйству и воспитанию детей, нежели мужчины, что ведет к сокращению свободного времени у женщин. Следует отметить, что женщины среднего поколения (от 30 до 49 лет) посещают кинотеатры почти одинаково с мужчинами соответствующего возраста. Это период, когда женщина становится более свободной (дети уже взрослые и требуют меньше внимания, чем раньше, и в домашнем хозяйстве иногда помогают матери) и может располагать временем по своему усмотрению.

Разрыв между молодыми женщинами (от 18 до 30 лет) и мужчинами того же возраста очень велик: это возраст, когда женщины в основном вступают в брак, создают семью. Женщины старшего поколения (старше 50 лет) также мало посещают кинотеатры (табл. 2). По-видимому, это объясняется не только обремененностью женщин домашним хозяйством и воспитанием внуков, но и ограничением круга интересов, что ведет в конечном итоге к малоподвижной жизни.

Рассматривая потребление печати с точки зрения половозрастного деления, следует подчеркнуть, что процент мужчин, которые постоянно читают газеты, намного превышает процент женщин. Чем вызвана столь большая разница? Только ли наличием большего свободного времени у мужчин? Для выяснения этого вопроса следует остановиться на двух основных моментах:

Потребление средств массовой информации, в %

Возрастные группы	Смотрят телевизор			Слушают радио			Бывают в кинотеатрах			Читают газеты		
	постоянно	редко	не смотрят	постоянно	редко	не слушают	раз в месяц	раз в 2—3 месяца	не бывают	ежедневно	редко	не читают
18 — 29 лет	84,5	13,1	2,4	64,1	27,4	8,5	72,8	23,7	3,5	74,7	21,7	3,6
30 — 49 лет	90,3	8,6	1,1	66,5	24,0	9,5	35,5	37,1	27,4	74,2	19,1	6,7
50 и старше	87,8	9,3	2,9	63,4	24,9	11,7	21,3	31,8	46,9	57,8	16,2	26,0

В отношении к кино четко выявляется следующая закономерность: молодежь больше стремится в кинотеатры, чем среднее и, особенно, старшее поколение. Очевидно, кроме всего прочего, с годами приходит некоторая избирательность и большая требовательность к предлагаемой информации.

Большая разница наблюдается в пользовании газетами между молодежью и средним возрастом, с одной стороны, и старшим возрастом — с другой. Молодежь и среднее «поколение» почти одинаково пользуются газетами.

Перейдем теперь к рассмотрению средств массовой информации с точки зрения социально-профессионального статуса потребителей и попытаемся выяснить, как данный фактор влияет на выбор канала. Следует отметить, что социально-профессиональный фактор является наиболее определяющим и в известной мере обусловлен социально-образовательным уровнем. Ведь «от уровня образования в значительной степени зависит весь строй жизни людей. Дело не только в том, что образование открывает доступ к более квалифицированному и более высокооплачиваемому труду. Образование оказывает не только такое опосредованное влияние на образ жизни людей, но и непосредственно влияет на их поведение как в сфере освоения культуры, так и в сфере культурного творчества»²³.

Уровень образования во многом зависит от возраста: среди сегодняшней молодежи в Ереване примерно половина имеет незаконченное и законченное высшее образование, в то время как среди среднего и старшего поколений оно составляет соответственно 35,1% и 29,6%. Растет также доля рабочей молодежи, имеющей незаконченное высшее образование — 31,0%, в то время как у старшего поколения оно приближалось к нулю.

В конечном итоге различия между поколениями в уровне об-

разования влияют на формирование определенных интересов и оценок у потребителей, что ведет к выбору того или иного канала массовой информации.

Всего выделено четыре основные социально-профессиональные группы: группа Г включает работников физического труда неиндустриального профиля с квалификацией и без нее, группа В — квалифицированные работники физического труда индустриального профиля, Б — служащие и группа А — специалисты со средней и высшей квалификацией вместе с руководителями среднего и высшего звена. Наиболее гетерогенны по составу группы Г и А.

Исходя из данных табл. 4, очевидно, что среди всех групп населения наиболее популярными являются телевидение и в определенной мере радио. Аудитория этих двух каналов массовой информации гетерогенна по социально-профессиональному составу. Телевидение и радио одинаково адресуют свои передачи всем социально-профессиональным группам, будь то представители интеллигенции, квалифицированные работники физического труда, служащие или работники физического труда неиндустриального профиля. Для более неоднородной аудитории (специалистов средней и высшей квалификации и руководителей) популярными яв-

Таблица 4

Частота потребления средств массовой информации
социально-профессиональными группами, в %

Социально-профессиональные группы	Смотрят телевизор			Слушают радио			Бывают в кинотеатрах			Читают газеты		
	постоянно	редко	не смотрят	постоянно	редко	не слушают	раз в месяц	раз в 2 — 3 месяца	не бывают	ежедневно	редко	не читают
Работники физического труда без квалификации или с квалификацией неиндустриального профиля	88,5	8,1	3,4	65,8	24,4	9,8	36,0	29,6	34,4	48,2	26,5	25,3
Квалифицированные работники физического труда индустриального профиля	90,4	7,6	1,9	67,8	23,6	8,6	50,0	0,8	19,2	67,1	22,8	10,1
Служащие	87,9	10,6	1,5	62,4	25,9	11,7	51,8	30,3	17,9	68,9	24,4	6,7
Специалисты высшей и средней специальной квалификации	86,4	12,3	1,3	64,0	26,4	9,6	55,9	33,1	11,0	84,3	12,5	3,2
В с е г о	87,8	10,2	2,0	64,9	25,3	9,7	49,1	31,5	19,4	70,1	19,2	10,7

ляются газеты—84,3%. Таким образом, уровень образования влияет как на регулярность чтения, так и на выбор канала массовой информации.

Располагая данными по возрастному и социально-профессиональному критериям в отдельности, представляется целесообразным рассмотреть интересующей нас проблемы с точки зрения корреляций вышеуказанных параметров.

Наиболее полные данные, позволяющие установить степень популярности каналов в зависимости от возраста и принадлежности к той или иной социально-профессиональной группе, представлены в табл. 5. Как и следовало ожидать, популярность телевидения и радио не зависит от возраста и социально-профессионального статуса: все возрасты и все группы почти одинаково относятся к этим двум видам массовой информации, что лишь один раз свидетельствует об их общей распространенности среди населения в последние годы. Для специалистов средней и высшей квалификации и руководителей разных звеньев всех поколений чтение газет с целью получения информации о текущих событиях дня является насущной потребностью наравне с просмотром телепередач. Сравнительно мало интересуются газетами работники физического труда без квалификации и с квалификацией неиндустриального профиля (группа Г) и квалифицированные работники физического труда индустриального профиля (группа В) старше 50 лет. Процент ежедневно читающих газеты в этих группах составляет соответственно 31% и 53,2%. Это можно объяснить тем обстоятельством, что представители этих групп—люди старше 50 лет и имеющие в основном неполное образование (8 классов). Для них легче смотреть по телевизору то, о чем можно прочитать в газетах. Круг их интересов более ограничен: информацию они получают по телевидению и, частично, по радио. В отличие от них среди молодежи соответствующих групп наблюдается расширение кругозора, увеличение процента ежедневно читающих и посещающих кинотеатры (75,2% и 71,9%). В основе этих фактов лежит разница в уровне образования между поколениями соответствующих групп Г и В: молодежь, которая родилась в современный период (18—29 лет), имеет законченное среднее и профессионально-техническое образование в отличие от своих отцов с незаконченным средним образованием.

Молодежь в группах А и В ежедневно пользуется газетами намного реже старшего и среднего поколений соответствующих групп.

Полученный результат представляет несомненный интерес: с одной стороны—чем выше социально-профессиональный статус (группы А и Б) и моложе возраст потребителей средств массовой информации, тем ниже процент ежедневно читающих газеты

Интенсивность потребления средств массовой информации
социально-профессиональными группами, в %

Социально-профессиональные и возрастные группы	Смотрят ТВ			Слушают радио			Бывают в кинотеатрах			Читают газеты		
	постоянно	редко	не смотрят	постоянно	редко	не слушают	раз в месяц	раз в 2—3 месяца	не бывают	ежедневно	редко	не читают
Работники физич. труда без или с квалиф. не-индустр. профиля												
18 — 29 лет	86,8	8,3	4,9	66,9	26,4	6,6	71,9	25,6	2,5	75,2	18,6	6,2
30 — 49 лет	91,5	6,9	1,6	70,2	23,4	6,4	40,9	38,4	20,7	47,4	38,8	13,8
50 и старше	85,5	9,0	5,5	61,0	24,0	15,0	9,0	25,0	66,0	31,0	21,0	48,0
Квалиф. работники физич. труда индустриального профиля												
18 — 29 лет	89,8	8,3	1,8	65,7	22,2	12,1	75,0	22,2	2,8	68,5	25,9	5,6
30 — 49 лет	91,1	7,5	0,7	68,7	23,8	7,5	41,5	38,1	20,4	68,7	20,4	10,9
50 и старше	87,2	6,4	6,4	68,1	25,5	6,4	19,1	27,6	53,2	53,2	25,5	21,3
Служащие												
18 — 29 лет	88,9	8,6	2,5	60,5	30,9	8,6	64,2	27,2	8,6	63,0	28,4	8,6
30 — 49 лет	84,8	13,9	1,3	63,3	22,8	13,9	48,1	31,6	20,3	75,9	21,6	2,5
50 и старше	92,1	7,9	0	65,8	21,0	13,1	31,6	31,6	36,8	63,5	23,0	13,5
Специалисты высшей и средней спец. квалификации												
18 — 29 лет	84,1	13,0	2,4	62,9	28,8	8,2	74,7	22,4	2,8	77,9	20,7	1,4
30 — 49 лет	90,9	8,0	1,1	64,2	24,5	10,8	53,7	37,6	8,7	88,7	8,7	2,4
50 и старше	86,7	12,4	0,9	64,0	27,1	8,9	34,0	37,9	28,1	82,9	9,8	6,9

по сравнению с предшествующими поколениями соответствующих групп (специалисты средней и высшей квалификации и служащие). С другой стороны, молодежь социально-профессиональных групп Г и В больше увлекается чтением газет, нежели их отцы. Иными словами, если молодежь в группах Г и В опережает своих отцов в пользовании газетами, то в группах А и Б она же намного отстает. Причину, по-видимому, надо искать в том, что разница между поколениями внутри одной группы Г намного больше, нежели разница между поколениями группы А, что объясняется в конечном итоге уровнем образования: группа А включает специалистов всех возрастов со средней и высшей квалификацией и руководителей всех звеньев, в то время как в группу Г входят работники, имеющие образование ниже 8 классов в первом поколе-

нии и среднее и профессионально-техническое образование молодежи. Таким образом, молодежь группы Г больше отличается от своих стюгов и тяготеет к молодежи остальных социально-профессиональных групп в чтении газет, нежели молодежь в группе А—от своих предшественников.

В выборе такого канала как кино возраст играет большую роль, чем социально-профессиональный статус: чем меньше возраст, тем выше посещаемость кинотеатров. На наших глазах происходит омоложение кинозрителя. Сегодняшняя молодежь, которая часто посещает кинотеатры,—дети, своего рода, телевизионной эпохи. Они могут лишь смутно представить себе дотелевизионную эру. И, несмотря на это, молодежь чаще, чем остальные, стремится в кинотеатры. Ведь молодежь—наиболее активная часть населения, которая не удовлетворяется использованием лишь одного вида массовой информации. Она почти в равной степени пользуется и остальными каналами массовой информации. Кроме того, кинотеатры служат для молодежи местом встреч, общения с ровесниками, коллективного эмоционального переживания. В этом случае превалирует желание «побывать на людях», «провести время»²⁴.

Насыщенность телевещания составляет 41 час в сутки, из которых 13,5—республиканские передачи.

При такой нагрузке телезритель не может осмыслить до конца сущность всего, что проходит перед глазами.

Приводимая табл. 6 позволяет рассмотреть вопрос взаимосвязи объема воспринимаемых передач и избирательного отношения к их содержанию.

Таблица 6

Выбор передач в зависимости от интенсивности просмотра телепрограмм, в %

Смотрят телевизор	Какую передачу предпочитают смотреть:		
	многосерийный приключ. фильм	спортивные	новый спектакль
Постоянно	25.0	39.8	35.2
Редко	21.4	30.2	48.4
В с е г о	24.6	38.5	36.9

Из табл. 6 следует, что зрители, которые постоянно смотрят телевизор, почти одинаково относятся к спортивным передачам, спектаклям и фильмам. Постоянное пользование ведет к «всеядности» и отсутствию избирательности по отношению к предлагаемым программам. С сокращением объема просматриваемых передач повышается селективное отношение к ним.

Получены следующие данные в разрезе половозрастных и социально-профессиональных градаций (табл. 7).

Таблица 7

Выбор телевизионной передачи мужчинами и женщинами трех возрастных групп, в %

	Какую передачу предпочитают		
	многосерийный приключ. фильм.	спортивные	новый спектакль
Мужчины			
18 — 29 лет	18,7	65,1	16,2
30 — 49 лет	18,7	67,9	13,3
50 и старше	18,2	52,1	29,7
Женщины			
18 — 29 лет	32,2	12,3	55,5
30 — 49 лет	31,0	19,1	49,9
50 и старше	25,2	21,8	53,0
Всего			
18 — 29 лет	25,6	37,9	36,4
30 — 49 лет	25,2	42,2	32,6
50 и старше	22,3	34,5	43,2

Как и предполагалось, в выборе «фильм—спорт—спектакль» пол имеет большое значение, так как все мужчины независимо от возраста отдают предпочтение спортивным передачам в отличие от женщин. Последние предпочитают смотреть по телевизору новый спектакль драматического театра. Они весьма мало интересуются спортом. Что касается выбора «фильм или спектакль», мужчины почти одинаково относятся к ним. Таковую же картину мы наблюдаем при сравнении женщин с разным социально-профессиональным статусом и мужчин (табл. 8).

Здесь мужчины также независимо от принадлежности к той или иной группе выбирают в первую очередь спортивные передачи, а к фильму и спектаклю относятся почти одинаково. Разница в выборе нового спектакля или фильма между отдельными социально-профессиональными группами у женщин невелика: все женщины отдают предпочтение в первую очередь постановке нового спектакля драматического театра.

Таким образом, при выборе «фильм—спорт—спектакль» все мужчины с небольшой разницей выбирают спорт, что естественно. Решающим фактором данного выбора является пол.

Интересен также следующий факт. При сопоставлении двух параметров—возраста и социально-профессионального статуса—наблюдается следующая закономерность: в выборе «фильм—спорт—спектакль» основная «конкуренция», если можно так вы-

Выбор телевизионной передачи мужчинами и женщинами
разных социально-профессиональных групп, в %

Группы опрошенных	Какую передачу предпочитают		
	многосерий- ный прик- люч. фильм	спортивные	новый спектакль
Мужчины			
Работники физического труда без квалификации и с квалификацией неиндустриального профиля	16,2	64,2	19,6
Квалифицированные работники физического труда индустриального профиля	16,3	67,3	16,4
Служащие	17,8	57,5	24,7
Специалисты высшей и средней специальной квалификац.	21,5	58,7	19,8
Всего	19,2	61,5	19,3
Женщины			
Работники физического труда без квалификации и с квалификацией неиндустриального профиля	26,2	23,0	50,8
Квалифицированные работники физического труда индустриального профиля	22,9	22,9	54,2
Служащие	40,7	8,1	51,2
Специалисты высшей и средней специальной квалификации	30,3	15,9	53,8
Всего	29,7	17,7	52,6

разиться, наблюдается, как ни странно, между спектаклем и приключенческим фильмом (табл. 9).

На первый взгляд кажется, что телезрители должны были бы отдавать предпочтение в первую очередь приключенческим многосерийным фильмам. Ведь наряду с информированием телезрителей о текущих событиях дня в программу телевидения входит также каждодневный показ телевизионных и художественных фильмов.

В действительности же телезрители предпочитают смотреть спектакли по телевизору дома, нежели ходить в театры, а фильмы они смотрят в кинотеатрах.

Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, армяне испокон веков любили театр, их привязанность к театру является и по сей день традиционной. Театр играл важную роль в культурной жизни армян. Однако сегодня с появлением телевидения люди больше предпочитают смотреть спектакли по телевизору, чем ходить в театр, так как телевидение не только транслирует разные спектакли из республиканских и союзных театров, но и самостоятельно ставит интересные телевизионные спектакли.

Таблица 9

Выбор телевизионных передач социально-профессиональными и возрастными группами, в %

Социально-профессиональные и возрастные группы	Какую передачу предпочитают			
	многосерий- ный прик- люч. филм	спортивные	новый спектакль	
Работники физического труда без и с квалификацией индустриального профиля				
18 — 29 лет	19,8	52,9	27,3	
30 — 49 лет	25,1	31,6	43,3	
50 и старше	24,0	34,5	41,5	
Квалифицированные работники физического труда индустриального профиля				
18 — 29 лет	20,4	48,1	31,5	
30 — 49 лет	17,0	63,3	19,7	
50 и старше	14,9	47,8	37,3	
Служащие				
18 — 29 лет	44,4	20,9	34,6	
30 — 49 лет	26,6	28,8	44,6	
50 и старше	15,8	34,2	50,0	
Специалисты высшей, средней специальной квалифи- кации				
18 — 29 лет	24,2	33,9	41,9	
30 — 49 лет	27,6	42,8	29,6	
50 и старше	25,0	31,4	43,6	

такли. Фильмы, демонстрируемые по телевидению, более однооб-
разны и менее интересны, чем и объясняется сравнительно не-
большая их аудитория. Другое дело—кинотеатры, где в основ-
ном демонстрируются интересные новые фильмы. К сожалению,
телевидение редко показывает такие фильмы, чем и объясняет-
ся повышенная посещаемость кинотеатров—49,1% по сравнению
с посещаемостью театров—34,3%. Кроме того, кино—это в пер-
вую очередь зрелище, досуг, в отличие от театра, который требу-
ет определенного настроения и подготовки. К тому же техническая
оснащенность в кино и в театрах неодинакова. Все это ведет к
тому, что многие респонденты предпочитают смотреть спектакли
по телевизору.

В зависимости от возраста, безошибочно можно сказать, что
первое поколение (старше 50 лет) отдает предпочтение поста-
новкам спектаклей по телевизору, а на приключенческий фильм
больше всех ориентирована молодежь в группе служащих—

44,4%. Показательно, что остальные—среднее и старшее поколения—ориентированы на спектакль.

Основную массу социальной информации опрошенные предпочитают получать через телевидение. После телевидения второе место занимает печать, во многом опережая радио. Кроме того, хотя популярность средств массовой информации, в особенности телевидения, в Ереване велика, однако отношение респондентов к ним, в зависимости от демографических признаков (пол, возраст, социально-профессиональный статус), неодинаково: популярность телевидения и, частично, радио не зависит от возраста и социально-профессионального статуса, в то время как при пользовании прессой и кино последние факторы играют немаловажную роль (см. табл. 5).

Средства массовой информации осуществляют постоянную или «факультативную» связь индивида с обществом и общества с индивидом, и в этом заключается их главная социальная роль²⁵.

2. ИНТЕНСИВНОСТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Изучение культуры всегда находилось в центре внимания ученых—философов, социологов и этнографов. В широком смысле под культурой понимают специфический для людей способ деятельности или же все то, что «создано целенаправленной деятельностью людей в процессе физического и умственного труда для удовлетворения их разнообразных материальных и духовных потребностей»²⁶. В более узком значении культура отождествляется с понятием только «духовная культура», при этом подразумеваются ценности, создаваемые в сфере духовной деятельности человечества. Она представляет собой информацию, которая существует в коллективной живой памяти любой человеческой популяции, передаваемую от поколения к поколению. Духовное богатство общества—это прежде всего духовное богатство реальных личностей, которые его составляют, если понимать культуру как способность к творчеству. Их связывает друг с другом не только то общее, что им присуще, но и индивидуальность каждого, представляющая собой часть общего богатства и вызывающая «потребность в другом»²⁷. К духовной культуре относятся все нравы и обычаи, правовые нормы, различные виды искусства, религиозные верования и культы²⁸.

На основе имеющегося этносоциологического материала нами рассматривается именно потребление духовной культуры, в частности, некоторые виды искусства. Искусство в силу самой своей специфической природы оказывает мощное воздействие на все сферы сознания и деятельности человека, способствуя тем

98

самым его активному воспитанию в духе определенных культурных и идеологических установок и принципов²⁹.

Потребление духовной культуры является «главным» по сравнению с материальной культурой для выявления этнической специфики. Дело в том, что в силу развития «продукции современного массового профессионального производства», которая ведет к всеобщей стандартизации и унификации, «этническая специфика все более перемещается из сферы материальной культуры в сферу духовной», в результате чего «духовная культура постепенно становится главным этнодифференциатором»³⁰.

Эмоциональная сфера культуры—музыка, живопись, литература, поэзия—оказались не только многонациональной, как бы «пространственной», но и устойчивой во времени, т. е. богатой историческим фондом. Наука обновляется под влиянием социальных преобразований, в искусстве же сильнее культурное наследие, здесь меньше переоценки ценностей и не так очевидны качественные изменения, как в других сферах жизни³¹.

Вот почему в предлагаемом разделе основное внимание уделяется духовной культуре, в частности некоторым видам искусства и художественной литературе.

Выявление отношения ереванцев к национальным традициям в искусстве, а также соотношения национальных и инонациональных черт в восприятии культуры разными слоями и группами—вот круг вопросов, о которых пойдет речь.

Этническая однородность населения столицы создает условия для высокой устойчивости национальной культуры. Однако наряду с сохранением и развитием фонда национальной духовной культуры в современных условиях этнос, в данном случае армянский народ, не может существовать обособленно, оторванно от культурной жизни других народов. В процессе пропаганды и освоения культуры других народов нашей страны и мировой культуры большую роль играют средства массовой информации, интенсивное развитие которых, особенно в последние десятилетия, совершенно наглядно.

Средства массовой информации в плане этнических процессов играют двоякую роль: сохраняя богатый фонд национальной культуры, стимулируя и пропагандируя развитие национальной духовной культуры, национального самосознания, они являются также одним из главных распространителей элементов инонациональной культуры.

В этой связи следует остановиться на выявлении соотношения национальных и инонациональных черт в потреблении таких элементов духовной культуры, как музыка и художественная литература, разными демографическими слоями населения. Следует заметить, что музыкальные и литературные передачи в об-

шей программе телевидения и радио занимают большое место: по радио почти 2/3 (65%), по телевидению—1/3 (33%). Несмотря на то, что музыка и художественная литература относятся к эмоциональной сфере духовной культуры, в частности искусства, однако имеются существенные отличия в восприятии и потреблении их широкими массами.

Музыка почти столь же сильна, как язык и отражает «... этническую специфику, так как она генетически связана с песенным народным творчеством»³². С другой стороны—музыка, условно говоря более интернациональна, чем художественная литература. Она не требует особого знания языка, как художественная литература, которая более традиционна и обладает огромной силой эмоционального воздействия на психику людей. По отношению к музыке у разных народов обнаруживаются сходные явления, связанные как с культурными заимствованиями, так и возникшие независимо, вследствие общности общественно-экономического уклада, быта, однородных природных условий и т. п., а также в результате длительного совместного проживания в примерно одинаковой социальной, бытовой и экономической среде, которое ведет к появлению общих черт в потреблении культуры у соседствующих народов³³. Этим можно объяснить тот факт, что часть наших респондентов, особенно это касается старшего и среднего поколения работников физического труда индустриального профиля, квалифицированных работников индустриального профиля и служащих, наряду со своей национальной музыкой любят и азербайджанскую народную музыку.

Респондентам было предложено два варианта выбора музыки: в первом варианте респондент может назвать одну или несколько музыкальных произведений (армянскую музыку, грузинскую, русскую и т. д.), которые в целом нравятся ему, «по душе», т. е. диапазон его интересов не ограничивается. Во втором варианте респондент должен выбрать лишь одно произведение: это обязывает его отдавать предпочтение той музыке, которую он больше всех любит. Большинство армян наряду с армянской любят послушать и азербайджанскую, грузинскую, русскую музыку. Процент респондентов, увлеченных народной, восточной музыкой, в пожилом и среднем возрасте несколько выше, чем у молодежи. По отношению к интернациональной культуре молодежь почти одинаково относится к грузинской, азербайджанской и русской музыке (21%, 22%, 20,6%), в то же время наблюдается увлеченность современной, в основном эстрадной, музыкой (48,6%).

Таким образом, отношение севанцев при выборе той или иной музыки заметно меняется в разных возрастных группах. Когда мы говорим первое, второе поколения, мы сравниваем по существу поколения, активно формировавшиеся в разные исто-

рические периоды: до войны (50 лет и старше), в войну и послевоенные годы (30—40 лет) и молодежь (18—29 лет) современного периода. Люди разных поколений как живые исторические памятники в своих привычках, интересах, чертах отражают доминирующие тенденции своего времени³⁴.

В этом отношении разница между людьми разного возраста и тем более разных поколений при выборе той или иной музыки очевидна: ориентация людей старшего и среднего поколений на свою национальную, армянскую музыку и, частично, музыку других соседних республик (азербайджанскую, грузинскую и т. д.) объясняется не только теми историческими обстоятельствами, которые имели место в довоенные, военные и послевоенные годы (отсутствие контактов и приобщения к духовной культуре других народов мира, замкнутость в потреблении культуры), но и относительно слабой развитостью средств массовой информации.

Формирование современной молодежи совпало с развитием средств информации в 60-е годы, которое способствовало интенсификации межнациональных контактов и расширению кругозора масс.

Большой популярностью пользуются у молодежи, да не только у молодежи, развлекательные передачи. Эти музыкальные и литературные передачи способствуют «... восстановлению сил, повышению психологического тонуса и работоспособности», чем и обусловлена тяга к таким развлекательным передачам³⁵.

Такие музыкальные передачи, как «Час эстрады», «Ритмы и мелодии», «Певцы и песни», выступления зарубежных артистов, а также всесоюзные и международные музыкальные фестивали, встречи часто транслируются по радио и телевидению. Все это способствует большей осведомленности и приобщению современной молодежи к элементам духовной культуры разных народов по сравнению с их родителями. Фактически получается, что благодаря развитию средств массовой информации и их возрастающей роли в жизни армян, «замкнутость» в духовной культуре постепенно исчезает и появляется интерес к потреблению культуры интонационального происхождения.

Важнейшим признаком культурного развития традиционно считается уровень образования и, соответственно, социально-образовательный статус населения. Как уже отмечалось, большой разрыв в образовании наблюдается между старшим поколением и молодежью внутри одной и той же социально-профессиональной группы. Такой разрыв особенно показателен среди работников социально-профессиональных групп физического труда неиндустриального профиля (с квалификацией и без нее) и физическо-го труда индустриального профиля (соответственно группы Г и В). Естественно, что в зависимости от уровня образования существу-

ет разница в потреблении культуры (уровень культурного развития) между людьми пожилого возраста и молодежью внутри одной и той же социально-профессиональной группы.

Среди всех социально-профессиональных групп наибольшей популярностью пользуется армянская народная музыка. Это лишь один раз свидетельствует о сохранности и живучести форм национальной культуры, развитию которых во многом способствуют средства массовой информации, особенно телевидение и радио. Преобладающее место в программах средств массовой информации отведено именно элементам национальной культуры. Однако наряду с этим в разных социально-профессиональных группах и внутри каждой группы, но в разных поколениях, неодинаково относятся к армянской музыке.

Больше всех ее любят работники социально-профессиональных групп Г и В (96%—99,5%) а также служащие (группа Б—94%—97%) старшего и среднего поколений, т. е. тем, кому за 30.

Как показывают данные почти во всех социально-профессиональных группах особой популярностью пользуется как народная (ансамбль песни и пляски, песни гусанов, в частности Саят-Новы), так и классическая армянская музыка (произведения Комитаса, Екмаляна, Чухаджяна, Спендиаряна и др.). Среди современных армянских композиторов наиболее часто упоминаются имена А. Хачатуряна, А. Бабаджаняна, Р. Амирханяна и др.

По отношению к восприятию форм национальной культуры, в частности музыки, наблюдается следующее явление: в социально-профессиональных группах Г и В, кроме армянской музыки, любят также и азербайджанскую народную музыку (58%; 50,3%), в то время как в грузинской и русской музыке относятся почти одинаково. С повышением образовательного уровня, особенно в группе А, среди интеллигенции (молодежь) интерес к азербайджанской народной музыке теряется и растет доля предпочитающих русскую и европейскую музыку. В последнем случае наблюдается лучшее знание респондентами классической музыки (Бах, Бетховен, Чайковский, Глинка и др.). Среди современных национальных композиторов явное предпочтение отдается эстрадным.

Сравнивая представителей интеллигенции с представителями других социально-профессиональных групп, можно сказать, что первые, сохраняя элементы своей национальной культуры, также положительно относятся и к потреблению форм национальной культуры.

Интеллигенция, имеющая высшее и среднее специальное образование, легче приобщается к достижениям не только своей национальной, но и национальной культуры, легче приобретает навыки культурной деятельности, чем работники неквали-

фицированного физического труда, которые более консервативны в своих интересах и имеют более низкий образовательный уровень среди остальных групп³⁶. Для представителей интеллигенции культура является не просто компонентом образа жизни, а самой жизнью, основной сферой жизнедеятельности.

Эти закономерности прослеживаются не только у армян, но и у представителей других национальностей. Следовательно, в основе их лежит не этническая специфика, а характер профессиональных занятий, обусловленный, в конечном итоге, образовательным уровнем³⁷.

Принято считать, что именно в народном творчестве больше всего проявляется национальная (этническая) специфика, в то время как усиление ориентации на классическую культуру сближает интересы людей разных национальностей. Из поколения в поколение меняются музыкальные вкусы, расширяется диапазон музыкальных интересов, и ориентация на народную музыку уступает место профессиональному искусству³⁸.

Анализ рассматриваемого материала выявляет ряд интересных взаимозависимостей в отношении людей различных социально-профессиональных и возрастных групп к народной, классической и эстрадной музыке. Народная и эстрадная музыка, в отличие от классической, являются наиболее легкодоступными для широких масс. Иногда непонимание языка, слов песни (особенно это можно наблюдать в эстраде) не препятствует эмоциональному воздействию на психику людей, в то время как для понимания классической музыки требуется определенная подготовка.

Вот почему при выборе эстрадной музыки определенную роль играет возрастной признак, а интерес к классической музыке во многом обусловлен социально-профессиональным уровнем респондентов.

Как показывает табл. 10, в социально-профессиональных группах Г и В процент любителей народной музыки достаточно высок среди старшего и среднего поколений, в то время как молодежь тех же групп почти одинаково относится к народной и эстрадной музыке (в группе Г соответственно 40% и 46%, а в группе В—45,4% и 41,7%). В группе Б и, в особенности, А (где образовательный уровень выше по сравнению с предыдущими социально-профессиональными группами), с одной стороны, наблюдается процесс падения интересов к народной музыке, а с другой—растет доля увлекающихся классической музыкой.

Таким образом, если среди людей физического труда (группы Г и В) наблюдается преобладание интересов к народной музыке, а среди молодежи, наряду с ней, и к эстрадной, то в группах Б и А (среди служащих и представителей интеллигенции)—

Таблица 10

Выбор музыкального жанра социально-профессиональными группами, в %

Социально-профессиональные и возрастные группы	Предпочтение му- зыкального жанра:		
	народная	классическая	эстрадная
Работники физического труда без и с квалификацией индустриального профиля			
18 — 29 лет	40,0	14,0	46,0
30 — 49 лет	72,9	9,0	18,1
50 и старше	87,5	6,5	6,0
Квалифицированные работники физического труда индустриального профиля			
18 — 29 лет	45,4	12,9	41,7
30 — 49 лет	72,8	9,5	17,7
50 и старше	89,4	4,2	6,4
Служащие			
18 — 29 лет	19,7	25,9	54,4
30 — 49 лет	56,7	15,5	27,8
50 и старше	68,4	21,0	10,5
Специалисты высшей и средней специальной квали- фикации			
18 — 29 лет	11,7	42,0	46,3
30 — 49 лет	36,8	39,5	23,7
50 и старше	54,2	36,9	8,9

заметен перевес в сторону классической и эстрадной музыки, особенно среди молодежи. Также следует отметить, что молодежь всех социально-профессиональных групп одинаково относится к эстрадной музыке, в этой связи особой разницы между данными разных социально-профессиональных групп не наблюдается. Молодежь, занятая физическим трудом, при выборе эстрадной музыки больше тяготеет к молодежи из числа служащих и представителей интеллигенции, чем к своим предшественникам соответствующих групп. Как отмечалось выше, это объясняется легкодоступным и легкопонимаемым характером этого жанра. Именно в отношении к эстраде как бы соединяются интересы и вкусы молодежи разных социально-профессиональных групп. Кроме того, популярность эстрады, особенно среди молодежи, можно объяснить еще и данью моде, в то время как народную, классическую музыку можно рассматривать как более традиционную.

Большой популярностью, в частности у молодежи, пользуются музыкальные передачи «По вашим письмам», «Музыкальная

почта». Письма, которые адресованы в редакции этих передач, многочисленны: их авторы—в основном молодежь в возрасте до 25—30 лет, чем и объясняется ориентация на современную эстрадную музыку. Авторы почти всех писем (около 80%) хотят послушать ту или иную эстрадную песню, модную и популярную в настоящее время.

Происходит своеобразный процесс взаимовлияния спроса и удовлетворения, с одной стороны, и распространения и упрочения модного на сегодняшний день эталона—с другой. Большую роль в этом процессе играют средства массовой информации, так как наиболее популярные эстрадные музыкальные произведения сразу же подхватываются каналами массовой информации и начинают звучать довольно часто. Таким образом, «частота слушания поддерживает увлечение, формируя определенный эстетический стереотип. Однако многократные и частые повторения в большинстве случаев ведут к «старению», к обыденности музыкального произведения, теряется ощущение чувства новизны, что резко снижает эмоциональное воздействие на широкие массы. К тому же появление нового, интересного и популярного ведет к смене одного модного образца другим, быстрому кругу оборота «лидеров», характерному для этой сферы искусства»³⁹.

Чувствительность к моде постепенно проходит с возрастом и после 30—40 лет появляется «традиционность и устойчивость» в выборе музыки в пользу народной и классической. Это можно объяснить изменением внутреннего мира, происходящим параллельно возрастным изменениям, и связанным с этим процессом переоценки культурных ценностей⁴⁰.

Таким образом, выявляемая картина отношения ереванцев к разным формам музыки достаточно характерна: сохраняя богатое культурное наследие своих предков, армяне доброжелательно и с интересом относятся к проявлениям инонациональных форм в музыке.

Если для восприятия музыки, как уже отмечалось, не требуется особого знания других языков, то картина намного усложняется при изучении другого элемента духовной культуры, а именно—художественной литературы.

Здесь на первый план выдвигается знание языка: если человек наряду со своим родным языком знает и какой-нибудь другой (второй) язык, то это дает ему возможность приобщаться не только к творениям своим, национальным, но и ознакомиться с литературными произведениями других народов, доступ к которым открывает владение вторым языком.

В Ереване художественную литературу и газеты (мы решили сюда включить и газеты, поскольку данные по художественной

литературе близки последним) читают как на армянском, так и на русском языках.

Из приведенных данных следует (табл. 11), что основная масса населения Еревана читает как художественную литературу, так и газеты на своем родном армянском языке. Процент читающих на русском языке в социально-профессиональных группах Г и В довольно низок по сравнению с группами Б и А. Молодежь групп Г и В больше читает на русском языке, чем старшее поколение тех же групп.

Таблица 11

Языковая ориентация в сфере потребления произведений художественной литературы и чтения газет (в %)

Социально-профессиональные и возрастные группы	Чтение худож. лит. на языке:			Чтение газет на языке:		
	арм.	рус.	др.	арм.	рус.	др.
Работники физич. труда без и с квалиф. неиндустриального профиля						
18 — 29 лет	82,6	21,5	1,6	79,3	28,9	1,6
30 — 49 лет	81,4	6,4	0	80,8	9,0	0,5
50 и старше	45,5	3,0	1	48,0	8,5	1,5
Квалифци. работники физического труда индустр. профиля						
18 — 29 лет	80,5	21,3	0,9	86,1	29,6	1,8
30 — 49 лет	78,2	17,0	0,7	85,0	20,4	0,7
50 и старше	68,1	12,8	0,5	70,2	14,9	0,6
Служащие						
18 — 29 лет	66,7	37,0	4,9	64,2	41,9	3,7
30 — 49 лет	86,1	21,5	1,3	89,9	31,6	2,5
50 и старше	84,2	21,0	2,6	89,5	31,6	0,9
Специалисты высшей и средней квали- фикации						
18 — 29 лет	68,7	48,0	0,7	71,5	56,2	1,1
30 — 49 лет	72,1	43,1	1,8	74,2	53,9	1,6
50 и старше	58,1	45,8	2,0	64,5	54,2	2,0
Всего:						
18 — 29 лет	73,4	36,2	1,5	74,8	43,8	1,7
30 — 49 лет	76,8	27,4	1,1	79,3	34,9	1,2
50 и старше	57,1	23,6	1,5	61,5	30,5	1,2

В группе интеллигенции разницы между возрастными группами в чтении художественной литературы или газет на русском языке практически не существует. Заметен также и следующий

факт. В силу того, что чтение художественной литературы не на родном, а на русском языке требует большего знания этого языка, чем при чтении газет, в целом процент читающих на русском языке газеты намного выше.

Многие литературные произведения армянских и других национальных авторов переводятся на русский язык, благодаря чему становятся общезвестными и доступными. Имена современных армянских писателей Г. Матевосяна, Г. Эмина, С. Капутикян и многих других известны не только среди армян, но и далеко за пределами республики. С другой стороны, шедевры русской и мировой классики переводятся на армянский язык и тем самым становятся легкодоступными армянскому читателю.

Среди ереванцев пользуются популярностью литературные произведения как русских, так и зарубежных авторов (Толстой, Достоевский, Шекспир, Бальзак и др.), однако национальные—армянские—авторы, как современные, так и классики занимают преобладающее место⁴¹.

То же самое можно сказать и о выборе газет: какие именно газеты читают? Здесь первое место занимают республиканские и лишь потом—центральные газеты (табл. 12). Среди республиканских газет популярностью пользуются «Советакан Айастан», «Коммунист», «Ерекоян Ереван», «Авангард», «Гракан терт», «Айастан физкультурник».

Тот факт, что в целом число подписчиков на местные газеты почти вдвое больше, чем на центральные, свидетельствует не только о степени владения русским языком, но и о содержании информации, интересующей читателя.

Интерес к событиям всесоюзного и мирового значения растет с повышением образовательного статуса: так, представители интеллигенции интересуются как местной, так и всесоюзной информацией. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в отличие от представителей других групп, которые подписываются в основном на местные газеты, специалисты с высшей и средней специальной квалификацией и руководители среднего и высшего звена (всех поколений) получают наряду с республиканскими и центральные газеты (табл. 12).

В отношении к художественной литературе наши респонденты особых разграничений между классическими и современными произведениями не ставят—для них одинаково дороги как классики, так и известные современные авторы.

Отношение ереванцев к художественной литературе неодинаково: основная масса населения предпочитает прозу и лишь немногочисленная его часть, в основном представители интеллигенции, молодежь любят читать стихи (6,4%), в частности произ-

ведения армянских поэтов. Причем почитателей поэзии больше среди женщин.

Таблица 12

Выбор газет социально-профессиональными группами, в %

Социально-профессиональные и возрастные группы	Регулярность чтения газет:	
	центрально- ные	республиканские
Работники физического труда без и с квалификацией неиндустриального профиля		
18 — 29 лет	20,7	80,2
30 — 49 лет	5,8	73,9
50 и старше	7,5	43,5
Квалифицированные работники физического труда индустриального профиля		
18 — 29 лет	25,9	81,5
30 — 49 лет	16,3	81,6
50 и старше	10,6	63,8
Служащие		
18 — 29 лет	35,9	67,9
30 — 49 лет	22,8	81,0
50 и старше	18,4	78,9
Специалисты высшей и средней специальной квалификации		
18 — 29 лет	53,7	72,2
30 — 49 лет	53,4	81,8
50 и старше	47,8	80,3
Всего		
18 — 29 лет	39,5	75,1
30 — 49 лет	32,2	79,8
50 и старше	35,9	64,6

Как показывает табл. 13, больше всех читают художественную литературу представители интеллигенции. Все возрасты внутри этой группы почти одинаково пользуются литературными произведениями, разница между ними невелика. Для них каждодневное чтение является насущной потребностью.

В остальных социально-профессиональных группах между старшей и младшей возрастными группами прослеживается большая разница в потреблении художественной литературы. Это обусловлено тем, что сегодняшняя молодежь социально-профессиональных групп Г и В имеет более высокое образование, чем старшее поколение соответствующих групп.

С целью выяснения отношения респондентов к тематике ли-

Таблица 13

Интенсивность чтения художественной литературы, в %

Социально-профессиональные и возрастные группы	Художественную литерат. читают:		
	постоянно	от случая к случаю	не читают
Работники физического труда без и с квалификацией неиндустриального профиля			
18 — 29 лет	55,8	33,5	10,7
30 — 49 лет	25,5	49,5	25,0
50 и старше	16,2	20,3	63,4
Квалифицированные работники физического труда ин- дустриального профиля			
18 — 29 лет	50,0	39,8	10,2
30 — 49 лет	23,8	57,8	18,4
50 и старше	14,9	36,2	48,9
Служащие			
18 — 29 лет	45,7	45,7	8,6
30 — 49 лет	44,0	46,0	10,0
50 и старше	42,1	39,5	18,4
Специалисты высшей и средней специальной квалифи- кации			
18 — 29 лет	59,8	37,7	2,5
30 — 49 лет	50,3	41,3	8,4
50 и старше	52,8	33,8	13,4
Всего			
18 — 29 лет	55,0	38,6	6,3
30 — 49 лет	38,7	46,6	14,3
50 и старше	33,0	28,8	38,1

литературного произведения им было предложено несколько вариантов выбора: о войне, об историческом прошлом своего народа, о любви, по специальности и т. п. Как следует из ответов, круг интересов читателей охватывает самую разнообразную тематику, выбор которой во многом зависит конкретно от социально-демографических признаков, в частности пола, возраста, социально-профессионального статуса.

Художественная литература о любви, как и следовало ожидать, больше привлекает представительниц «слабого» пола (69,8% в молодом возрасте—от 18 до 29 лет и 47,5% в среднем возрасте), чем мужчин (50,7% в молодом возрасте и 34,4% в среднем—от 30 до 49 лет), а также молодежь обоих полов (60,7%).

Пол также имеет большое значение при выборе литературы о войне или приключенческого характера. Все это гораздо боль-

ше привлекает представителей «сильного» пола, чем женщин. Приключенческую литературу с удовольствием читают молодежь (55,3%) и среднее поколение (44%) мужчины. Литература о войне и военных событиях больше привлекает мужчин среднего и старшего поколений (42,1% и 46,9%).

Следует заметить, что как мужчины, так и женщины молодого возраста одинаково относятся к литературе по специальности (32,1%), в равной мере стремясь к совершенствованию своих знаний в избранной ими профессиональной области, в то время как существует большая разница между данными мужчин и женщин среднего (мужчины—30,9%, женщины—18,4%) и старшего (мужчины—15,3%, женщины—7,1%) поколений в этом вопросе.

Можно сказать, что выбор литературных произведений, посвященных историческому прошлому своего народа, занимает видное место среди остальных тем. Эти книги пользуются большой популярностью среди всех социально-профессиональных групп, среди людей самых разных профессий: среди работников физического труда неиндустриального профиля—43,2%, квалифицированных работников физического труда индустриального профиля—51%, служащих—51,1%, представителей интеллигенции—54,9% (табл. 14). В данном случае на первый план выдвигается язык и содержание художественных произведений, отражающих этническую специфику данного этноса. Нередко, особенно когда речь идет об отдаленном прошлом, художественные произведения оказываются незаменимыми источниками для воссоздания своеобразия традиционно-бытовой культуры народа⁴². Обычно в этих книгах затрагиваются вопросы, связанные с историческим прошлым народа, с его культурным наследием и национальной самобытностью, т. е. затрагиваются самые заветные чувства читателей, связанные с национальным самосознанием, чувством национальной гордости⁴³. Активная роль в формировании национального самосознания принадлежит интеллигенции, которая быстрее и глубже остальных социально-профессиональных групп реагирует на эти явления, являясь «основным носителем национального самосознания»⁴⁴.

Вырисовывается интересная картина: стремление интеллигенции сохранить элементы этнической специфики в духовной культуре и доброжелательное отношение к интонациональной культуре. Интеллигенция, по сравнению с другими социально-профессиональными группами, уделяет больше внимания также литературе по специальности (40,2%), психологического (38,3%) характера и др., т. е. круг ее интересов намного шире, чем в остальных группах.

То же самое наблюдается и в отношении выбора музыки: основная часть интеллигенции кроме армянской музыки больше

осведомлена о русской, европейской и другой музыке, чем остальные группы.

Таблица 14

Тематический выбор произведений литературы (в %)

Социально-профессиональные группы	Больше всего читают:					
	о войне и военных событиях	приключ., детектив	о прошлом своего народа	о любви и дружбе	литература психологического характера	по специальности и др.
Работники физического труда без и с квалификацией неиндустриального профиля	28,9	17,9	43,2	34,0	7,9	5,3
Квалифицированные работники физического труда индустриального профиля	31,8	25,2	51,0	36,1	11,6	12,6
Служащие	28,3	30,8	51,1	53,0	22,7	13,1
Специалисты высшей и средней специальной квалификации	29,2	38,2	54,9	47,1	38,3	40,2
Всего	29,4	29,7	50,7	42,4	24,0	23,3

Это еще раз свидетельствует о широком диапазоне потребления разных форм духовной культуры представителями вышеуказанной группы. Сравнительно высокий образовательный уровень, высокая общая культура в значительной степени определяют роль интеллигенции среди остальных социально-профессиональных групп. Среди социально-профессиональных групп интеллигенция является наиболее сложной группой. По этой причине к изучению тенденций развития потребления духовной культуры интеллигенцией следует подходить очень осторожно: с одной стороны, интеллигенция выступает носителем национальных духовных ценностей, она наиболее чувствительна к проявлениям тех форм духовной культуры в музыке, литературе и т. д., которые относятся к историческому пути своего народа, с другой—в силу широкого диапазона, высокой общей культуры она больше осведомлена об истории и культуре других народов, более близки ей духовные ценности инонациональной культуры. «Ратуя за развитие родного языка и литературы на родном языке, интеллигенция служит общенациональным целям»⁴⁵.

* * *

*

При изучении потребления ценностей духовной культуры ереванцами на материалах этносоциологического анализа выявляет-

ся выраженная ориентация на национальную духовную культуру, однако при этом наблюдается, особенно среди интеллигенции и молодежи, тенденция возрастания интереса также и к инонациональной культуре. Устойчивость отношения к национальной духовной культуре обусловлена историческими факторами. Армянский народ испокон веков находился на грани физического уничтожения. Лишившись государственности, он вынужден был изо всех сил сохранять и развивать свой язык, национальную культуру и самобытность, чтобы не исчезнуть с исторической арены.

Армянский народ после Октябрьской революции, наконец, воссоздал свою государственность, в результате чего за прошедшие десятилетия Армения стала одной из цветущих республик нашей многонациональной страны. Не только в экономике и промышленности, но и в культуре, в создании духовных ценностей очевиден непрерывный рост и развитие. Духовная культура армян в силу отсутствия давления на нее извне приобретает новые черты. Лучшие традиции национального культурного фонда становятся достоянием всех народов нашей страны (произведения А. Хачатуряна, М. Сарьяна и многих других), с другой стороны — растет интерес к формам инонациональной культуры среди армян. В частности, это можно наблюдать на примере молодежи: имея под собой национальную почву, находясь в национальной среде, сохраняя лучшие традиции национальной культуры, современная молодежь имеет возможность больше приобщаться к элементам инонациональной культуры.

Именно в результате синтеза национальных и инонациональных форм складываются элементы интернациональной духовной культуры, общие черты, общие элементы в потреблении духовной культуры между разными этническими общностями.

Этому процессу во многом способствует развитие межнациональных контактов. Большая роль в этом процессе принадлежит средствам массовой информации, которые предоставляют такую возможность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Э. Г. Багиров. Место телевидения в системе средств массовой информации и пропаганды. Изд-во МГУ, 1976, с. 12.
- 2 Газ. «Коммунист», (Ереван) 16 июня 1983 г.
- 3 Э. Г. Багиров, И. Г. Кацев. Телевидение. XX в., М., 1968, с. 27.
- 4 В. С. Коробейников. Духовное общение, обмен информацией. Идеологическая борьба. М., 1976; *его же*, Идолы века. М., 1972.
- 5 Пресса, как писал К. Маркс, должна быть громким выражением повседневных мыслей и чувств народа. «То, что она в надежде и тревоге под-

- слушивает у жизни, она возвещает потом во всеуслышание...». *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 1, с. 166.
- 6 2. Հելիգան, Հայաստանի պարբերական մամուլը սոցիալիզմի կոմունիզմի փոխա-
րում. Ե., 1970, էջ 21.
 - 7 Ленин о радио. М., 1973, с. 80.
 - 8 Радиопринемников в республике было в 1927 г. всего 67 штук, в 1939 г.—6500, в 1950 г.—20 тыс., в 1979 г.—800 тыс. (ЦГАСС, ф. 191, оп. 2, л. 355, 363, 415, 874).
 - 9 В. С. Коробейников. Духовное общение обмен информацией. Идеологическая борьба, с. 92; Б. М. Фирсов. Пути развития средств массовой коммуникации. Л., 1977.
 - 10 Հայ մոլորդի պատմություն. Ե., 1967, հտ. 7, էջ 169.
 - 11 За 10 лет появления национального кино в Армении было создано около 30 художественных и 50 документальных и научно-популярных фильмов (ЦГАСС, ф. 191, оп. 6, д. 316).
 - 12 Там же.
 - 13 Э. Г. Багиров, И. Г. Кацев. Телевидение. XX в., с. 70.
 - 14 К. Худавердян. Культурная революция в Советской Армении. Ереван, 1966, с. 230.
 - 15 Э. Г. Багиров. Место телевидения в системе средств массовой информации, с. 18.
 - 16 Там же, с. 106.
 - 17 Экономика и культура г. Еревана. Ереван, 1977; Экономика и культура г. Еревана. Ереван, 1979; Ереван в цифрах. Ереван, 1980.
 - 18 Э. Г. Багиров. Место телевидения в системе средств массовой информации, с. 37, 112.
 - 19 Подробно см.: Э. Г. Багиров Место телевидения в системе средств массовой информации; Э. Г. Багиров, И. Г. Кацев. Телевидение. XX в.
 - 20 Андреше Секфио. О новом месте кино в структуре коммуникации. —В сб.: Массовая коммуникация в социалистическом обществе, Л., 1979, с. 91.
 - 21 Э. Г. Багиров. Место телевидения в системе средств массовой информации, с. 40.
 - 22 Т. М. Ярошенко. Возраст в социологическом исследовании —Социологические исследования, 1977, № 1, с. 133.
 - 23 Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР), М., 1980, с. 130.
 - 24 И. С. Левшина. Функционирование кинематографического искусства в массовой молодежной аудитории. —В сб.: Социальные функции искусства и его видов. М., 1980, с. 168, 178.
 - 25 Абраам Моль. Социодинамика культуры. М., 1973, с. 303.
 - 26 БСЭ, т. 13, с. 595; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 164.
 - 27 А. А. Карягин. Социальные функции искусства и проблемы их изучения. В сб.: Социальные функции искусства и его видов. М., 1980, с. 23.
 - 28 Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Указ. раб., с. 165.

- 29 Г. Г. Дадмян, Д. Б. Дондурей. Социальное функционирование искусства: в ожидании новых концепций. —В сб.: Социальные функции искусства и его видов, М., 1980, с. 27.
- 30 Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 269.
- 31 Опыт этносоциологического исследования образа жизни, с. 154—155.
- 32 Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов. К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР.—СЭ, 1975, № 1.
- 33 Там же.
- 34 Опыт этносоциологического исследования образа жизни, с. 14.
- 35 Г. Г. Дадмян, Д. Б. Дондурей. Указ. раб., с. 29—30.
- 36 Опыт этносоциологического исследования образа жизни, с. 140.
- 37 Там же, с. 150—151.
- 38 Там же, с. 162.
- 39 Э. Е. Алексеев, П. Ф. Андрукович, Г. Л. Головинский. Молодежь и музыка сегодня. —В сб.: Социальные функции искусства и его видов, с. 220—221.
- 40 Там же, с. 245.
- 41 Наиболее популярны и любимы произведения А. Исаакяна, О. Туманяна, Раффи, П. Севака, Г. Эмина и многих других. К сожалению, следует отметить, что богатое наследие западноармянской духовной культуры не пользуется популярностью среди населения Еревана. Это объясняется как плохим знанием западноармянского языка, так и незначительным процентом репатриантов среди ереванцев: родившиеся в других странах носители западноармянского языка и культуры составляют всего 7,5% горожан.
- 42 Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, с. 227.
- 43 О национальной гордости см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 106—110.
- 44 Социальное и национальное. М., 1973, с. 298; Ю. В. Бромлей. Указ. раб., с. 109.
- 45 В. И. Козлов. Динамика численности народов. М., 1969, с. 109.

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЬИ

Проблема семьи издавна составляет одну из основных тем этнографической науки. Изучение семьи в этнографии имеет свою историю, которую можно разделить на два основных периода. В первый период основным объектом исследования была семейная община, или большая семья, как наиболее архаичная форма семьи. Внимание этнографов в первую очередь было направлено на констатацию отдельных образцов большой семьи, реконструкцию более ранних форм и определение ее места в истории первобытнообщинного строя. Отдельные стороны семейной общины, ее структура, трудовые, имущественно-правовые взаимоотношения между ее членами, функции и т. д. рассматривались в каче-

стве доказательства ее древнейшего происхождения и служили аргументом для исторических построений¹.

Традиционные методы сбора полевого материала позволили дать довольно достоверное описание семейных общин, отдельные образцы которых фиксировались в местах их бытования путем непосредственного наблюдения, а более ранние восстанавливались на основании рассказов стариков-информаторов.

Трактовка семейной общины получила широкое развитие в исследованиях советских ученых, вопросы семейной общины до сих пор составляют одну из важных и сложных тем советской этнографической науки².

В 30-х годах перед советской этнографической наукой была поставлена новая задача—изучение современных этнических процессов и, в частности, советской семьи. Исследование современной семьи представлялось сложной задачей из-за отсутствия четкой методологии и методики, обеспечивающей сбор репрезентативного полевого материала, отражающего различные аспекты семьи и семейного быта в условиях социалистического строительства³. Задача усложнялась и тем, что в отличие от большой семьи, которая изучалась как институт прошлого, современная семья рассматривается в контексте изменений социально-экономических и общественных отношений. Первые работы были посвящены изучению крестьянской семьи. Это объяснялось, во-первых, тем, что традиционный метод сбора полевого материала позволял дать обобщенное описание крестьянской семьи, отличающееся относительной стереотипностью, во-вторых,—тем, что сельская семья в значительно большей степени, чем городская является носителем традиционного, что облегчало задачу выявления этнической специфики. В дальнейшем этнографы особое внимание уделили изучению рабочих семей. Первые работы по семье носили в основном описательный характер. Трудность заключалась в том, что старые методы этнографии, обеспечивающие достоверный материал по большой семье, не позволяли отразить сложные процессы, происходящие в современной семье. Появилась необходимость сочетания традиционных методов этнографии с новыми. Этим продиктовано и использование массового этносоциологического материала, который даст возможность «увидеть» семью в органической связи с общими социально-национальными процессами. Использование этого метода позволяет поднять изучение современной семьи на новый уровень системного анализа.

* *

•

Городская семья у армян изучается в этнографии впервые. Осуществление подобного исследования стало возможным благо-

даря привлечению массового материала, полученного в результате проведенного в Ереване в 70-е гг. опроса населения (по составленной Ю. В. Арутюняном анкете, в которую были внесены вопросы, выявляющие специфику ереванского населения).

Материалы опроса используются в сопоставлении со статистическими данными и этнографическим материалом, собранным автором путем собеседования и личных наблюдений, а также с результатами исследований экономистов и социологов, в частности, с данными конкретных социологических исследований, проведенных в Ереване.

Основная тема данного исследования — этнические особенности современной ереванской семьи. Исходя из того, что этническая специфика современной семьи складывается в процессе сложного взаимодействия традиционного компонента с новыми формами семейных отношений, мы ставим перед собой задачу выявить роль и место традиционного в формировании современной ереванской семьи. При этом делается попытка дифференциации семейных традиций по устойчивости и характеру их воздействия на современные нормы семейного поведения.

Следует сказать, что ограничение исследования рамками одного города из-за отсутствия равноценного материала по всему армянскому населению не позволяет с достаточной полнотой осветить интересующую нас проблему: отдельные вопросы нуждаются в дополнении. Более полное освещение этих вопросов возможно по окончании массового исследования населения Армени.

Задача выявления этнических особенностей усложняется также в результате недостаточности соответствующего сравнительного материала по другим национальностям. По этой причине в работе рассматриваются в основном те вопросы, которые могут быть более или менее полно освещены как по материалам нашего обследования, так и сравнительными данными по другим республикам.

1. СОСТАВ СЕМЬИ

Средний размер семьи населения города Еревана по данным Всесоюзной переписи 1970 года составляет 4,5 человек, а 1979 г. — 4,4⁴. Это наивысший показатель по сравнению со средним составом семьи столиц всех союзных республик и городского населения страны в целом⁵ (табл. 1).

Ереван отличается и наиболее высоким показателем по доле многочисленных по составу семей: семьи в пять и больше человек по переписи 1970 г. составляют почти половину всех семей — 47,5% (табл. 2).

Как можно судить по приведенным ниже статистическим данным, Ереван как по среднему составу, так и по доле больших по численному составу семей отличается от всех столичных городов союзных республик, в том числе и столиц республик среднеазиатского региона и Закавказья, население которых в целом (все сельское и городское) имеет повышенный состав семьи.

Таблица 1.

Средний размер семьи столиц союзных республик по переписи 1979 г.

Столица	Средний размер семьи	Столица	Средний размер семьи
Москва	3,1	Ереван	4,4
Киев	3,2	Ташкент	4,2
Вильнюс	3,3	Фрунзе	3,5
Рига	3,1	Душанбе	4,1
Таллин	3,1	Ашхабад	4,2
Тбилиси	3,9	Алма-Ата	3,4
Баку	4,2	Минск	3,3
		Кишинев	3,1

Таблица 2.

Распределение семей населения столиц союзных республик по количеству членов на 1979 г.⁶ (в %)

Города	До 4-х чел.	5 и более	В том числе 7 и более
Москва	90,6	9,4	0,6
Киев	91,2	8,8	1,6
Вильнюс	89,4	10,6	0,8
Рига	91,2	8,2	0,6
Таллин	91,5	8,5	0,5
Тбилиси	71,1	28,9	4,8
Баку	64,3	35,7	8,3
Ереван	58,4	41,6	7,5
Ташкент	67,7	32,3	8,9
Фрунзе	81,0	29,0	3,2
Душанбе	70,0	30,0	8,4
Ашхабад	69,0	31,0	8,7
Алма-Ата	83,5	16,5	2,4
Минск	90,5	10,5	0,7
Кишинев	91,8	8,2	0,4

Следует указать, что семьи коренных национальностей среднеазиатского региона по своему среднему размеру выше, чем армянские семьи. Однако ввиду того, что в отличие от Еревана столицы среднеазиатских республик мозаичны по национальному составу, в котором значительна доля русских с малолетними

семьями, в целом средний размер семьи в этих столбцах ниже, чем в Ереване.

Данные по среднему составу семьи представляют значительную ценность как показатели процессов, происходящих в составе семьи. На значении этого показателя, как «индикатора», изменения которого свидетельствуют о принципиальных качественных сдвигах в составе семьи, указывает Э. К. Васильева в работе «Семья и ее функции»⁷.

Приведенные выше данные по составу семьи явились для нас ориентиром, позволившим сделать предположение о структурных особенностях современной ереванской семьи, формирование которой обусловлено специфическими, отличными от других столиц союзных республик условиями.

Выявление этих особенностей представляется нам возможным проделать на основании материалов выборочного обследования населения Еревана. Детальный анализ этих материалов позволяет дать более полную характеристику состава семьи и раскрыть факторы, способствующие складыванию структурных особенностей ереванской семьи.

Таблица 3

Изменение численного состава семьи за период с 1959 по 1979 гг.⁸

Годы	Средний состав	Количество членов семьи				
		2	3	4	5	6 и более чел.
1959	4,5	15,6	19,0	21,1	18,5	25,8
1970	4,5	12,3	16,2	22,0	22,3	25,2
1979	4,4	13,9	16,4	28,1	20,5	21,1

Анализ материалов обследования показал также, что в доле семьи составом в пять и больше человек простые семьи, состоящие из супружеской пары с детьми, составляют всего 22%.

Таким образом, за двадцать лет со времени переписи 1959 г. в Ереване, как и по республике в целом, наблюдается процесс укрупнения семьи.

Увеличение доли многочисленных по составу семей при сохранении среднего показателя может быть объяснено двумя причинами: во-первых, ростом числа детей в семье, и во-вторых усложнением ее родственной структуры⁹. Но если в 1959 г. высокий показатель среднего состава семьи населения Еревана складывался преимущественно под влиянием относительно большого числа детей в семье¹⁰, то в последующие полтора с лишним десятилетия, как можно судить по статистическим данным, имело место резкое снижение деторождаемости¹¹. Поэтому сохранение

уровня среднего состава семьи следует объяснить усложнением родственной структуры больших по составу семей.

Сопоставление показателей по числу членов в семье с данными, отражающими их родственный состав, показало, что в Ереване в момент опроса из всех семей пять и больше человек 14,8% представлены простыми семьями: супружеская пара с детьми; семьи же со сложной родственной структурой составляют 35,5%.

Как можно судить по табл. 4, в современной семейной структуре ереванского населения преобладающей и наиболее характерной для урбанизированной среды является простая семья. Вместе с тем значительную долю, больше трети семей, составляют семьи со сложным родственным составом¹².

Таблица 4

Состав семьи по степени родства

Муж+жена	Муж+жена+дети	Муж+жена+др. родственники
4,3	57,2	35,5

Исходя из поставленной перед нами задачи—определить место традиционного в формировании этнической специфики и современной ереванской семьи, мы сочли необходимым остановиться на более детальном анализе состава сложных семей.

Классификация сложных семей по степени и характеру родства нам кажется важным не только в интересующем нас аспекте—выявления этнической специфики семейной структуры, но может иметь значение при разработке демографической типологии семей и прогнозирования семейной структуры населения Еревана¹³.

Материалы проведенного в Ереване этносоциологического обследования позволяют выделить две основные группы сложных семей: первая—это семьи с прямым нисходящим родством; вторая—семьи, включающие в свой состав родственников по боковой восходящей и нисходящей линиям. Семья первой группы—это в преобладающем большинстве трехпоколенные, состоящие из супружеской пары с детьми и родителей одного из супругов, и, как редкое исключение, четырехпоколенные. Сложные семьи второй группы можно разделить на два основных типа: двухпоколенные и трехпоколенные, каждый из этих типов представлен в различных вариантах. Среди сложных семей преобладающими являются трехпоколенные по прямой нисходящей, они составляют больше половины всех сложных семей (59,3), остальные 37,4 падают на сложные семьи с боковыми родственниками, 1,1 четы-

рехпоколенные по прямой нисходящей и, наконец, семьи, в составе которых родственники связаны прямым или косвенным родством, семьи, в которых отсутствует основное семейное ядро—супружеская пара с детьми. Это в основном семьи из двух поколений: бабушки и дедушки с внуками и в меньшей степени семьи с боковым родством: тети (дяди) с племянниками.

Сложные семьи с родством по прямой нисходящей линии представлены в нашей выборке в полном и неполном составе. Трехпоколенные семьи с полной супружеской парой как в первом (бабушки, дедушки), так и во втором поколении составляют преобладающую часть всех семей первой группы (59,5%).

Остальная часть распределяется между неполными семьями. Среди них: а) семьи, в которых отсутствует один из супругов первого поколения; б) семьи, в которых отсутствуют один из супругов как в первом, так и во втором поколении; в) семьи, в которых первое поколение представлено полной супружеской парой, а второе—одним из супругов. Среди неполных семей самую значительную долю составляют семьи, в которых полная супружеская пара с детьми живет с одним из родителей. Значительно меньше семей, в которых первое и второе поколения представлены одним из супругов. И, наконец, случайный характер носят семьи, в которых первое поколение состоит из полной супружеской пары, а второе—один из супругов.

Несмотря на то, что четырехпоколенных неполных семей в доле сложных семей очень незначительно, однако мы считаем нужным остановиться на них, поскольку сама возможность бытования подобных семей в условиях столичного города, отличающегося высокими темпами урбанизации, свидетельствует об устойчивости традиционного состава семьи.

Вторая группа рассматриваемых нами сложных семей—это семьи с боковым родством. Как уже говорилось выше, они делятся на два основных типа—трехпоколенные и двухпоколенные. Среди семей этой группы самый большой удельный вес имеют трехпоколенные семьи (87,3%). Трехпоколенные семьи с боковой линией представлены в двух вариантах—семьи с боковыми родственниками во втором поколении (супружеская пара с детьми, семьи с братьями, сестрами одного из супругов и с одним из родителей), и семьи с боковыми родственниками во втором и третьем поколениях, две-три супружеские пары с детьми и с одним родителем (табл. 5).

Среди двухпоколенных семей также выделяются два варианта: а) семьи, в составе которых одна супружеская пара с детьми и незамужними родственниками поколения супругов (обычно братьями и сестрами одного из супругов); б) семьи с супружеской парой с детьми и с женатыми братьями мужа.

Детальный анализ состава сложных семей дал возможность выявить различные варианты их родственного состава. Сгруппировав эти варианты по признаку сложности родственной структуры, мы смогли, таким образом, выделить среди сложных семей три основных типа—трехпоколенная семья с прямым нисходящим родством, трехпоколенная семья с нисходящим и боковым нисходящим и восходящим родством и двухпоколенная с боковым родством.

Таблица 5

Основные типы сложных семей

Тип семьи	%
Трехпоколенная по прямой нисходящей	65.2
Трехпоколенная по прямой нисходящей по боковой линии	30.0
Двухпоколенная по прямой нисходящей и боковой линии	4.0
Четырехпоколенная	0.8

Следует сказать, что выделение перечисленных типов семей определялось не только показателем сложности родства состава этих семей, но и степенью их преобладания в доле сложных семей.

Степень родства членов семьи—один из важных признаков, позволяющих выяснить влияние традиционных моделей на формирование сложных семей в условиях современного Еревана.

Другим, не менее значительным показателем является характер родства членов семьи, т. е. родство по мужской и женской линиям. По этому признаку все сложные семьи делятся на агнатические, в которой все члены семьи (кроме жен) связаны родством по отцовской линии, когнатические, состоящие из родственников по женской линии, а также смешанные в состав которых, кроме супружеской пары с детьми, входят родственники как мужа, так и жены¹⁴.

Самую значительную часть в доле больших семей составляют агнатические семьи (84,8% всех сложных семей), остальная часть падает на когнатические (10,5%) и смешанные (5%).

К агнатическим семьям относится преобладающая часть (42,4%) полных (супружеская пара с детьми и родителями мужа) и неполных (23,8%, супружеская пара с детьми и с одним из родителей мужа) сложных семей, все четырехпоколенные, как правило, неполные семьи и все варианты трехпоколенных семей с боковыми родственниками. Как редкое исключение, встречаются семьи, в которых старшее поколение представлено не родителями мужа, а тетей по отцовской линии.

Когнатические семьи, как правило, имеют неполный состав и

представлены двумя вариантами: мать с дочерью и ее детьми и теща с зятем и его детьми.

Смешанные семьи в подавляющем большинстве двухпоколенные семьи, в состав которых, кроме супружеской пары с детьми, входят родственники и мужа, и жены—это брат или сестра мужа и жены или же племянник. Эти семьи, по существу, следует отнести к семьям с простым составом по той причине, что боковая линия родства представлена временно проживающими родственниками, главным образом студентами вузов и учащимися техникумов¹⁵.

В материалах нашего обследования отсутствуют трехпоколенные когнатические семьи, в которых присутствуют родственники мужа, а также трехпоколенные агнатические семьи, включающие в свой состав родственников жены.

Сопоставительный анализ состава сложных семей, проделанный нами с целью выявления традиционных стереотипов на характер родственной структуры современной ереванской сложной семьи, позволил, таким образом, выделить по степени и характеру родства три основные группы семей.

Первую, самую значительную группу составляют семьи образца традиционных моделей большой патриархальной семьи, имевшие широкое распространение в Армении еще в начале века. В эту группу включены все разновидности сложных семей с агнатическим родством.

Ко второй, значительно меньшей группе относятся когнатические семьи с прямым нисходящим родством. Подобные семьи хотя и встречались в прошлом у армян, но являлись отклонением от патриархального типа семьи. Образование таких семей в прошлом носило случайный характер и допускалось только при отсутствии сыновей в семье. Как правило, это были состоящие из матери, отца и дочери простые семьи, которым из-за отсутствия в семье сына-наследника угрожала потеря семейного имущества¹⁶. Но и в этом случае для сохранения агнатического принципа родства найдено было компромиссное решение. По обычному праву зять (в основном одинакие поздние переселенцы, не имеющие своего хозяйства) принимался в отцовский дом жены на правах агната, и в последующем поколении счет родства велся по линии зятя-примака. Однако это не спасало зятя-примака от насмешливой клички «мологонды» (дословно—пришедший на жену) и пренебрежительного к нему отношения со стороны односельчан¹⁷.

И, наконец, третью, самую малочисленную группу, образуют семьи, родственная структура которых не имеет параллелей в прошлом у армян. К этой группе мы относим три варианта семей: а) семьи, состоящие из матери, дочери и ее ребенка; б) се-

мы, в составе которых, кроме супружеской пары с детьми, родственники жены по боковой линии; в) агнатические семьи, включающие в свой состав разведенную сестру мужа с детьми¹⁸. Образование подобных семей в прошлом исключалось, поскольку нарушался принцип агнатического родства, соблюдение которого было необходимо в экономических интересах семьи. Семьи с подобной структурой хотя и представляют интерес, как отклонение от традиционного стереотипа, однако составляют очень незначительную часть в доле сложных семей, являются образованиями вторичными, временными и не играют сколько-либо существенной роли в формировании родственной структуры сложных семей.

Преобладание полных агнатических семей в доле сложных семей (табл. 6) составляет одну из характерных особенностей современной ереванской семьи¹⁹.

Таблица 6

Распределение сложных семей по характеру родства

Состав семьи	Трехпоколенные семьи				Двухпоколенные семьи	Всего
	из них:					
	по прямой нисходящей линии		по прямой нисходящей и боковой линиям			
	полные	неполные	полные	неполные		
Агнатические	42,4	12,6	23,3	16,7	4,5	84,8
Когнатические	55,0	32,7	—	8,3	—	10,1
Смешанные						5,1
Всего	43,8	15,5	21,2	15,8	3,7	100,0

Агнатический принцип родства, сложившийся в условиях большой семьи для регулирования имущественно правовых отношений членов семьи в целях сохранения семейного имущества, экономической базы ее существования, с превращением семьи из производственно-хозяйственной ячейки в потребительскую, с уравниванием имущественных и наследственных прав дочерей и сыновей мужа и жены теряет свой смысл и сохраняется лишь в силу устойчивости норм традиционного поведения.

При этом эти нормы, трансформируясь в системе новых ценностных представлений, теряют свое первоначальное значение и сохраняются в новом осмыслении.

Таков, например, порядок, по которому один из женатых

сыновей после раздела семьи должен оставаться с родителями в отцовском доме. Этот порядок, возникнув как правовое установление, со временем стал восприниматься как нравственно-этическая норма, соответственно которой не оставлять стариков-родителей в одиночестве—моральный долг сына.

При этом подобная норма поведения не обязательна для дочерей, что также остаток старых представлений о том, что дочь «чужой товар», поскольку, выйдя замуж, унося свою долю имущества, она становилась членом семьи мужа и ее дальнейшее возвращение в отцовскую семью исключалось по законам обычного права.

Вместе с тем все еще широко бытует обычай, по которому не вышедшая замуж дочь или дочь-инвалид должны оставаться в отцовском доме, а при разделе семьи на дочерние, поселиться с одним (обычно со старшим) из братьев, которому, помимо приходящей на него братской доли, из общесемейного имущества выделялась дополнительная дочерняя доля на содержание сестры.

Осудительным до сих пор в различных слоях населения Еревана считается поведение мужчины, после женитьбы поселившегося с родителями жены.

Этот комплекс инерционно сохранившихся традиционных критериев престижного и непрестижного, допустимого и недопустимого поведения все еще является важным фактором, влияющим не только на характеристику современной семьи со сложным составом, но и на всю семейную структуру ереванского населения.

Так, например, устойчивость традиции совместного поселения одного из женатых сыновей с родителями обуславливает не только завышенную долю сложных семей, преобладание агнатических над когнатическими, но и низкую долю одиночек и супружеских пар без детей.

Одиночки по материалам нашего обследования составляют всего 3%, а супружеские пары без детей—4,5%. Доля одиночек и супружеских пар без детей в Ереване по сравнению с другими городами СССР составляет самый низкий процент²⁰.

Одиночки среди населения Еревана представлены тремя возрастными группами. Самую значительную группу составляет молодой возраст от 18 до 30 лет, при этом преобладающая часть от 18 до 25 лет (в основном учащаяся молодежь, приехавшая из сел и городов республики и вне ее пределов). Часть из них по окончании учебы возвращается в родительскую семью, от которой она отделилась временно, другая остается в городе и создает самостоятельные семьи. Среди этой группы очень незначительно число одиночек от 25 до 30 лет—это в основном мужчи-

ны-мигранты, оставшиеся в городе и не успевшие обзавестись семьями.

Следующую по численности группу составляют люди старшего возраста (50 и старше). Это в основном те, у которых нет детей или, если они есть, то живут в других городах, и лишь немногие из них имеют женатых сыновей, живущих в том же городе.

Самая незначительная часть одиночек приходится на средний возраст. Это в большинстве мужчины, не составившие или по тем или иным причинам утратившие свои семьи.

Следует отметить, что если среди ереванцев в старшем возрасте одиноких женщин значительно больше, чем одиноких мужчин, как и в других городах Союза, то в молодом и среднем возрастах преобладают одинокие мужчины, а число женщин в этой группе заметно снижается, что объясняется традиционно сохраняющимся представлением о том, что молодой не вышедшей замуж женщине непристойно жить раздельно от родительской семьи.

Число одиноких стариков, как мужчин, так и женщин, имеющих женатых детей в том же городе, также незначительно в доле одиночек в целом среди населения Еревана, что обусловлено как относительно молодой демографической структурой населения города, так и замедленным по сравнению с другими городами Союза процессом нуклеризации семьи в результате устойчивости традиционной ориентации на совместное поселение родителей с одним из женатых сыновей.

По этим же причинам среди супружеских пар без детей, доля которых, как и доля одиночек, низка по сравнению с другими городами и, в частности, со столицами союзных республик, только одну третью часть составляют старики-родители, имеющие раздельно живущих в том же городе женатых сыновей. Остальные — или молодая супружеская пара, не успевшая обзавестись детьми, или же супруги среднего и старшего возрастов, которые по тем или иным причинам не имеют детей, или если они есть, то живут в других городах²¹.

Относительная устойчивость традиционных моделей семьи, объясняется не только силой инерционно сохраняющихся стереотипов, но объективно существующими в Ереване условиями.

Один из важных факторов, препятствующих разделу ереванской семьи, — недостаток жилплощади. Вопрос влияния жилищных условий на состав семьи отражен в специальной литературе и, в частности, в упомянутой нами в другой связи статье Р. А. Варданяна²².

На основании сопоставления статистических данных по жилищному фонду и росту населения за 1969—1970 гг., автор пока-

зывает, что только одна треть городского населения Армении имеет возможность выделиться в отдельную семью, а сопоставление этих показателей с соответствующими данными по городам других республик приводит автора к заключению, что недостаток жилищного фонда в Ереване—серьезная причина для укрупнения семьи. Это положение автора подтверждается материалом обследования, проведенного в Ереване. Данные по опросу показывают, что 52% женщины основным препятствием для выделения в отдельную семью считают отсутствие жилплощади²³.

Приведенные ниже данные весьма убедительно свидетельствуют о значении жилищных условий как фактора, консервирующего состав семьи. Однако действие этого фактора неодинаково при различных установках на семью.

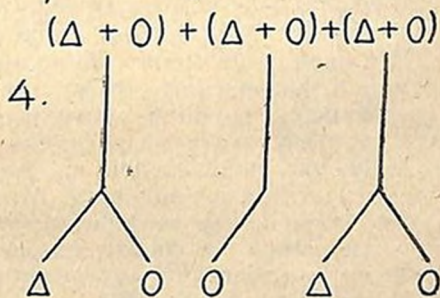
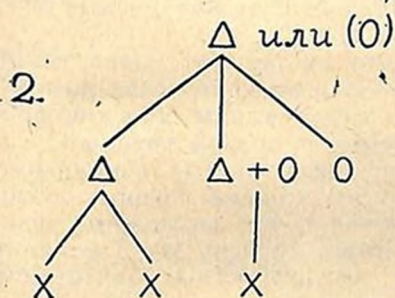
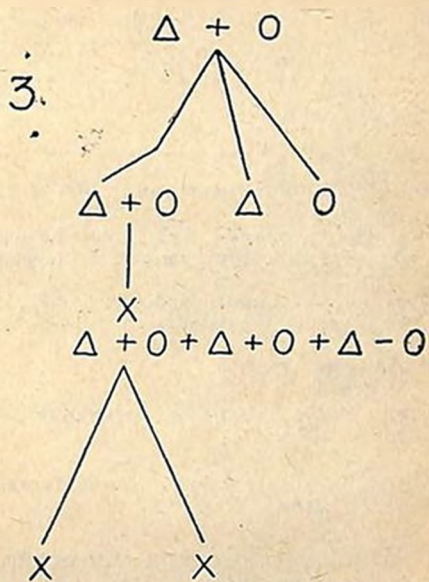
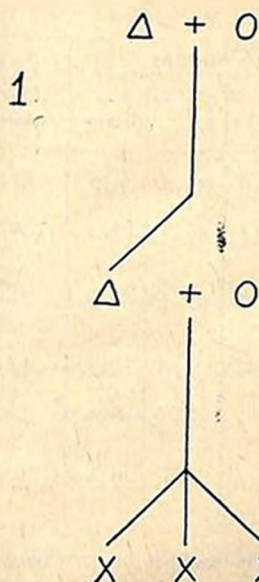
Так, сравнение показателей жилплощади и состава семьи позволяет говорить не только о зависимости между размером жилплощади и составом семьи, но и о роли региональных этнических особенностей.

Так, в Тбилиси, при одинаковых показателях жилплощади с Кишиневом и Минском, доля сложных семей больше в два раза, а в Ереване, при сходных с городами среднеазиатского региона жилищных условиях, прослеживается большой разрыв по доле больших семей—более, чем в два раза. Следует учесть при этом, что большой состав семьи в среднеазиатских городах образуется главным образом за счет многодетности (табл. 7).

Таблица 7

Жилищные условия (метраж площади, приходящейся на одного члена семьи) и удельный вес сложных семей населения столиц союзных республик

Города	пл., кв. м	Сложные семьи, в %
Москва	14.9	11
Таллин	14.7	8
Рига	14.2	10
Киев	13.4	11
Вильнюс	12.5	14
Тбилиси	11.7	28
Минск	11.6	15
Кишинев	11.5	13
Алма-Ата	11.3	21
Баку	10.5	34
Фрунзе	9.9	22
Ашхабад	9.8	33
Ереван	9.7	47
Душанбе	9.6	31
Ташкент	8.7	33

Δ—отец, сыновья, братья; X—дети условно; O—мать, сестра мужа, жена, дочери.

Сравнение соответствующих показателей по группе работников физического и квалифицированного умственного труда показало, что при большем проценте квартир в три и больше комнат у группы работников физического труда доля сложных семей вдвое больше, чем у группы работников умственного труда (табл. 8).

Жилищные условия (число комнат) и доля сложных семей различных социально-профессиональных групп в %

	Число комнат				Доля сложных семей
	1	2	3	4 и более	
Неквалифицированные работники физического труда	14,6	43,9	35,3	6,2	41,2
Квалифицированные работники физического труда неиндустриального профиля	15,4	26,1	45,2	13,3	34,9
Квалифицированные работники физического труда индустриального профиля	21,2	45,5	39,1	4,2	21,7
Служащие	18,4	44,7	31,5	5,2	32,4
Спец. средн. квалиф., руководители средн. звена	11,7	41,1	38,2	8,8	44
Спец. высш. квалиф., руководители высш. звена	12,8	47,5	36,6	2,9	26,2

Вместе с тем при примерно равном соотношении жилплощади количество семей, в которых на одного члена семьи приходится от 6 до 9 кв. м, в группе работников квалифицированного труда в два раза больше семей, имеющих 10 и больше квадратных метров на каждого члена семьи (табл. 9).

Уменьшение размера жилплощади на одного члена семьи работников физического труда, при большем количестве комнат, по сравнению с группой умственного труда, таким образом, происходит в результате разрастания семьи у первой группы²⁴.

Сравнение показателей по жилплощади разных социальных групп, с учетом миграционной структуры каждой группы, позволяет заключить, что жилищные условия—один из важных факторов, влияющих на состав семьи, однако степень этого влияния находится в известной зависимости от ценностных ориентаций отдельных групп (табл. 10).

По данным 1970 г., больше половины территории Еревана было застроено двухэтажными домами²⁵. Большой процент подобного типа жилищ в Ереване определяется тремя основными причинами: 1) характером дореволюционной застройки города: в Ереване не было ни одного жилого дома выше двух этажей; 2) расширением территории города за счет присоединения пригородных сел; 3) индивидуальной застройкой окраинных участков мигрантами, главным образом переселенцами из сел. Таким образом, наибольшая доля собственных домов приходилась на до-

лю сельских жителей как пригородных сельскохозяйственных территорий, так и сельских мигрантов, и лишь незначительная — на старожилов и городских мигрантов (табл. 11).

Таблица 9

Жилищные условия (площадь в кв. м на одного члена семьи) и доля сложных семей различных социально-профессиональных групп в %

	До 5 кв. м	6 — 9 кв. м	Более 10 кв. м	Доля сложных семей
Неквалифицированные работники физического труда	21,5	54,3	24,1	41,2
Квалифицированные работники физического труда неиндустриального профиля	15,8	39,0	45,2	34,6
Квалифицированные работники физического труда индустриального профиля	17,3	52,1	30,4	21,7
Служащие	26,3	34,2	39,4	32,7
Спец. средней квалификации, руководители среднего звена	12,1	41,1	45,4	37
Спец. высшей квалификации, руководители высшего звена	12,7	47,5	44,1	26,2

Таблица 10

Распределение типа жилищ в зависимости от социально-профессиональной группы, в %

	Одельный дом, собств.	Квартира	Общая квартира
Неквалифицированные работники физического труда	33,6	61,2	5,1
Квалифицированные работники физического труда неиндустриального профиля	43,3	53,1	3,6
Квалифицированные работники физического труда индустриального профиля	27,6	63,8	8,5
Служащие	28,9	71,1	—
Спец. средн. квалиф., руководители средн. звена	17,6	82,3	—
Спец. высш. квалиф., руководители высш. звена	14,7	79,4	5,8

Доля владельцев собственных домов по различным группам населения
Еревана, в %

Тип населения	Собственный дом
Сельские мигранты	42,9
Городские мигранты	7,7
Уроженцы	34,6
Репатрианты	14,8

Изменения, имевшие место за десять лет (с 1970 г. до времени опроса), шли в сторону сокращения домов старожилов, поскольку в результате жилищного строительства сносились дореволюционные постройки.

По данным нашего опроса, в Ереване в 70-е гг. около половины собственных домов было заселено семьями сельских мигрантов (эти данные занижены: в число этих семей не входят жители сельских территорий, которые считают себя уроженцами, вместе с тем они составляют значительную долю).

Более сложной представляется зависимость состава семьи от типа жилища. Тип жилища (отдельный дом или квартира) и состав семьи—взаимообусловленные факторы. Предпочтение того или иного типа жилища, с одной стороны, обусловлено ориентацией на тип семьи, с другой—он определенным образом влияет на формирование состава семьи.

Большая группа отдельных домов в группе сельских мигрантов объясняется приверженностью к привычному типу жилища, предпочитаемому квартире в силу того, что оно по своему функциональному назначению больше соответствует сложившемуся в условиях села образу жизни семьи. Индивидуальная постройка позволяет планировать дом соответственно потребностям семьи. Такого типа дом представляет обычно комплекс жилых и хозяйственных помещений, необходимых при инерционной привычке армянского сельского жителя делать зимние запасы продуктов, а также для хранения сельскохозяйственного инвентаря при ведении подсобного хозяйства. Постройка отдельного дома дает возможность иметь приусадебный участок, что входило в систему ценностей семьи, позволяющих тем самым нести индивидуальное хозяйство. Уход за приусадебным участком в свою очередь расширяет круг внутрисемейных хозяйственных обязанностей. Хозяйственная функция семьи, с одной стороны, возможность пристройки новых помещений при разрастании семьи—с другой создают реальные условия для сохранения относительно большого состава семьи в городской среде. Существенное значение для

устойчивости традиционной установки среди категории городских жителей, проживающих в отдельных домах, имеет также характер застройки отдельных территорий города. В результате подобной застройки образуются относительно изолированные кварталы рурального типа. Эти кварталы, по существу поселения рурального типа, создают благоприятные условия для воссоздания микроклимата сельской среды.

Компактное поквартальное поселение однородно как по миграционной, так и по социальной структуре населения (в большинстве—работники физического труда), в результате чего межличностные связи осуществляются в сфере соседских отношений, по существу между людьми преимущественно одной социальной группы, со схожими установками и ценностными ориентациями.

Ограниченные связи жителей этих кварталов с другими социальными группами, ориентированными на городскую модель семьи, тормозят процесс адаптации к городским условиям семей традиционного типа.

Приведенный материал, таким образом, позволяет заключить, что хотя размер и тип жилища являются важнейшим фактором для сохранения относительно большого состава ереванской семьи, однако степень влияния этих факторов различна и в зависимости от ориентации на ту или иную модель семьи. Так, при равных жилищных условиях одна группа населения с установкой на городскую модель семьи жилищные условия воспринимает как фактор вынужденного сохранения большого состава семьи, а для группы с ориентацией на традиционный стереотип—это условия, способствующие реализации предпочитаемого семейного поведения.

Таким образом, детальный анализ материалов этносоциологического обследования по составу современной ереванской семьи в сопоставлении со статистическими данными результатов социологических обследований отдельных городов страны²⁶ позволяет говорить о специфических особенностях формирования структуры состава современной ереванской семьи²⁷.

Эти особенности, выражаясь в относительно большой доле сложных семей, преобладании полных над неполными, агнатических над когнатическими, в заниженной доле одиночек и супружеских пар без детей, складываются под влиянием ряда факторов, среди которых значительна роль устойчивой ориентации среди определенных групп населения.

2. ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Устойчивость традиционных этнических установок отражается

не только на процессе формирования городской простоты по составу модели семьи, но и на всем укладе ереванской семьи.

Ввиду того, что вопросы, относящиеся к семье в программе нашего исследования, охватывающего различные стороны жизни населения Еревана, немногочисленны, материалы, полученные при опросе, ограничивают рамки нашего исследования сферой внутрисемейных отношений.

Для выявления роли традиционного в перестройке внутрисемейных отношений нами проанализированы принятые в специальной литературе в качестве индикаторов этих отношений данные по главенству в семье и по распределению обязанностей между членами семьи.

О характере главенства можно судить по степени участия членов семьи в принятии важнейших решений. Данные по этому вопросу фиксируются в ответах супругов (табл. 12). Следует сказать, что вопрос анкеты позволяет говорить о реальном главенстве в семье.

Таблица 12

Кто решает важнейшие вопросы в семье в мнениях супругов, в %

Пол	Кто решает важнейшие вопросы в вашей семье:					
	муж	жена	родители	все вместе	другие	затрудняюсь ответить
Женщины	32,6	8,5	6,7	45,5	5,1	9,4
Мужчины	41,1	3,7	7,1	42,3	3	0,8

Как можно судить по приведенным ответам, мужчины и женщины почти в одинаковом процентном соотношении оценивают сложившиеся в их семьях отношения, как равные решают все вместе. Совпадают мнения в отношении роли родителей. Расхождение наблюдается в признании главенствующей роли одного из супругов другим. Так, 41% мужчин называют себя главными семьи, между тем только 32% женщин признают главенствующую роль мужа. А мужчины почти в два с половиной раза меньше, чем женщины, признают главенство жен.

На основании приведенных выше данных ереванскую семью по характеру распределения внутрисемейной власти можно разделить на два основных типа: семьи, основанные на отношениях равенства, и семьи, в которых главенство признается за одним из ее взрослых членов. Семьи второго типа в нашем материале представлены в нескольких вариантах: глава семьи—муж, в редких случаях—жена в простых по составу семьях, глава семьи—отец, реже—мать мужа и, как редкое исключение, один из роди-

телей жены в трехпоколенных по нисходящей линии семьях, и, наконец, брат мужа в сложных двухпоколенных. Количество семей первого демократического типа и второго авторитарного, по данным нашего обследования, в Ереване почти одинаково, что в определенной степени отражает реальное соотношение этих типов семей среди ереванского населения в момент опроса. Некоторая поправка возможна в сторону увеличения числа семей демократического типа. Это предположение основано на наблюдениях и материалах собеседования. Не только мужчины, в семьях которых отношения между супругами основаны на фактическом равенстве во внесемейном окружении, среди товарищей, соседей, родственников из соображений престижности приписывают себе роль главы семьи, но и женщины, чтобы поддержать не только репутацию мужа как «настоящего мужчины», но и свою как хорошей жены, называют главами своих мужей.

Сопоставление структуры внутрисемейных взаимоотношений нуклеарных и сложных семей показало, что первые отличаются значительно большим демократизмом. Среди сложных семей снижается как число семей, отличающихся равенством в отношениях, так и понижается доля мужей-глав семей за счет повышения главенствующей роли отца, мужа в трехпоколенных семьях и старших братьев мужа в сложных двухпоколенных (табл. 13).

Таблица 13

Кто решает важнейшие вопросы в семье, в %

Состав семьи	Кто решает в вашей семье важнейшие вопросы?					
	муж	жена	родители	все вместе	другие	затрудняюсь ответить
Муж + жена	41,4	8,6	—	48,6	1,4	—
Муж + жена + дети	39,5	6,1	1,6	47,4	2,6	2,1
Трехпоколенная по прямой нисходящей	30,8	4,6	22	34,3	4,9	3
Трехпоколенная по прямой и боковой линии и двухпоколенная по боковой*	28,5	4,2	10,2	35,4	12,8	3,8

* Здесь: родители, живущие отдельно.

Мы объединили эти два типа сложных семей, поскольку опрошенный массив был маленький. Сюда входят в основном семьи, в которых супружеская пара с детьми живет с матерью мужа, чем и объясняется значительное сокра-

Относительно большой удельный вес авторитарных семей в доле сложных семей по сравнению с нуклеарными объясняется тем, что современная сложная семья по своей родственной и возрастной структуре, сохраняясь как модель большой семьи, является более благоприятной средой для реализации традиционных норм главенства отца.

Различия в степени и формах сохранения традиционного стереотипа главенства выявляются при анализе данных по социальному составу семей. По этому признаку как среди нуклеарных, так и сложных семей можно выделить гомогенные, представленные в наших материалах двумя группами—семьями работников умственного труда и семьями работников физического труда, и гетерогенные семьи.

Сопоставление данных по социальной структуре ереванских семей с мнением о том, кто решает важнейшие вопросы в семье, показало, что как среди нуклеарных, так и среди сложных семей наибольшим демократизмом отличаются гомогенные семьи работников умственного труда, на другом полюсе—гомогенные семьи работников физического труда и промежуточное место занимают семьи гетерогенные (табл. 14).

Таблица 14

Главенство в семье в социально гомогенных и гетерогенных семьях (по мнению сыновей в сложных и мужей в простых по составу семьях)

Тип семьи	Семьи со сложным составом				Семьи с простым составом		
	решает важнейшие вопросы:				решает важнейшие вопросы:		
	отец	мать	сын	вся семья	муж	жена	вся семья
Гомогенные семьи:							
работников умственного труда	24,0	4,0	16,0	56,0	36,0	4,0	60,0
работников физического труда	43,5	—	37,7	18,8	76,7	0,3	23,0
Гетерогенные семьи	40,0	—	25,0	35,0	52,4	0,1	47,5

Как показал более детальный сравнительный анализ данных по характеру внутрисемейных отношений различных по родственной структуре семей с учетом их социальной структуры,

значение главенствующей роли родителей, в трехпоколенные семьи, в которых женатые братья живут совместно с матерью или без родителей. В подобных семьях повышается роль старшего брата, что в приведенной таблице отражается в рубрике «другие».

сложный состав хотя и является одним из немаловажных факторов, тормозящих процесс демократизации современной ереванской семьи, однако степень устойчивости традиционного, авторитарного мужского главенства в значительно большей степени зависит от социального типа семьи. Так, если разница в числе демократических семей в полюсных по социальному статусу однородных семьях, как сложных, так и нуклеарных, выражается в 50%, то разница в зависимости от сложности родственной структуры составляет от 5 до 8% (5—в семьях работников физического, 8—работников умственного труда).

Это объясняется тем, что в сложных семьях ценностные представления членов семьи с одинаковым образовательным и культурным уровнем в основном совпадают и выделившиеся из отцовских семей дочерние семьи придерживаются выработанных в отцовском доме на основе взаимопонимания поколений образов поведения: нуклеарная семья, выделившаяся из сложной семьи с высоким социальным статусом четко ориентирована на демократические отношения, а семьи работников физического труда устойчиво сохраняют стереотип мужского главенства.

Сложный состав семьи в значительно большей степени влияет на характер взаимоотношений между членами гетерогенных семей. Разница в числе демократических семей в доле нуклеарных по сравнению со сложными составляет 3%, а с однородными 20%.

В сложных гетерогенных семьях при совместном проживании родителей с женатым, а иногда с двумя женатыми сыновьями, внуками и невестками, по сравнению с нуклеарными семьями, значительно больше многообразия в социальных позициях членов семьи.

При совместном территориальном поселении с родителями, в преобладающем большинстве работниками физического труда, социально-продвинутые женатые сыновья во избежание конфликтных ситуаций координируют свое поведение с привычными для родителей традиционными установками, соответственно которым власть в семье должна принадлежать старшему мужчине в доме²⁸. И только выделившись в отдельную семью, супруги получают возможность реализовать предпочитаемые ими нормы поведения и строят свои отношения на принципах равенства.

В зависимости от социальной и родственной структуры меняется не только соотношение демократических и авторитарных типов семей, но также степень и форма проявления авторитарной власти.

Главенство мужа в нуклеарных семьях по сравнению с главенством отца в сложных семьях в целом носит более формальный характер. В однородных семьях работников умственного тру-

да и в гетерогенных при фактическом равенстве во внутрисемейных отношениях муж называет себя главой семьи из желания сохранить свой престиж во внесемейном окружении, из этих же соображений жены поддерживают мнение мужей. Преобладание роли мужа в принятии семейных решений наблюдается в семьях работников физического труда. Приоритет мужа основывается на идентичных у членов семьи традиционных представлениях о предопределенности функций мужа как главы семьи.

В сложных по составу семьях прослеживается более четкая зависимость характера авторитарного главенства отца от социального типа семьи.

Так, в семьях работников умственного труда главенство отца носит в основном моральный характер. Основной мотив в признании главенствующей роли отца—уважение к возрасту. Принимая совместные решения, члены семьи из уважения к возрасту, а также считаясь с жизненным опытом отца, предоставляют ему право первенства. Отец в подобных семьях выступает как первый среди равных.

В сложных гетерогенных семьях главенствующая роль отца в определенной степени—реальная необходимость. При различных ценностных ориентациях членов семьи с различным образовательным и культурным уровнем отец осуществляет функцию регулирования взаимоотношений между членами семьи. Более того, при столкновении интересов между членами семьи «мир» в семье сохраняется благодаря авторитарным решениям, принимаемым отцом.

Наибольшее проявление в реальных отношениях главенство отца наблюдается в семьях работников физического труда. В сохранении авторитарной власти отца в этих семьях значительную роль играет общность взглядов поколений, придерживающихся традиционных образцов поведения. В подобных семьях слово отца является решающим во многих сферах жизнедеятельности семьи: отец решает вопрос о покупке дорогостоящих предметов, об организации отдыха, строго следит за соблюдением семейных обычаев и обрядов. В этих семьях в значительно большей степени, чем в двух первых, главенство отца основывается на его функции кормильца (табл. 15).

Следует сказать, что речь идет о наиболее характерных для того или иного социального типа семьи формах отцовского главенства, хотя социальная структура и является одним из важнейших факторов, влияющих на характер отцовского главенства, однако формы и возможности его реализации в значительной степени зависят от личных качеств членов семьи.

Все указанные типы отцовского главенства в той или иной степени—проявление традиционного стереотипа²⁹.

Взаимосвязь «кормильства» с главенством в зависимости от социального состава сложных семей (трехпоколенных семей)*, в %

	Больше всего зарабатывает:		
	отец	сын	всего
Совпадает «кормильство» с реальным главенств. в семье			
Гомогенные семьи умственного труда	24,0	16,0	40,0
Гомогенные семьи физического труда	17,0	39,7	56,7
Гетерогенные семьи	10,7	27,5	38,2
Не совпадает «кормильство» с реальным главенством в семье			
Глава семьи отец			
Гомогенные семьи умственного труда	—	—	—
Гомогенные семьи физического труда	—	30,0	30,0
Гетерогенные семьи	—	27,5	27,5
Решают все вместе			
Гомогенные семьи умственного труда	—	60,0	60,0
Гомогенные семьи физического труда	—	17,0	17,0
Гетерогенные семьи	—	34,5	34,5
Всего			
Гомогенные семьи умственного труда	24,0	76,0	100
Гомогенные семьи физического труда	17,0	83,0	100
Гетерогенные семьи	10,7	89,3	100

* Главы семей мать и другие члены составляют очень незначительный процент (всего по всем несложным семьям 0,1—0,29%).

В современной армянской и, в частности, ереванской семье, с исчезновением ее частнособственнической базы, ограничением производственной функции семьи рамками ведения домашнего хозяйства, с выравниванием имущественно-правового положения членов семьи, роль отца в сложных и мужа в нуклеарных семьях теряет свою реальную основу и сохраняется лишь в силу устойчивости традиционных представлений о главенстве.

Степень проявления традиционных норм главенства среди населения Еревана, как было показано выше, различна в зависимости от социального состава семьи. Полюсными в этом аспекте являются семьи работников умственного, с одной стороны, и физического труда—с другой. Первые отличаются более интенсивным процессом демократизации характера внутрисемейных отношений, что проявляется не только в том, что в 96% семей отношения оцениваются как равные, но и в том, что в тех семьях, в которых главами называют мужа или отца, главенство это носит чисто формальный характер. В семьях работников физиче-

ского труда около 80% составляют семьи авторитарные, в фактических отношениях которых фиксируются в той или иной степени традиционные нормы главенства (табл. 16).

Таблица 16

Степень совпадения оценки главенства в семье и необходимости родительского согласия на брак в зависимости от социального типа простых и сложных семей (мнение сына в сложной, мужа в простой и неженатого сына в семье)*, в %

	Считают, что вместе решают все вопросы в семье	Считают, что необходимо родительское согласие на брак
Сложные семьи		
Гомогенные семьи		
рабочников умственного труда	56.0	40.0
рабочников физического труда	18.0	80.0
Гетерогенные семьи	35.0	58.0
Простые семьи (муж)		
Гомогенные семьи		
рабочников умственного труда	60.0	35.0
рабочников физического труда	23.0	76.0
Гетерогенные семьи	48.0	48.0
Простые семьи (старший сын)		
Гомогенные семьи		
рабочников умственного труда	66.0	34.0
рабочников физического труда	28.0	56.0
Гетерогенные семьи	49.0	46.0

Социальный состав семьи, таким образом, в условиях современного Еревана является одним из важнейших факторов, влияющих на характер отношений между членами семьи.

Однако, как справедливо указывает З. А. Янкова, «социальный тип семьи оказывает влияние на характер внутренних взаимоотношений в семье, в том числе и на характер главенства лишь в сочетании с другими факторами»³⁰.

Одним из таких факторов в специфических условиях формирования населения современного Еревана за счет главным образом непрерывных миграционных потоков из сел и городов как Армянской ССР, так и из-за ее пределов является место жительства семьи или ее членов до переезда в Ереван.

Сравнительный анализ данных нашего обследования по со-

* Данные таблицы по сложным семьям составлены на основании оценок сыновей из агнатических семей. Выбор агнатических семей аргументирован тем, что они составляют преобладающую часть сложных семей и возможностью установить социальный статус совместно проживающих родителей.

циальному типу семьи и месту предыдущего поселения семьи позволил установить взаимосвязь между соответствующими показателями, выражающуюся в том, что социальная и миграционная структуры семьи взаимофиксированы. Так, в доле социально-гомогенных семей с высоким социальным статусом ее членов сельские мигранты составляют всего 25%, уроженцы Еревана—44%, остальные 31%—мигранты из больших городов. Среди семей работников физического труда число сельских мигрантов доходит до 66%, число жителей из больших городов понижается до 5% и 20%—жители малых городов, в основном Армянской ССР. Промежуточное место занимают семьи гетерогенные, среди них 40% сельские мигранты, 30%—уроженцы, 12%—из больших городов, 3%—из малых городов (табл. 17).

Таблица 17

Миграционная структура социально-профессиональных групп, в %

	Уроженцы Еревана	Сельские и городские мигранты из Арм. ССР	Мигранты из других рес- публик СССР	Репатрианты
Работники физического труда неиндустри- ального профиля	20,0	65,0	—	15,0
Служащие	43,0	42,0	9,0	6,0
Специалисты высшей квалификации	45,0	25,0	27,0	3,0

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в условиях Еревана социальная структура находится в тесной зависимости от места выхода семьи и в сочетании с ним влияет на характер внутрисемейных отношений. Приехав в Ереван, различные по месту происхождения и жительства группы мигрантов переносят в места нового поселения образцы поведения, выработанные на местах предыдущего поселения. Жители больших городов четко придерживаются современных городских моделей во внутрисемейных отношениях, сельские мигранты, попав в незнакомую для них среду, инерционно сохраняют привычные им нормы семейного поведения, отличающиеся традиционностью (табл. 18). Особо благоприятной средой для осуществления этих норм является сложная семья, которая по своему составу напоминает модель армянского гердастана (семейная община).

Большой удельный вес сельских мигрантов в структуре ереванского населения в целом отражается на процесс демократи-

зации внутрисемейных отношений ереванской семьи. Составляя значительную часть населения, сельские мигранты влияют на морально-психологический климат в городе и в определенной степени тормозят процесс сложения современных стандартов семейного поведения³¹.

Таблица 18

Степень участия мужа в домашнем хозяйстве в трех возрастных когортах по социально-профессиональным группам, в %

	В равной степени участвует в домашнем хозяйстве	Частично участвует	Не помогает жене	Помогает
50 и старше лет				
Работники физического труда без квалификации	4,2	45,0	50,8	
Служащие	10,7	64,3	25,0	
Специалисты высшей квалификации	9,6	72,4	18,0	
30 — 49 лет				
Работники физического труда без квалификации	2,0	66,4	31,6	
Служащие	4,3	66,2	29,5	
Специалисты высшей квалификации	6,5	71,8	21,7	
18 — 29 лет				
Работники физического труда без квалификации	—	61,6	38,4	
Служащие	3,2	74,1	22,7	
Специалисты высшей квалификации	4,8	71,4	23,8	

Можно предположить, однако, что в результате начавшейся еще в 70-х годах стабилизации населения, с адаптацией сельских мигрантов к городскому образу жизни, с непрерывным повышением общеобразовательного и культурного уровня населения, с изменением его социальной структуры будет наблюдаться интенсификация процесса демократизации ереванской семьи³².

О тенденции выравнивания внутрисемейного поведения различных групп населения можно судить по ответам на вопрос анкеты: «Нужно ли согласие родителей на брак?». Распределив ответы респондентов по трем социальным типам семей, выделив среди них две группы, в одной из которых респондентами являются отцы, в других — взрослые работающие сыновья, мы смогли проследить соотношение показателей по оценке фактически сложившихся и предпочитаемых в семье отношениях в мнениях среднего и младшего поколения разных социальных типов семей (см. табл. 16). Следует сказать, что подобное распределение позволило также учесть место происхождения респондента; в частности, это относится к семьям работников физического труда, в ко-

торых поколение отцов, как правило, сельские мигранты, а сыновья—уроженцы Еревана.

Как можно судить по табл. 16, показатели по оценке сложившихся в семье отношений и о необходимости согласия на брак в мнении отцов во всех трех типах семей почти совпадают (максимальная разница в гетерогенных семьях составляет всего 3,5%). Сыновья из семей работников умственного труда и гетерогенных также разделяют мнение родителей в этих вопросах. В семьях работников физического труда сыновья одинаково с родителями оценивают реальные отношения в семье: сыновья настроены несравненно более демократично по сравнению с отцами в вопросе о необходимости согласия родителей на брак. Почти равную оценку дают оба поколения характеру сложившихся в их семьях отношений. Таким образом, если реальные отношения в семье все еще различаются в зависимости от социального типа семьи, то в предпочитаемых отношениях, отраженных в мнениях сыновей, наблюдается сближение, что свидетельствует о том, что с повышением культуры молодого поколения влияние социального типа на характер внутрисемейных отношений заметно ослабевает.

Традиционный стереотип во внутрисемейном поведении среди ереванского населения проявляется не только в относительной устойчивости мужского главенства, но и в сохранении характерного для армянского гердастана принципа разделения домашнего труда по возрасту и полу.

Ведение домашнего хозяйства: приготовление пищи, мытье посуды, стирка, глажка, регулярная уборка квартиры, повседневный уход за детьми, а также их воспитание—в большинстве ереванских семей все еще считается кругом «женских работ». В обязанности мужчин входит покупки (в основном продуктов питания), ремонт помещений, а также участие в воспитании детей. Подобное распределение является наиболее характерным для современной ереванской семьи. В сложных семьях наблюдается возрастное деление труда: обычно старшие по возрасту женщины выполняют те виды труда, которые требуют больше сноровки и опыта и меньших физических усилий—это в основном приготовление обеда, присмотр за детьми; женщины молодого возраста в большинстве случаев занимаются уборкой, стиркой, и глажкой. В таких семьях женщины меньше, чем в нуклеарных, обращаются за помощью к мужчинам. Всего в пяти процентах семей мужчины участвуют в выполнении женских работ, при этом участие это в основном ограничивается частично помощью и не носит систематического характера. Как правило, мужчины пред-

почитают выполнять те работы, которые связаны с применением домашней техники (полотер, пылесос, стиральная машина, мясорубка). Довольно значительный процент составляют семьи, в которых мужчины полностью отстраняются от участия в домашнем труде.

Традиционное разделение труда по полу соблюдается в преобладающем большинстве семей независимо от образования ее членов и степени профессиональной занятости женщины.

Сравнение данных ереванского обследования по распределению внутрисемейных трудовых обязанностей между супругами трех возрастных групп—старшей (50 и старше лет), средней (29—39 лет) и младшей (20—29 лет)—позволило выявить довольно интересную картину. Мужья старшего возраста принимают более активное участие в выполнении так называемых «женских» работ, чем мужья среднего и младшего возрастов. Меньше всего трудовые обязанности жен разделяют молодые мужья, в особенности это относится к бездетным семьям (см. табл. 18).

Основная причина уменьшения степени участия мужчин в трудовых обязанностях жен с уменьшением возраста супругов—различная демографическая структура семей указанных групп. В старшей возрастной группе большую долю составляют семьи, в которых мужья пенсионеры, при этом следует учитывать и то, что в значительной части семей этой группы мужья намного старше своих жен и раньше, чем жены, переходят на пенсию³³. Молодые супруги чаще, чем супруги среднего возраста, живут совместно с родителями в составе сложных семей, и, поскольку обязанности по обслуживанию семьи распределяются между женщинами старшего и младшего поколения (в большинстве между свекровью и невесткой и реже—при совместном поселении двух женатых братьев—между двумя невестками) нагрузка молодых мужей значительно сокращается (табл. 19). Большинство молодых людей, живущих после женитьбы совместно с родителями, избегает помогать своим женам еще и по той причине, что подобное поведение будет неправильно истолковано родителями, придерживающимися традиционных норм разделения труда, как проявление неудачного брака, что в свою очередь может отрицательно отразиться на взаимоотношениях между членами семьи.

Наиболее активное участие мужей во всех видах домашнего труда в настоящее время наблюдается в живущих отдельно от родителей семьях, в большинстве случаев молодых специалистов и учащихся вузов преимущественно в тех семьях, где оба супруга работают.

Однако подобные семьи в Ереване составляют очень незначительную часть, всего около 5% всех семей, и, поскольку в преобладающем большинстве семей осуществляется традиционная

система распределения труда, в общественном мнении все еще довольно устойчив психологический стереотип о престижных и непрестижных для мужчин и женщин видах труда. Именно по этой причине молодые супруги, в семьях которых взаимопомощь не ограничивается рамками выполнения традиционного круга обязанностей, предпочитают умалчивать об этом во внесемейном окружении. Редкий армянин без риска быть осмеянным может признаться родственникам и даже товарищам о том, что он помогает жене готовить обед и, тем более, стирать и гладить, и не всякая армянка может набраться смелости и погордиться тем, что муж помогает ей во всех домашних работах.

Таблица 19

Участие мужа в выполнении домашних работ в различных по составу типах семей, в %

	В равной степени помогает	Частичной помощью	Не помогает
Супружеская пара без детей	8,2	63,8	28,0
Супружеская пара с детьми	6,5	70,5	23,0
Супружеская пара с детьми и без детей в составе сложной семьи	3,9	48,1	48,0

Принцип разделения домашнего труда на «мужские» и «женские» в Ереване, таким образом, имеет широкое распространение, на него ориентированы в той или иной мере все социальные слои и возрастные группы населения.

Судя по тому, что молодежь в подавляющем большинстве так же, как и супруги среднего и старшего возрастов, придерживается традиционного стереотипа в разделении домашнего труда, формирование новых принципов в распределении обязанностей в сфере трудовой деятельности семьи среди ереванского населения все еще остается вопросом будущего, когда в городе будет осуществлена система мероприятий по улучшению и расширению бытового обслуживания, рационализации домашнего труда путем широкого применения домашней техники³⁴. В настоящем, в условиях относительно слабо развитой инфраструктуры города, устойчивость традиционных форм разделения домашнего труда объясняется не только инерционностью сохраняющихся представлений, но и реальной необходимостью.

Следует отметить, что, поскольку сама система половозрастного разделения труда не является застывшей формой, а меняется с изменением, скорее с исчезновением и сокращением од-

них и расширением и появлением других функций, в современную семью трансформируется не сама система разделения труда, а лежащий в ее основе принцип, рациональный смысл которого в учете биологических функций женщины (деторождение и кормление) и физических возможностей полов. Соблюдение этого принципа приводит к неравномерному распределению бюджета времени, потраченного ими на выполнение домашних обязанностей.

Женщины теряют значительно больше времени на домашний труд, чем мужчины, по той простой причине, что обязанности последних не носят повседневного регулярного характера, вместе с тем виды мужского труда отличаются большей физической и нервной напряженностью, в результате чего создается определенное равновесие в нагрузке мужа и жены. До тех пор, пока не сложится новая модель семьи с более справедливым распределением внутрисемейного труда, соблюдение традиционного стереотипа будет оправдано его положительной ролью.

Сохранение традиционного разделения труда в семье и связанная с этим степень участия супругов отдельно взятые не являются показателем сложившихся между супругами отношений³⁵.

Связь между характером внутрисемейных отношений и системой разделения труда опосредована комплексом представлений о ролевом назначении мужа и жены.

В тех семьях, в которых супруги идентифицируют свои роли с традиционными ролями мужа и жены, распределение трудовых обязанностей на мужские и женские логически связано с их ролевыми позициями в семье. Трудовые обязанности жены регламентированы ее функциями матери и хозяйки, главная функция мужа—обеспечить материальные потребности семьи. Участие мужчины в домашних делах ограничено теми видами труда, которые ассоциативно связываются с традиционными мужскими занятиями: покупки, все дела, связанные с учреждениями, починка предметов домашнего обихода и, в частности, бытовой техники, ремонт помещений. Вмешательство мужа в женские виды труда в любых ситуациях, как, например, болезнь жены, чрезмерная перегруженность (в этих случаях обычно на помощь призываются родственницы) и в любых формах—в ущерб мужскому достоинству. Жена в таких семьях находится в подчиненном от мужа положении. Трудовая деятельность женщины вне семьи воспринимается как отклоняющееся от нормы поведение. Поступление ее на работу допускается, почти как правило, в случае материальных затруднений в семье и при обязательном согласии на это мужа. Все важнейшие вопросы в семье решает муж. Старинная армянская пословица «муж—внешняя стена дома, жена—внутренняя» до сих пор применима к этим семьям. Пси-

хологический климат основан на признании привилегированного положения мужа.

По материалам ереванского обследования, традиционный стереотип ролевого назначения мужа и жены довольно устойчив среди определенных групп населения.

В качестве показателя, отражающего установки женщины на свое ролевое назначение, нами были взяты данные по роду занятий женщины до замужества и во время последующей семейной жизни. Сопоставление этих данных по разным социальным группам показало, что в группе работников физического труда почти половина женщин (44,5%) в добрачный период занимались домашним хозяйством и всего два процента учились, между тем как в группе работников умственного труда больше одной трети учились в вузах и только 4% были домашними хозяйками. После замужества число домохозяек в первой группе сократилось всего на 9%, все учащиеся женщины второй группы стали работать (табл. 20).

Эти данные—довольно наглядное свидетельство существенной разницы системы ценностных ориентаций женщины в зависимости от социального статуса и соответственно от общеобразовательного уровня и общей культуры. То обстоятельство, что, получив обязательное среднее образование, девушка предпочитает сидеть дома и заниматься домашним хозяйством,—показатель того, что свое основное назначение в жизни она видит в выполнении своих традиционных функций, ограниченных сферой внутрисемейной деятельности. Подтверждением этому является и то, что среди замужних женщин этой группы только 9% считают, что для счастливой жизни кроме семьи нужна и интересная работа.

Женщины полярной социально-профессиональной группы при четкой установке на семью ориентированы на сочетание внутрисемейной и профессиональной деятельности. Только хорошая семья в их представлении без интересной работы—недостаточное условие для счастливой жизни (табл. 21).

Несмотря на то, что профессиональная занятость женщины значительно увеличивает объем ее трудовых обязанностей, поскольку не снимает с нее домашней нагрузки, удовлетворенность семейной жизнью среди этой группы значительно выше, чем среди работниц физического труда (табл. 22).

Мотив соблюдения традиционных стереотипов в разделении трудовых обязанностей в семье супругами, ориентированными на сочетание семейных и внесемейных общественно-производственных ролей женщины, в целесообразности распределения видов труда в зависимости от физических возможностей, а также приобретенных супругами трудовых навыков, привитых в семье ро-

дителей соответственно тому же принципу. В подобных семьях, хотя разделение труда и регулируется в основном принципом традиционным, отношения между супругами построены на фактическом равенстве во всех сферах семейной жизни, трудовые обязанности жены по обслуживанию семьи не воспринимаются как заданная ее семейным положением неперемнная функция, а как необходимость, продиктованная современными условиями жизни семьи.

Таблица 20

Социальная мобильность женщины и мужчины за период семейной жизни
(изменение социально-профессионального статуса), в %

Социально-профессиональная группа за период опроса	Социально-профессиональная группа во время женитьбы (замужества)							
	Г ₂	Г ₁	В	Б	Л ₁	А ₂₂₁	Занимался (ась)дом.хоз.	Учился (ась)
Женщины								
неквалифицированные работники физического труда	51,9	—	—	—	—	—	44,4	3,7
квалифицированные работники физического труда неиндустриального профиля	3,4	55,2	—	3,4	—	—	20,7	17,3
квалифицированные работники физического труда индустриального профиля	22,2	—	—	—	11,1	—	44,4	22,3
служащие	3,4	1,7	—	50,1	—	—	22,4	22,4
Спец. средн. квалифик., руководители средн. звена	—	3,3	—	20,0	50,1	3,3	10,0	13,3
Спец. высш. квалифик., руководители высш. звена	—	—	—	3,6	3,6	57,8	3,6	31,4
Мужчины								
неквалифицированные работники физического труда	37,5	12,5	37,5	12,5	—	—	—	—
квалифицированные работники физического труда неиндустриального профиля	11,8	58,8	23,0	5,8	—	—	—	—
квалифицированные работники физического труда индустриального профиля	4,7	2,3	81,3	—	—	7,0	—	4,7
служащие	—	16,7	16,7	33,3	—	16,7	—	16,7
Спец. средн. квалифик., руководители средн. звена	16,7	8,3	8,3	33,4	25,0	8,3	—	—
Спец. высш. квалифик., руководители высш. звена	2,3	—	6,9	2,3	5,7	66,7	—	16,1

Анализ материалов этносоциологического исследования позволяет проследить значение установок предшествующих форм

семьи и, в частности, семейной общины армянского гердастана, в формировании современной ереванской семьи. Унаследованные от старой семьи нормы поведения по принятой в этнографической науке терминологии мы условно делим на традиционные и пережиточные. К традиционным относятся те установки, которые играют положительную роль и являются одним из основных факторов складывания этнической специфики современной армянской и, в частности, ереванской семьи. В отличие от традиций пережитки противоречат сущности советской семьи, тормозят ее развитие.

Таблица 21

Ценностные ориентации различных социально-профессиональных групп населения, в %

Социально-профессиональные группы	Иметь хорошую семью	Жить без волнений и забот	Иметь интересную, хорошую работу	Жить обеспеченно
Неквалифицированные работники физического труда				
Женщины	35,2	13,9	9,4	30,7
Мужчины	28,0	10,3	14,0	34,1
Квалифицированные работники физического труда индустриального профиля				
Женщины	33,3	14,2	8,5	32,3
Мужчины	27,2	16,0	17,6	24,8
Квалифицированные работники физического труда индустриального профиля				
Женщины	36,2	14,5	10,4	25,0
Мужчины	26,8	11,3	15,7	29,6
Служащие				
Женщины	34,0	9,0	11,3	30,3
Мужчины	29,7	8,1	17,1	32,4
Специалисты средней квалификации				
Женщины	31,7	17,0	13,4	25,6
Мужчины	32,6	6,3	13,6	26,3
Специалисты высшей квалификации				
Женщины	30,8	8,7	18,3	23,9
Мужчины	30,8	9,2	26,2	20,3

Относительной устойчивостью традиций следует объяснить выраженную ориентацию ереванского населения на семью (большая доля сложных семей, самый низкий процент одиночек и бездетных пар, а также наименьший показатель разводов). С дальнейшим развитием семьи, с изменением структуры внутрисемейных отношений пережитки будут постепенно исчезать, а традиции в обозримом будущем будут сохраняться.

Степень удовлетворенности семейной жизнью замужних женщин, в %

Соц.-проф. группа	Да	Нет	Затрудня- юсь ответить
Неквалифицированные работники физического труда	64,4	33,9	1,7
Квалифицированные работники физического труда индуст- риального профиля	57,1	29,7	13,2
Квалифицированные специалисты умственного труда	70,1	21,3	8,6

При общих для всех столичных городов закономерностях социально-экономического развития и одинаковых тенденциях формирования советской семьи на современное состояние ереванской семьи оказывают влияние исторически сложившиеся особенности армянского народа. Одним из важнейших факторов сохранения традиционного этнического поведения в процессе адаптации семьи к условиям урбанизированной среды является состав населения Еревана. Как известно, Ереван за годы Советской власти стал городом с миллионным населением в основном за счет миграции армянского населения из сел и городов Армянской ССР, а также из других союзных республик и зарубежных стран. Принадлежность мигрантов к одному этносу и определила мононациональный состав Еревана. Все группы мигрантов в той или иной степени—носители семейных традиций одного этноса; различие выражается в степени сохранности традиционного, что зависит от места предыдущего поселения. Наиболее устойчивое инерционное поведение в городе показывают сельские мигранты, которые составляют значительную часть населения Еревана. Относительная устойчивость семейных традиций в сельском быту армян, в свою очередь, обусловлена предшествующей историей развития семьи у армян. Семейная община в 50 и больше человек сохранилась в Армении до начала XX в. В отдельных селах горной и предгорной зоны, где крестьянское хозяйство носило замкнутый характер, семейные общины бытовали вплоть до революции, а отдельные образцы зафиксированы в отдаленных селах в двадцатых годах XX века. Устойчивое бытование семейной общины в Армении объясняется целым рядом причин исторического, природно-климатического характера, но главное—экономическая необходимость в больших коллективах, способных вести трудоемкое крестьянское хозяйство. Семейная община в народном представлении связывалась с материальным благополучием и общественным престижем. Ориентация на неразделенную семью в

настоящем сохраняется не в силу необходимости, а механизмом действия инерционного представления о преимуществе большой семьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Историю изучения большой семьи см. подробно: *М. О. Косвен*, Семейная община и патронимия, М., 1963, с. 5—40; *его же*, Семейная община, в кн.: Исследования и материалы по истории этнографии и истории Кавказа, М., 1961.
- 2 *М. О. Косвен*, см. указ. раб.; *Н. А. Кисляков*, Патриархальная семья у индейцев долины Ванджа, в кн.: Вопросы истории доклассового общества, М.—Л., 1936; *С. М. Амбрамзон*, К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии, Краткие сообщ. Института этнографии, 28, 1957; *А. Н. Кондауров*, Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, М.—Л., 1940, и др.
- 3 *Р. Л. Харадзе*, Грузинская семейная община, т. 1—2, Тбилиси, 1961; *П. И. Кушнер*, Об этнографическом изучении советского крестьянства, СЭ, № 1, 1952.
- 4 Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VII, М., Статистика, 1974, с. 225; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. по Армянской ССР, Ереван, 1980, с. 317. Средний состав семьи городского населения по данным переписи 1970 г., приводимый в работе *З. А. Янковой*, составлял 3,5 человек (см.: *З. А. Янкова*, Городская семья, М., 1979, с. 33).
- 5 Говоря о ереванской семье, имеем в виду армянскую ереванскую семью; так как в отличие от других столичных городов СССР, в Ереване местная национальность составляет подавляющее большинство. Поэтому сравнительный статистический анализ ереванской семьи в сравнении с другими столичными семьями носит относительный характер—данные по семье отражают совокупность показателей по всем национальностям, проживающим в данном городе.
- 6 Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VII, УП, с. 225.
- 7 *Э. К. Васильева*, Семья и ее функции, М., 1979, с. 31.
- 8 Таблица составлена на основании данных Всесоюзных переписей населения. См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, Армянская ССР, с. 109; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VII, с. 225; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года по Армянской ССР, с. 317, а также данные ереванского обследования за 1976 г.
- 9 О сокращении числа семей в семь и больше человек свидетельствуют данные переписей 1959 и 1970 гг.
- 10 *А. Г. Харчев*, Брак и семья в СССР, М., 1979, с. 235.
- 11 Число рожившихся снизилось с 30,3 в 1960 г. до 19,9 в 1974 г., а естественный прирост—с 24,3 до 14,8. См.: Ереван, Стат. сб., 1975, с. 19.

- 12 Из-за отсутствия данных по родственной структуре больших по составу семей, мы, к сожалению, не можем выявить соотношения простых и сложных семей в предшествующие годы и динамики изменения соотношения простых и сложных семей за период, предшествующий опросу.
- 13 При разработке демографической типологии семей различными исследователями, как на основе анализа статистических данных всесоюзных переписей населения (см.: *А. Я. Боярский*, Режим воспроизводства населения и состав семьи, в кн.: Проблемы демографической статистики; *А. Г. Волков*, Анализ структуры и семьи для прогноза числа семей и их состава, там же; *Э. К. Висильева*, Структура и функции семьи, М., 1975), так и по материалам выборочного обследования отдельных городов (см.: *И. А. Герасимова*, Структура семьи, М., 1976), за основу брались простые семьи. Подобный принцип классификации семей продиктован материалом. Сложные семьи не подверглись анализу, поскольку их доля была незначительна. Однако при изучении семейной структуры некоторых регионов и отдельных этносов, где доля семей со сложным составом имеет значительный удельный вес, необходим более детальный анализ сложных семей. На необходимость более глубокого анализа состава сложных семей в местах их широкого бытования указывают и сами исследователи-демографы. «Более углубленное исследование родства,—пишет И. А. Герасимова,—в семьях с прочими родственниками может оказаться полезным при изучении регионов с традиционными сложными семьями или при более специальных, например, этнографических исследованиях семьи» (*И. А. Герасимова*, указ. раб., с. 37).
- 14 Следует сказать, что жены в агнатических и мужья в когнатических семьях не учитываются, поскольку они не нарушают принцип патрилокального в первом и матрилокального во втором случае поселения. Семьи, в состав которых входят невестки с детьми, свекровь или свекор, относятся к семьям агнатическим. Этот вариант семьи в первоначальном виде—трехпоколенная семья с полной супружеской парой, по традиции после смерти мужа невестка с детьми остается в доме его родителей.
- 15 Хотя и сложный состав этого варианта носит характер временного образования, мы сочли нужным упомянуть их, поскольку даже временное проживание родственников жены в доме мужа явление новое, недопускаемое по нормам обычного права.
- 16 По обычному праву армян еще в начале века имущество семьи при отсутствии сыновей наследников переходило к более отдаленным агнатам.
- 17 О зяте-примаке у армян в прошлом см. работы: *Э. Т. Карапетян*, Семейная община у армян, Ереван, 1958; а также *Д. С. Вардумян*, *Э. Т. Карапетян*, Современная армянская колхозная семья, Ереван, 1963 (на армян.); *А. Саркисян*, Армянская семья, М., 1972.
- 18 Возвращение разведенной дочери в отцовский дом или даже временное ее поселение (за исключением установленных дней) не допускалось по законам обычного права, охраняющего имущественные права патриархаль-

ной семьи. Дочь, вышедшая замуж, уносила в виде приданого свою долю имущества.

- 19 Разница в родственной структуре перечисленных групп более наглядно прослеживается на составленных нами схеме. На схемах 1 и 3 отражен состав современных сложных семей. Варианты сложных семей, распространенных у армян в прошлом, представлены на схеме 2. Состав последних восстановлен нами со слов стариков-информаторов, некогда членов этих семей (см. *Т. Карапетян*, Семейная община у армян).
- 20 Н. Сачук в докладе «Особенности уровня и структуры «семейности и одиночества» в некоторых районах СССР», прочтенном на Всесоюзном симпозиуме по демографическим проблемам семьи, на основании сравнительных статистических данных по показателям «одиночества», «семейности» и «брачности» распределяет республики, и, в частности, города по порядковым местам. Города Армении, и в том числе Ереван, по показателю «одиночества» занимают последнее место, а по семейности— первое место в стране. См.: Всесоюзный симпозиум по демографическим проблемам семьи, 1—3 октября 1975 г., Ереван, с. 161.
- 21 См.: *Н. Сачук* указ. раб., с. 63; *И. А. Герасимова*, указ. раб., с. 47; *Э. К. Васильева*, указ. раб., с. 61; *А. Г. Харчев*, указ. раб., с. 234, *М. Г. Панкратова*, Социально-этническое многообразие семейной структуры в кн.: Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР), 1980, с. 69.
- 22 См.: *Р. А. Варданян*, указ. раб., с. 112.
- 23 *К. Г. Минасян*, указ. раб., с. 138.
- 24 Следует учесть, что за основу взята одна возрастная группа—50 и старше лет, а следовательно инвентаризованы время проживания в городе, возрастные различия, влияющие на состав семьи; эта возрастная группа имела также одинаковые возможности в получении жилплощади с учетом количества членов семьи.
- 25 *Г. А. Хорасанян*, Некоторые вопросы экономического развития городов Советской Армении, Ереван, 1976, с. 26.
- 26 Мы, к сожалению, не располагаем достаточным равноценным материалом для сопоставления проанализированных выше типов ереванской семьи с родственной структурой семей других городов. Однако приведенные в работе некоторые статистические данные и результаты социологических обследований отдельных городов позволяют судить о правильности нашего заключения.

Так, например, в Москве, которую, как пишет *З. А. Янкова*, «часто принято считать моделью демографического будущего нашей страны»,—наблюдается значительное преобладание неполных семей над полными (соответственно 15,4 и 4,8), при этом, как указывает автор, эта цифра по сравнению со средним показателем по городскому населению в целом несколько завышена (см.: *З. А. Янкова*, указ. раб., с. 38—39).

В Костроме только 9% сложных семей являются полными, а в подавляющем большинстве случаев это неполные семьи, в которых супруже-

ская пара с детьми или без детей проживает с отцом и чаще с матерью одного из супругов.

Доля семей с родителями мужа и жены практически равна. Это, как отмечает Герасимова, говорит о том, что традиция, по которой преимущественно жена переходила в дом мужа в городских семьях РСФСР, практически изжита (см.: *Н. А. Герасимова*, указ. раб., с. 62).

- 27 На наименьший состав полных сложных семей в Армении указывается в работе А. Г. Харчева «Брак и семья в СССР». Семьи, где супруги проживают с обоими родителями одного из них, составляют лишь 3,7% всех семей. Их доля выше в Средней Азии (Узбекская ССР—3,4%, Армянская ССР—8,3%). См.: *А. Г. Харчев*, указ. раб., с. 237. *З. К. Васильева* отмечает, что «в Армении в целом самый низкий процент как простых семей, так и семей без брачной пары» (*З. К. Васильева*, указ. раб., с. 4).
- 28 По материалам ереванского обследования в доле сложных гетерогенных семей только 3% составляют семьи, в которых социальный статус родителей (чаще одного из них) выше, чем у сыновей.
- 29 Согласно нормам армянского гердастана, власть в семье принадлежала старшему мужчине—отцу, при жизни отца по его воле главенство может быть передано старшему сыну. Женщина может стать главой только при отсутствии взрослых мужчин в семье, при этом она лишена права представительства в общине. Главенство это определялось всей системой правового положения членов гердастана. Неограниченная власть отца, главы семейной общины, основывалась на его праве единственного владельца всей семейной собственности. Сыновья при жизни отца были лишены каких-либо прав на семейное имущество, они имели лишь идеальные братские доли, на которые могли быть предъявлены права только при разделе гердастана и его имущества, что, как правило, имело место после смерти отца, главы гердастана. Власть отца сохранялась как общиной, признающей его единственным субъектом права, так и родственной группой. См.: *М. О. Косвен*, Семейная община и патронимия; *Х. Самвелян*, Культура Древней Армении (на арм. яз.); *Э. Карапетян*, Семейная община у армян.
- 30 См.: *З. А. Янкова*, указ. раб., с. 127.
- 31 По материалам ереванского обследования социально гомогенные семьи с высоким статусом среди нуклеарных составляют 28% всех семей, с низким—48%, гетерогенные—24%. В доле сложных семей число семей первого типа снижается до 25, второго типа—повышается до 53, число гетерогенных семей повышается до 43%.
- 32 В 1978 г., по достижении миллионного населения, миграция в Ереван значительно сократилась.
- 33 По материалам ереванского обследования в период опроса в старшей возрастной группе 90% составляли семьи, в которых муж старше жены.
- 34 А. Г. Харчев в своем исследовании «Брак и семья в СССР» указывает на то, что «изучение структуры семьи методами простых замеров участия

супругов в делах семьи... может дать неожиданный, по сути дел неверный результат обнаружить в семье регрессивные структурные изменения. «узурпацию власти» одним из супругов и т. д. коль скоро справедливость в семейной жизни будет продолжать ассоциироваться лишь с равным распределением прав и обязанностей» (А. Г. Харчев, указ. раб., с. 261—262).

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Семейная обрядность, будучи важным компонентом современного образа жизни, составляет одну из значительных сторон этносоциологического исследования. В принятой в настоящее время научной классификации она входит в группу обрядов лично-семейного быта¹, являясь наиболее интимной и потому наименее планируемой, что весьма осложняет задачу исследования, требует особой осторожности и такта.

Пристальное внимание к изучению «традиционно-бытовой культуры» в наши дни связано с тем, что в этом слое традиций с наибольшей полнотой выражается их этническое своеобразие. Большинство исследователей в настоящее время разделяет точку зрения, что традиционные обычаи представляют один из основных компонентов психического склада этноса, а праздники и обряды—один из показателей развития каждого из них в отдельности².

Исследования советского образа жизни показывают, что «исторически сфера проявления народной культуры постепенно сужается: этнические особенности стираются сначала в области социальной организации, затем унификация затрагивает материальную культуру и, наконец, этническая специфика все больше концентрируется в духовной и психологической зоне»³.

В настоящее время на смену традиционной культуре пришла культура «индустриально-урбанистическая» (по терминологии С. А. Токарева), основными чертами которой являются высокая степень промышленного развития и ведущая роль городской культуры. По определению Ю. В. Бромлея, «в промышленно развитых странах быт городских жителей становится ныне определяющей общенациональной моделью, к которой быстро подтягивается сельский быт в результате все большей его урбанизации»⁴. Все явления традиционной культуры в настоящее время находятся, таким образом, в состоянии динамики и усиленного взаимодействия с новыми, современными формами. Это потребовало качественно нового подхода и более высокого уровня при их изучении, вызвало необходимость применения—наряду с этнографической методикой—и метода количественных характерис-

тик, анкетирования и т. п. атрибутов социологического инструментария.

Определенная почва для этого была подготовлена целым рядом работ, посвященных изучению процесса формирования современной семейной обрядности в различных историко-этнографических регионах нашей страны за последние два-три десятилетия. Значительное место среди них занимали публикации и статьи описательно-информационного характера и сравнительно немного—теоретического и обобщающего плана⁵. Они явились отражением процесса широкого распространения и внедрения новых обрядов и праздников, наиболее усилившегося именно с периода конца 50—середины 60-х гг. Отметим также, что в указанный период вопрос о новой гражданской обрядности был поставлен в государственных масштабах и находился в центре внимания руководящих партийных и советских органов⁶. Развернувшееся же в последнее десятилетие изучение семейно-бытовой сферы и семейной обрядности на более высоком этносоциологическом уровне позволило не только поставить ряд важных теоретических проблем в этой области⁷, но и подытожить уже имеющийся опыт и выдвинуть не менее существенные задачи научного и прикладного характера⁸.

Учитывая первый опыт подобной работы в Армении, с одной стороны, и слишком обширный диапазон исследования *всей* современной семейной обрядности—с другой, на данном этапе этносоциологического изучения Еревана мы пока ограничились лишь свадебной обрядностью. К этому побуждало и опасение того, что в условиях столицы вопросы, связанные с похоронной обрядностью, могут не отразить действительной картины ввиду субъективно-эмоционального отношения к ним со стороны населения⁹.

Необходимо отметить, что вся система традиционной семейной обрядности армян в целом вплоть до настоящего времени не являлась предметом специального всестороннего монографического изучения. Несмотря на богатую этнографическую литературу и многочисленные сообщения и публикации, посвященные описанию семейной жизни и семейных обрядов армян второй половины XIX—начала XX вв., лишь некоторые аспекты этой важной области этнографии затрагивались в работах отдельных авторов. В основном они касались различных сторон брака и свадьбы и опирались как на обширную дореволюционную этнографическую литературу, так и полевые материалы, собранные ими в различных историко-этнографических районах Армении в 50—70 гг.¹⁰.

Обращаясь непосредственно к предмету нашего исследования, заметим, что сохранение многих традиционных норм в сов-

ременной свадебной обрядности объясняется целым рядом объективных и субъективных факторов. Прежде всего следует подчеркнуть, что социально-экономические изменения (сфера трудовой деятельности) совершенно не обязательно непосредственным образом воздействуют на степень прочности традиционных установок (сферу быта, особенно семейного) и «не всегда вызывают прямые изменения обрядности. Обрядность обладает определенной исторической инерцией, сохраняясь порой после того, как утрачивается поддерживавшая ее социально-экономическая основа. В социальной памяти или даже в социальной практике до наших дней иногда удерживаются отдельные обрядовые формы, первоначальное содержание которых давно утратилось или сильно трансформировалось...»¹¹. В ходе перестройки всего образа жизни и коренных социалистических преобразований в соответствии с требованиями нового времени претерпевала изменения и свадебная обрядность, что повлекло за собой и определенные преобразования устоявшихся, сложившихся стереотипов, а нередко их полное исчезновение. Выработка же и создание новой советской обрядности—процесс длительный, сложный и далеко не всегда безболезненный и потому «одним разовым действием»¹² ее создавать невозможно. Лишь в том случае новые традиции и обряды имеют силу и становятся действительно жизненно необходимыми и массовыми, когда учитывается положительный и рациональный опыт старших поколений, когда они имеют глубокие корни в народном мировоззрении и предшествующей реальной обрядовой практике, но переосмысливаются и перерабатываются в наши дни с учетом запросов нового времени.

Вместе с тем в данной сфере семейной обрядности большое значение имеет и эмоционально-психологический фактор, который нельзя не учитывать при изучении современных форм семейной жизни. Поскольку вступление в брак и свадьба связаны с коренным, переломным моментом в жизни каждого человека, понятно стремление по возможности полно обеспечить благополучное начало столь важного жизненного события, для чего прибегают к уже готовым, веками выработанным и апробированным дедовским обычаям, нередко применяя в наши дни, без осмысления их исконного содержания. С этим связана и значительная приверженность к традиционным образцам поведения именно в семейной, в частности свадебной, обрядности, и причина живучести многочисленных и разнообразных пережитков именно в этой сфере.

Наряду с этим в настоящее время семейная, в том числе и свадебная, обрядность «очень престижна и имеет тенденцию к развитию и расширению»¹³.

В рамках проведенного этносоциологического обследования

анализ свадебной обрядности преследовал цель: выявить основные формы свадебных торжеств в настоящее время в столице Армении, соотношение и взаимодействие в них традиционных и современных элементов; определить как объем сохранности традиционных компонентов, так и степень распространения новых, современных форм; выявить отношение к ним различных слоев населения города и прояснить, таким образом, предпочитаемые (желаемые) варианты оформления брака¹⁴.

Необходимо прежде всего подчеркнуть, что далеко не всегда возможно строгое разграничение отдельных вариантов свадебных торжеств. Дело в том, что в отношении проведенной свадьбы весьма сильным оказался субъективно-оценочный момент, что в должной степени не было учтено при составлении опросного листа. Нередко при опросе жители города отвечали, что свадьбу как таковую они не справляли, хотя сами же указывали, что у них был кавор, было свадебное застолье и т. п. Складывается впечатление, что ряд вариантов свадебного торжества не воспринимается, не оценивается как «настоящая свадьба» в ее традиционном понимании. Поэтому нередки ответы типа: «свадьбу не справляли», «было просто застолье», «свадьбы не было, была вечеринка» и т. д. Сложность исследования заключается в том, что в таких, на первый взгляд современных, свадебных торжествах нередко продолжают сохраняться различные традиционные компоненты, но при указанной субъективной оценке четкое разделение традиционных и современных свадебных форм во многих случаях весьма затруднительно и условно.

Этносоциологический опрос выявил мозаичность свадебной обрядности в Ереване в настоящее время¹⁵. Исходя из задач исследования, мы попытались систематизировать и классифицировать имеющийся в нашем распоряжении материал и при всей пестроте и множественности ситуаций условно свести зафиксированную в настоящее время армянскую свадьбу к следующим основным формализованным подразделениям¹⁶.

1. Традиционная форма армянской свадьбы. Естественно, что в наши дни нельзя говорить о той классической традиционной свадьбе, которая известна по этнографическим материалам конца XIX—начала XX вв. Однако и сейчас продолжает сохраняться более или менее полно ее традиционная основа, что и дало нам основание выделить свадьбы с обязательным минимумом традиционных компонентов в самостоятельную форму.

В качестве индикатора в опросном листе были выделены кавор (посаженный отец), азабаша (друга жениха) и харс-накур («сестра невесты»), поскольку именно их наличие было необходимой составной частью традиционного свадебного комплекса в прошлом.

Кавор у армян был одной из центральных фигур на свадьбе, выступая в качестве посаженного отца молодоженов. Но его роль и функции не ограничивались одним лишь свадебным торжеством, выходили далеко за его рамки. Он, по существу, опекал эту чету на протяжении всей ее последующей супружеской жизни, со временем являясь и крестным отцом ее детей, был самым уважаемым, авторитетным и почетным человеком как для них, так и для всех членов их семьи. В системе семейно-родственных уз и отношений армян кавор занимал особое место по своей значимости и почитаемости.

Азаббашн (или макарбашн) в традиционной армянской свадьбе являлся дружкой жениха. Он возглавлял группу холостых товарищей жениха—его «телохранителей» на всем протяжении свадебного цикла, по окончании которого молодой человек расставался со своими холостыми сверстниками и переходил в следующую возрастную группу женатых и полноправных взрослых мужчин.

Функцию, подобную азаббашн, выполняла «сестра невесты», неотступно охраняя невесту и сопровождая из отчего дома в новый для нее дом—семью мужа.

Учитывая значимость, а также живучесть и длительную сохранность указанных персонажей традиционного свадебного цикла армян, мы сочли возможным выбрать именно их в качестве индикатора традиционной армянской свадьбы.

При этом отметим, что в настоящее время допускаются различные сочетания и варианты этих компонентов, что позволяет условно классифицировать такое торжество как: а) полную традиционную свадьбу (при наличии всех трех персонажей); б) неполную традиционную свадьбу (сочетание кавора с азаббашн либо кавора с «сестрой невесты»). Отметим, что во всем множестве ситуаций сочетание азаббашн с «сестрой невесты», но без кавора не встречается ни разу.

II. Современные свадебные формы. Здесь наиболее распространенной формой является в настоящее время свадебное застолье (вечеринка) в современном его понимании.

Кроме того, в этой группе выделяется также ряд более малочисленных промежуточных вариантов, вмещающих в себя как сочетание с отдельными традиционными компонентами (свадебное застолье с кавором), так и наиболее модернизированную форму—свадебное путешествие.

Учитывая многообразие ситуаций в группе современных свадебных торжеств, для удобства и наглядности исследования мы считаем возможным их условно классифицировать следующим образом: а) свадебное застолье с кавором; б) просто сва-

дебное застолье; в) застолье плюс свадебное путешествие; г) только свадебное путешествие.

III. Бракосочетание без свадьбы. Оно составляет небольшой круг лиц, которые, вступив в брак, по тем или иным причинам обошлись совсем без свадьбы.

Все состоящие в браке опрошенные жители столицы распределились по возрасту следующим образом¹⁷.

Подавляющее их большинство—52,6%—представлено средней возрастной когортой (от 30 до 49 лет), что является вполне закономерным, поскольку это в основном люди зрелого возраста, уже имеющие свою семью (состоящие в браке в момент опроса). Далее следует старшая группа (от 50 лет и старше)—31,4%. В ней наряду с женатыми и замужними значительную долю составляют вдовцы и вдовы. На их семейном состоянии сказались последствия военных лет, а также необратимые естественные процессы, т. е. смерть одного из супругов. Напомним, что сюда входят 60—70-летние жители столицы и старше. И, наконец, наименее малочисленную группу—15,7%—составила младшая возрастная когорта (18—29 лет). Это период формирования, создания семьи и потому в данной группе весьма значительна доля холостой молодежи, которую при исследовании форм проведенных свадеб мы, естественно, опускаем, но учитываем ее мнение в формах предпочитаемых и в отношении к родительскому согласию на брак.

Важно подчеркнуть, что свадебные торжества хронологически распределились по возрастным группам следующим образом. Свадьбы молодежи пришлось на 1965—1976 гг.; жителей зрелого возраста—на период 1953—1965 гг.; в старшей возрастной группе свадьбы 50—59-летних соответствуют 1943—1953 гг., лиц старше 60 лет охватывают 1933—1943 гг., а в ряде случаев даже раньше: свадьбы 70-летних пришлось на середину 1920-х гг. (табл. 1).

Рассмотрим прежде всего каждую из условно выделенных форм свадебного торжества, а затем обратимся к корреляции их с основными социологическими параметрами.

1. ОСНОВНЫЕ ВАРИАНТЫ СОВРЕМЕННОЙ СВАДЬБЫ

1. ТРАДИЦИОННАЯ ФОРМА АРМЯНСКОЙ СВАДЬБЫ

На первый взгляд может показаться, что традиционная свадьба армян с кавором, азаббаши и «сестрой невесты» в одинаковой степени характерна для всех трех выделенных возрастных групп населения Еревана. На эту мысль наталкивают ее почти равно-

значные количественные показатели в каждой из них (см. раздел «Варианты свадьбы с традиционными элементами» в табл. 1). Однако тщательный анализ материала свидетельствует, что армянская традиционная свадьба хронологически довольно четко отражает исторические периоды, связанные не просто с определенным уровнем семейных отношений, но общей социально-экономической и культурной жизнью народа в целом.

Таблица 1

Распределение форм свадебных торжеств по возрасту жителей Еревана, в %

Возраст	Варианты свадьбы с традиционными элементами				Варианты современного свадебного застолья			Свадьбу не справляли
	кавор, азабаш, «сестра невесты»	кавор с азабаш или с «сестрой невесты»	с кавором		просто застолье	застолье «свадебное путешествие»	просто свадебное путешествие	
18 — 29 лет	40,7	3,1	5,3		34,2	10,5	3,1	3,1
30 — 39 лет	36,4	6,9	7,4		35,3	7,2	3,0	3,8
40 — 49 лет	34,6	7,6	7,3		42,2	2,8	1,1	4,3
50 — 59 лет	39,5	2,3	7,5		39,0	0,6	0,6	10,5
60 и старше	36,8	5,1	9,5		33,2	—	0,8	14,6
Итого	37,1	5,6	7,5		36,9	4,5	1,8	6,6

В 1920—1930-х годах (свадьба жителей старшей возрастной группы) семейный быт и обрядность армян, в том числе и свадебная, еще сохраняли свои многие традиционные черты¹⁸. Этнографические описания, относящиеся к указанному периоду, подтверждают и материал этносоциологического обследования столы: лица старшего возраста (в момент опроса старше 60 лет) справляли свои свадьбы с участием кавора, азабаша и «сестры невесты», в тот период неизбежно входящих в основу свадебного комплекса и выполняющих при этом каждый свою традиционную функцию¹⁹. Более того, свое представление о свадебном торжестве старшее поколение соответствующим образом проецирует и на сегодняшний день. Не случайно, поэтому, старики, сами справившие традиционную свадьбу, в подавляющем большинстве и сейчас предпочитают отдали именно ей и в значительно меньшей степени — свадебному застолью.

С другой стороны, не следует забывать, что 20—30-е годы были периодом не только преобразования старого быта, но и ломки и разрушения многих веками сложившихся установлений (в том числе и в сфере семейных отношений), отрицания необхо-

димости семейных обрядов, а в более широком плане—определенного нигилистического отношения к культурному наследию прошлого. Видимо не случайно, поэтому, среди 60—70-летних зафиксировано при опросе наибольшее число бракосочетаний (14,6%) без проведения свадьбы²⁰ (табл. 1).

Снижение общего числа свадеб (не только традиционных, но и свадеб вообще) в следующей возрастной группе—50—59 лет—имеет под собой ряд объективных причин, поскольку бракосочетание этих людей пришлось на военные и первые послевоенные годы. Однако обращает на себя внимание тот факт, что даже в этот трудный период при первой же возможности справлялись свадьбы—и традиционные, и просто в виде вечеринки, хотя в подобной ситуации их не всегда можно считать типичными.

Интерес к народной традиционной культуре получил значительное развитие в последние два десятилетия. Это явление нашло отражение и в свадебной обрядности. На эти годы приходится более половины всех зафиксированных традиционных свадеб. Это значит, что среди жителей среднего возраста (30—49 лет) весьма значительная часть отметила вступление в брак по традиционному свадебному образцу. Более того, подавляющее большинство из них просирируют подобную же свадьбу и на сегодняшний день.

Приверженность к традиционным свадебным образцам отмечена и среди определенной части молодежи. Здесь, с одной стороны, в известном смысле можно говорить о преемственности поколений. Но главным является—и этого нельзя не учитывать—авторитет, влияние или же прямое воздействие старших, в первую очередь родителей и других старших членов семьи. Вступающая в брак молодежь в большинстве своем еще бывает зависима от родителей—не только морально, но, что особенно важно, материально, а также с точки зрения жилищных условий. Поэтому в деле устройства и проведения свадьбы она вынуждена считаться с родительским мнением²¹. Можно считать весьма показательным, что среди супругов младшего возраста (свадьбы 1965—1976 гг.) традиционные свадьбы в количественном отношении незначительно превышают современные свадебные вечеринки, и соотношение тех и других по материалам этносоциологического опроса распределилось почти поровну (табл. 1).

Следует особо подчеркнуть, что данная традиционная свадьба является, наряду с современным свадебным застольем, одной из основных форм свадебных торжеств в Ереване в настоящее время.

Обратимся теперь к *неполной традиционной свадьбе*. Прежде всего отметим, что эта форма зафиксирована значительно реже

как условно выделенной традиционной свадьбы, так и современного свадебного застолья.

Здесь из традиционной обрядовой практики уже отпал один из основных традиционных компонентов: нет либо азаббаша, либо «сестры невесты», но в обоих случаях присутствует кавор. И потому оба указанных варианта, объединенных нами условно в неполную традиционную свадьбу, можно рассматривать в настоящее время как сокращенную основу традиционного минимума армянской свадьбы. В определенной степени присутствие кавора с азаббаша (либо кавора с «сестрой невесты») является в такой свадьбе данью традиции, и потому они нередко несут не функциональную нагрузку, а имеют формально-престижный характер, в особенности в младшей возрастной группе. В этом убеждает нас не только современная обрядовая практика, но и метод непосредственных этнографических наблюдений. Вместе с тем варианты неполной традиционной свадьбы при всей своей малочисленности—5,6% (табл. 1)—в определенной степени подтверждают субъективную оценку собственной свадьбы, воспринимаемой как современное свадебное застолье (в подобных случаях нередко ответы: «свадьбы не справляли, была вечеринка», «была просто свадьба» и т. п.).

Данная форма свадебного ритуала является как бы промежуточной между традиционной и современной свадьбой. Известно, что процесс перехода от традиционной свадьбы (с многочисленными обычаями, обрядами, предписаниями, четкой регламентацией функций всех основных участников, и часто затяжной по длительности) к новым современным формам не может быть скачкообразным, как бы внезапным. Как правильно отмечено рядом исследователей, «новые обряды не рождаются на пустом месте, а имеют какое-то основание в элементах старой культуры, не противоречащих новым нормам жизни»²². При значительном сокращении и упрощении традиционного свадебного ритуала в настоящее время происходит как бы испытание обрядов в действии, «в обрядах лично-семейного и лично-гражданского циклов многое еще находится, так сказать, в движении»²³. Материал этносоциологического опроса Еревана свидетельствует о том, что в этом своеобразном «испытании» находятся в наши дни наиболее важные компоненты армянской традиционной свадьбы.

II. СОВРЕМЕННЫЕ СВАДЕБНЫЕ ФОРМЫ

а) Варианты современного свадебного застолья

Среди выделенных вариантов современного свадебного застолья весьма показательным в плане исследуемой проблемы

можно считать современную свадьбу с кавором. Во время этносоциологического опроса она была выявлена среди 102 супружеских пар, что составило 7,4%.

Как можно расценивать ответ «справили свадьбу с кавором»? Как неполную традиционную или как современную? С традиционной свадьбой ее как будто сближает само наличие кавора. В этом отношении материал исследования подтверждает прочность традиционного представления о необходимости и роли кавора, сохраняющегося и в наши дни.

Однако более значимым в данном варианте оказался субъективно-оценочный момент: жители Еревана застолье с кавором расценивают не как традиционную, национальную, а как «просто свадьбу». Многие из опрошенных отмечали, что хотя у них был кавор, они «пышной свадьбы не справляли», «отметили слегка», «была просто свадебная вечеринка» и т. п. Отметим, что нет в ней ни азаббаши, ни «сестры невесты». Здесь, по существу, речь идет о современном свадебном застолье, в котором и в настоящее время продолжает сохраняться один из основных персонажей свадебного традиционного комплекса. Видимо, в данном случае скорее всего срабатывает механизм веками выработанного стереотипа: кавор на свадьбе—так принято, так полагалось испокон веков, так должно быть. В условно выделенной «современной свадьбе с кавором» он зафиксирован во всех возрастных группах, причем без существенных количественных колебаний между ними: в зрелом возрасте (от 30 до 60 лет) в пределах 7,3—7,5%, несколько чаще в старшем—9,5% и несколько реже среди молодежи—5,3% (см. раздел «Вариант современного свадебного застолья с кавором» в табл. 1). Но если в свадьбах жителей старшего и даже среднего возраста он еще сохранял свои основные функции и обязанности, являясь реально действующим (истинным) персонажем, то в свадьбах лиц младшего возраста его присутствие носит в настоящее время во многих случаях формальный характер. В этом убеждает существующая в наши дни в Ереване свадебная обрядовая практика, как и опыт Дворца бракосочетаний²⁴. На свадьбах молодежи, в особенности самой младшей возрастной группы—19—20 лет, кавор выступает нередко не как глава самой свадьбы, а скорее как свидетель в ЗАГСе, причем наблюдаются случаи, когда роль подобного кавора-свидетеля принимает на себя чисто символически и формально кто-либо из таких же юных друзей жениха.

И, наконец, отметим, что хотя современное свадебное застолье с кавором составило всего 7,5% всех зафиксированных свадеб, тем не менее наряду с неполной традиционной свадьбой (составившей 5,6%) оно показательно и симптоматично, поскольку отражает общую картину незавершенности в Ереване процес-

са формирования новой обрядности. Отметим, что подобное явление отмечено многими исследователями в различных историко-этнографических регионах нашей страны²⁵.

Среди современных свадеб, как можно было ожидать, наиболее распространенным среди армян является современное свадебное застолье. Материал этносоциологического опроса свидетельствует, что данная форма занимает у армян значительное место—48,9% (вместе с вариантами «свадебное застолье с кавором» и «свадебное застолье с последующим свадебным путешествием»). В количественных показателях она практически не намного превышает традиционные формы свадьбы (полные и неполные), в сумме составившие 42,7% (табл. 1). Новая, современная форма для армян—не само застолье как таковое, а отсутствие в нем каких-либо традиционных компонентов, и в первую очередь кавора. Опрос выявил значительное число подобных свадебных застолий (без кавора)—36,9%. Это означает, что немалая часть населения Еревана в своей обрядовой практике не придерживается не то что основных традиционных предписаний, но даже ряда и наиболее существенных из них²⁶. Пример с кавором в этом отношении весьма показателен, ибо позволяет вскрыть эволюцию этого традиционного института армян на современном этапе: от стойкого сохранения реально действующего кавора в традиционной свадьбе—через формальное присутствие в неполной традиционной (свадьбе) и в современном свадебном застолье с кавором—к исчезновению его в современной свадебной вечеринке. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что подобная сугубо современная форма свадебного торжества не сменила традиционную свадьбу в процессе своего постепенного развития и распространения, а сосуществует в настоящее время с ней *одновременно*, т. е. обе эти формы на данном этапе по степени бытования уравнивают друг друга. Более того, распределение современного свадебного застолья по поколениям респондентов оказалось такое же, как и в традиционной свадьбе с кавором, азаббаш и «сестрой невесты». Основная доля браков, оформленных просто свадебной вечеринкой, в этом массиве респондентов пришла на средний возраст (54,9%). Затем следует самый старший возраст (16,7%), близка к ним в количественных показателях молодежь (15,5%) и, наконец, респонденты в возрасте 50—59 лет (13,3%). Весьма показательно, что даже количественные характеристики их в каждой из выделенных возрастных групп близки друг другу или почти совпадают. (Ср. данные традиционных и современных свадебных вариантов в табл. 1). Подобное близкое соотношение числа традиционных и современных свадеб по возрастным группам нельзя считать случайным. Оно является, на наш взгляд, отражением сложного и длительного

процесса «испытания обрядов в действии», поисков наиболее оптимальных вариантов свадебной обрядности в наши дни.

б) Варианты свадебного путешествия

Материал этносоциологического опроса показал, что свадебное путешествие в практике населения Еревана имеет пока довольно ограниченную сферу применения и медленные темпы распространения. Оно было зафиксировано как в самостоятельной форме, так и в сочетании со свадебным торжеством—традиционным либо с современным застольем (см. табл. 1).

Незначительное распространение свадебного путешествия в наши дни имеет ряд весомых объективных и субъективных причин. Одной из них является тот факт, что само свадебное путешествие—форма для армян новая, не имеющая традиционных истоков²⁷ и потому довольно медленно вживающаяся в их современную свадебную обрядность. Поэтому и оформление брачного союза новейшим в этом смысле способом—одним лишь свадебным путешествием (без свадьбы)—занимает весьма скромное место среди всех зафиксированных браков. Здесь в определенной степени проявляется осторожность, поскольку это не просто новая, но и непривычная форма («без свадьбы, да в свадебное путешествие»). Зафиксирована она лишь у 1,8% супружеских пар. Однако и в подобных случаях проводы (либо встреча) молодоженов не обходятся без предварительного (последующего) застолья, пусть даже в самой скромной форме среди узкого круга ближайших родственников и друзей, которое «настоящей свадьбой» при этом не считают (опять-таки действует оценочное восприятие). Во всяком случае, подобное свадебное путешествие отмечено лишь среди молодежи и лиц среднего возраста, т. е. возрастных групп, наиболее открытых к восприятию новых образцов.

Среди сочетаний свадебного путешествия со свадебным торжеством относительно большее распространение получили в Ереване современные свадебные застолья с последующим путешествием—4,5%²⁸. Как свидетельствуют материалы табл. 1, в нем также четко обозначается возрастной фактор. Подобный вариант оформления брачного союза совершенно не характерен для старшего и весьма малочислен среди жителей зрелого возраста (40—49 лет)—2,8%. Свое относительное развитие он получил в последние два десятилетия, начиная с середины 1960-х годов: это свадьбы супружеских пар 30—39 лет (7,2%) и молодежи (10,5%).

Этносоциологический опрос выявил и незначительную долю (1,2%) совершенно нового для армян сочетания традиционной свадьбы со свадебным путешествием. Наслоение этой модернизированной формы на традиционный свадебный ритуал свиде-

тельствует о переплетении традиционного и современного способов оформления брака, в котором проявляется следование новым модным образцам поведения, с одной стороны, и стойкий престижный характер традиционной свадьбы—с другой.

В обоих указанных сочетаниях видоизменяется само свадебное торжество, т. е. его традиционный либо современный уровень, на который накладывается свадебное путешествие. Малочисленность и слабое распространение вариантов свадебных путешествий в сочетании с проведением свадьбы объясняется, на наш взгляд, прежде всего тем, что связано со значительными материальными затратами. Это вполне объективный фактор, с которым приходится считаться, в особенности если учесть, что непосредственно сами свадебные торжества—это, как правило, многоягодные и пышные «большие свадьбы».

III. БРАКОСОЧЕТАНИЕ БЕЗ СВАДЬБЫ

Среди всех выделенных вариантов эта небольшая группа супружеских пар занимает довольно скромное четвертое место—6,6% (для сравнения: современная свадьба с кавором составила 7,5%).

Основная доля браков без проведения свадьбы зафиксирована у жителей старшего возраста (от 50 лет и старше). И это не случайно, если вспомнить соотношение времени их бракосочетаний с определенными хронологическими рамками, о чем речь шла уже выше. В определенной степени могли сыграть свою роль факторы указанного периода (20—30-х гг., а также военных и первых послевоенных лет).

Как в старшем, так отчасти и в зрелом возрасте без свадьбы обошлись отдельные жители, вступившие в брак или слишком рано (до 18 или в 18—19 лет, что в основном касается молодых женщин), или слишком поздно (27 лет и старше).

В отношении поздно женившихся можно думать, что они обошлись без свадьбы, поскольку это в основном вторичные браки, и потому эти супружеские пары не сочли нужным устройство свадебного торжества.

Что касается слишком ранних браков, то здесь, видимо, не последнюю роль сыграло несовершеннолетие юной невесты, когда брак не мог быть юридически оформлен. Но могли у них быть на то и свои сугубо личные причины.

Среди молодежи браки без проведения свадьбы отмечены лишь в возрастной группе 25—29 лет. Они крайне малочисленны—3,1%, (см. табл. 1).

Таковы в целом основные итоги исследования имеющегося материала по вопросу о том, какую свадьбу справляли жители Еревана. Этот материал (в первую очередь, данные табл. 1) дал

возможность получить точные количественные характеристики каждой из форм свадебных торжеств и выделить как их основные, так и промежуточные варианты. При этом выяснилось, что во всем множестве и разнообразии наиболее распространенными и доминирующими у армян в момент опроса оказались два свадебных варианта: 1) полная традиционная свадьба—37,1% (509 чел.); 2) современное свадебное застолье—36,9% (507 чел.). Причем, оба они в настоящее время сосуществуют друг с другом. Все же остальные формы по сравнению с ними гораздо малочисленнее и, по существу, являются их различными промежуточными вариантами, в связи с чем и сгруппированы нами соответствующим образом в табл. 1.

* *

*

Выявив основные формы свадебной обрядности армян в столичной среде, рассмотрим их теперь в свете основных социально-демографических параметров. Попытаемся проследить, как влияет каждый из них на реальную обрядовую практику, а также—через ориентацию различных слоев населения—на тенденцию, динамику ее развития.

Что касается одного из основных параметров—признака пола, то, как отмечает ряд исследователей, в практике этнографических изысканий сложилось мнение о большой роли его в этнических процессах, в частности, в сохранении ряда черт традиционной культуры²⁹. По имеющимся в нашем распоряжении материалам, сколько-нибудь существенной разницы в проведении свадебного торжества между опрошенными мужчинами и женщинами не наблюдается.

Другой важной характеристикой при подобных исследованиях является, как известно, возраст. Выше, в ходе исследования всех основных форм свадебных торжеств, мы показали наличие довольно четко выраженной прямой зависимости между проведенной свадьбой и возрастом опрошенных. Об этом наглядно свидетельствуют данные табл. 2. Поэтому, не считая нужным повторяться, подчеркнем, что они позволяют говорить о том, что возраст выступает здесь не просто как важный демографический признак, но и как категория историческая, в свадебной обрядности хронологически четко соотносящаяся с определенными этапами социально-экономической и культурной жизни.

При анализе свадебной обрядности на современном этапе не менее значимым признаком является профессиональная принадлежность жителей столицы, тесно связанная с их возрастным цензом. Подобную корреляцию проведенных свадебных торжеств не только по их возрасту, но и с учетом характера производственной деятельности (социально-профессиональных групп) в каж-

дом из трех поколений респондентов демонстрирует табл. 2. Из ее данных явствует, что от группы физического неквалифицированного труда к интеллигенции количество свадебных вечеринок нарастает³⁰, в то время как традиционные компоненты соответственно убывают³¹. Нетрудно видеть, что работники умственного труда (специалисты и руководители высшего звена, интеллигенция, а также служащие) более восприимчивы к новым формам брачности. Рабочие—как индустриального профиля, так и неквалифицированного физического труда—более привержены к традиционным формам. При этом в старшем и среднем возрастах традиционные компоненты свадьбы в целом преобладают над свадебной вечеринкой (за исключением группы интеллигенции обоих возрастов). Среди молодежи в группах служащих и интеллигенции соотношение между традиционными и современными формами выравнивается (табл. 2). Более показательно свадебное путе-

Таблица 2

Распределение традиционных и современных компонентов свадьбы в зависимости от социально-профессиональной деятельности жителей Еревана (с учетом возрастного признака), в %

Социально-профессиональная принадлежность	Традиционная свадебная форма			Современная свадебная форма	
	кавор	азаббани	„сестра невесты“	вечеринка	путешествие
Неквалифицированные работники физического труда					
18 — 29 лет	34,1	31,9	10,9	19,8	3,3
30 — 49 лет	31,4	21,8	24,5	21,1	1,2
50 и старше	33,6	26,9	26,5	12,5	1,5
Всего по группе	32,8	24,9	23,9	16,5	1,9
Квалифицированные работники индустриального профиля					
18 — 29 лет	29,8	22,3	23,4	17,0	7,5
30 — 49 лет	29,9	24,4	26,5	17,5	1,7
50 и старше	29,3	25,6	24,4	20,7	0,0
Всего по группе	29,8	24,4	25,5	17,8	2,5
Служащие					
18 — 29 лет	25,5	22,0	22,0	25,4	5,0
30 — 49 лет	29,9	24,3	21,5	22,2	2,1
50 и старше	33,9	20,3	20,3	20,3	5,1
Всего по группе	29,8	22,9	21,4	22,5	3,4
Специалисты высшей или средней квалификации					
18 — 29 лет	23,7	26,3	20,3	23,8	11,9
30 — 49 лет	25,1	18,3	18,9	30,4	7,3
50 и старше	23,4	18,2	18,9	37,9	1,6
Всего по группе	24,5	18,6	19,2	30,9	6,8
Итого	28,3	22,0	22,5	23,2	4,0

шествие : чем младше молодожены, тем оно зафиксировано чаще. Так среди интеллигенции оно отмечено в первом поколении у 11,9% супружеских пар, во втором—у 7,3%, а в третьем—лишь 1,6%.

Еще четче прослеживается взаимосвязь форм свадебного торжества с общим культурным уровнем, и в первую очередь с образовательным уровнем. При этом зависимость здесь также пропорциональная: чем ниже образование, тем сильнее выражена традиционная модель поведения: свадьбы играли с кавором, азаббашн, «сестрой невесты». И наоборот, чем выше образовательный уровень, тем больше ориентация на новые обрядовые формы. Особенно наглядно это проявилось в распределении свадебных путешествий между двумя полярными группами: малограмотными лицами (0,7%) и имеющими высшее образование—8,8% (табл. 3). Следует отметить также, что образовательный уровень выявляет довольно четкую взаимосвязь с основными выделенными социально-профессиональными группами, а также возрастом. Лица с низким образовательным уровнем, как правило, представители старшего возраста, работники квалифицированного (индустриального) профиля или совсем без квалификации; лица же со специальным или высшим образованием—это в основном служащие, специалисты и руководители среднего и высшего звена молодого и среднего возраста³².

Таблица 3

Корреляция свадебных компонентов по образованию жителей столицы в соотношении с их социально-профессиональной принадлежностью, в %

Социально-профессиональная принадлежность	Образование	Традиционная форма			Современная форма	
		кавор	азаббашн	«сестра невесты»	свадебное застолье	свадебное путешествие
Неквалифицированные работники физического труда	малограмотные	33,1	29,3	29,4	7,5	0,7
	начальное	31,6	23,0	24,4	20,6	0,4
Квалифицированные работники индустриального профиля	среднее	29,6	23,2	24,0	20,4	2,8
	среднеспециальное	28,9	24,2	21,8	23,4	1,5
Специалисты высшей и средней квалификации	высшее	23,8	18,8	18,9	29,7	8,8
Итого		28,0	21,7	22,3	23,7	4,3

Поскольку в формировании населения Еревана весьма существенным явился миграционный фактор, посмотрим, как он отразился в свадебной обрядности³³.

Бытование различных компонентов свадебной обрядности в зависимости от направления миграционного потока (от среды «выхода» к Еревану) в трех выделенных возрастных группах населения Еревана демонстрирует материал табл. 4. Роль каждого миграционного потока в формировании культурно-бытовых характеристик столицы Армении и место каждого из них в социально-культурной интеграции различных групп населения города обстоятельно исследована в данной книге Р. С. Карапетяном. В интересующем же нас плане с точки зрения бытования свадебной обрядности анализ имеющихся материалов позволяет прежде всего говорить об определяющем влиянии среды «выхода» на ее уровень—традиционный либо современный. Данные табл. 4 наглядно свидетельствуют, что среди всех выделенных групп сельские мигранты проявляют наибольшую приверженность к традиционной обрядовой практике: условно выделенную полную традиционную свадьбу справили с кавором 61,1%, с азабаши и «сестрой невесты»—по 58,3% из всех жителей младшего возраста, и соответственно 61,5%, 56,7% и 54% старшего возраста всех сельских мигрантов. Отметим, что современное свадебное застолье зафиксировано лишь у одной трети из них (36,1% в младшем и 29% в старшем возрастах). Городская среда в целом в значительно меньшей степени содействует сохранению традиционной ориентации и обрядовой практики, причем значение имеет уровень ее урбанизации и интернационализации культуры. В этом отношении наиболее характерны мигранты из других союзных республик. Если учесть, что они переехали в Ереван в большинстве своем из таких крупнейших городов, какими являются Москва, Ленинград, а также столиц закавказских союзных республик Тбилиси и Баку, то станет ясным первостепенное значение среды «выхода» этих мигрантов. Поэтому не случайно, что ее носители, живя в инонациональном окружении при переезде в Ереван были менее ориентированы на традиционные образцы поведения и обрядовой практики. У всех мигрантов, прибывших из других союзных республик, современные формы свадьбы (свадебное застолье) преобладают над традиционными (ср. их количественные характеристики в данном миграционном потоке в табл. 4). Попав в Ереван в свою национальную среду, они формируют определенное отношение к своим традиционным, национальным установкам, но процесс этот весьма длительный и потому еще не завершившийся по настоящее время.

Что касается репатриантов из зарубежных стран, то прежде всего отметим, что они привнесли при переезде в столицу Арме-

нии ряд европейских и восточных черт культуры. Их значительная приверженность к традиционному стереотипу армянской

Таблица 4

Бытование у различных групп населения свадебных компонентов, в %

Работники физического и умственного труда выделенных трех возрастных групп	Кавор	Азабаши	Сестра невесты*	Свадебное застолье	Свадебное путешествие
1	2	3	4	5	6
18 — 29 лет					
<i>Физический труд</i>					
сельские мигранты	66,7	41,9	41,9	19,0	14,3
репатрианты	—	—	—	—	—
городские мигранты из районов Арм. ССР	38,1	28,6	23,8	30,2	0,0
городские мигранты из республик СССР	66,7	55,6	55,6	44,4	11,1
<i>Умственный труд</i>					
сельские мигранты	53,3	53,3	53,3	60,0	20,0
репатрианты	—	—	—	—	—
городские мигранты из районов Арм. ССР	81,8	45,4	45,4	36,4	0,0
городские мигранты из республик СССР	23,8	23,8	28,7	57,1	19,0
<i>Всего в этом возрасте</i>					
сельские мигранты	61,1	58,3	58,3	36,1	16,7
репатрианты	—	—	—	—	—
городские мигранты из районов Арм. ССР	30,9	20,0	18,2	30,9	0,0
городские мигранты из республик СССР	20,7	20,7	20,7	30,2	9,4
уроженцы	55,6	48,6	48,6	38,0	17,6
30 — 39 лет					
<i>Физический труд</i>					
сельские мигранты	55,6	44,4	46,9	38,2	1,8
репатрианты	68,2	27,3	54,5	22,7	4,5
городские мигранты из районов Арм. ССР	59,1	50,0	50,0	34,1	4,5
городские мигранты из республик СССР	48,4	32,2	38,7	51,6	0,0
<i>Умственный труд</i>					
сельские мигранты	49,6	38,8	38,8	46,3	5,8
репатрианты	55,6	27,8	33,3	38,7	5,5
городские мигранты из районов Арм. ССР	45,3	32,8	32,8	53,1	9,3
городские мигранты из республик СССР	41,0	29,5	29,5	54,1	8,1
<i>Всего в этом возрасте</i>					
сельские мигранты	53,0	42,0	43,5	41,7	3,5
репатрианты	62,5	27,5	45,0	30,0	5,0
городские мигранты из районов Арм. ССР	50,9	39,8	41,7	45,3	7,4
городские мигранты из республик СССР	43,5	30,4	32,6	53,3	5,4
уроженцы	51,3	34,5	34,5	44,8	12,6
50 лет и старше					
<i>Физический труд</i>					
сельские мигранты	67,3	64,3	61,2	22,4	2,0
репатрианты	68,9	51,7	50,0	20,7	1,7
городские мигранты из районов Арм. ССР	59,1	31,8	31,8	38,6	4,5
городские мигранты из республик СССР	56,2	37,5	46,8	34,3	6,2

1	2	3	4	5	6
<i>Умственный труд</i>					
сельские мигранты	50,0	42,0	40,0	40,0	6,6
репатрианты	54,5	18,2	27,3	54,5	0,0
городские мигранты из районов Арм. ССР	23,7	18,6	20,3	49,1	3,3
городские мигранты из республик СССР	29,2	22,2	22,2	51,4	4,2
<i>Всего в этом возрасте</i>					
сельские мигранты	61,5	56,7	54,0	29,0	3,4
репатрианты	65,0	42,5	43,7	30,0	1,2
городские мигранты из районов Арм. ССР	38,8	24,3	25,2	44,7	3,4
городские мигранты из республик СССР	37,5	26,9	29,8	46,1	4,8
уроженцы	36,7	32,6	28,6	51,0	2,0

свадьбы в среде предыдущего местожительства связана прежде всего с условиями инонационального окружения. Сохранение армянами не только свадебных обрядовых форм, но и других традиционных установлений, а также своего родного языка, письменности, школ и т. п. было средством самосохранения нации в пределах иной государственности.

Анализируя влияние среды «выхода» мигрантов на степень сохранности традиционной обрядовой практики, необходимо учитывать существенную качественную разницу в различии между городской и сельской средой у 3-х выделенных возрастных групп населения. При вступлении в брак лиц самой старшей возрастной группы различие между городской и сельской средой было совершенно иным, чем в настоящее время. Наибольшая приверженность к традиционным свадебным установкам была отмечена среди сельских мигрантов и у них же наименее распространенной формой являлась свадебная вечеринка. В городской же среде можно заметить определенное ослабление традиционных компонентов и возрастание роли свадебной вечеринки. Этот процесс наблюдается как среди уроженцев Еревана, так и мигрантов из городов других союзных республик, а также, что особенно показательно, мигрантов из городов различных районов Армении. Если вспомнить, что бракосочетание респондентов этого поколения³⁴ пришлось в основном на 1920—1930 гг., нетрудно понять причины подобной ситуации. Как известно, многочисленные традиционные нормы, установки и обычаи более полно и дольше сохраняются в сельской среде; тем более это касается такой консервативной сферы, как семейные отношения и семейная обрядность (в частности, свадебная). Городская же среда того времени тоже имела свою специфику, накладывающую определенный отпечаток на традиционную обрядовую практику. Что представляла собой эта среда для городских мигрантов и уроженцев Еревана старшего возраста? В период их вступления в брак (20—30 гг.) это были наиболее развитые промышленные и культурные центры как в самой респу-

лике, так и за ее пределами. Для мигрантов из других республик—это в основном Тбилиси и Баку; для уроженцев—сам Ереван как столица республики. Эти города, помимо своего экономического и административного значения, выполняли одновременно и роль культурно-просветительских центров. В эту среду в большей или меньшей степени уже проникали европейские влияния, диктующие свои вкусы и в определенной степени ослабляющие традиционную ориентацию и традиционные представления. Поэтому не случайно среди всех мигрантов из городов и уроженцев Еревана в старшем возрасте зафиксировано наибольшее количество свадебных вечеринок при одновременном сохранении традиционной свадьбы в сельской среде (табл. 4).

Иное дело—младшая возрастная группа. Здесь у значительной части мигрантов социализация осуществлялась в столичной среде Еревана. Как показал ранее в данной книге Р. С. Карапетян, для них характерны более открытые связи, высокий уровень образования и социальной мобильности, ведущие к интенсивным процессам их социальной адаптации к условиям Еревана и сглаживанию различий в быту мигрантов этого возраста³⁵. Различия между сельской и городской средой в период вступления в брак этой возрастной группы (т. е. 1965—1975 гг.), естественно, качественно иные, чем в годы установления Советской власти и коллективизации хозяйств. Сама сельская среда в настоящее время все более и более урбанизируется, приобретая черты городского образа жизни. Поэтому среди всех мигрантов младшего возраста (и из сел, и из городов) нет той разницы в оформлении свадьбы современным застольем³⁶, как это наблюдается в средней и особенно в старшей возрастных группах.

Что касается свадебного путешествия, то при корреляции с миграционными группами выявляется его взаимосвязь и с возрастом опрошенных. В особенности показательны в этом отношении уроженцы Еревана и мигранты из других союзных республик, у которых среди молодежи свадебные путешествия зафиксированы чаще, чем в среднем и старшем возрастах: они в основном связаны с бракосочетанием периода 1965—1976 гг.

Таким образом, исследуемый материал позволяет говорить, что миграционный признак является одним из индикаторов в определении степени сохранности свадебной обрядовой практики.

Поскольку 2/3 населения Еревана в момент этносоциологического опроса составили мигранты, естественно допустить, что они должны находиться в контактах и связях со своими сельскими и городскими родственниками. Рассмотрим, как взаимодействуют родственные связи со степенью сохранности традиционных обрядовых форм и распространением новых, современных.

По материалам нашего исследования, подавляющее большин-

ство населения столицы (63,4%) имеет родственников в селе и поддерживает связи с ними. При этом выясняется, что от их наличия или отсутствия в немалой степени зависят сохранение традиционного обрядового поведения и распространение современных форм свадебного торжества. Материалы опроса наглядно демонстрируют эту взаимосвязь: при наличии сельских родственников показатели по традиционным свадебным компонентам выше—соответственно (29,2%; 24,5%; 24,9%), чем в случае отсутствия их (соответственно (26,6%, 18%, 18,4%); современные же свадебная вечеринка и свадебное путешествие встречаются почти в два раза реже (18,3% и 2,9% против 30,8% и 5,9%) и наоборот (табл. 5). Более того, значение имеют не просто наличие или отсутствие сельских родственников, но и степень крепости родственных уз и частота родственных контактов. При этом здесь также проявляется прямо пропорциональная связь; частые посещения села (каждый месяц или несколько раз в течение года), а следовательно, и тесные контакты с родственниками способствуют сохранению традиционной ориентации в обрядовом поведении: здесь наиболее высокие показатели традиционных свадеб (соответственно 30,5%; 24,8%; 24,2%) и наименее низкие—свадебных вечеринок (17,6%) и свадебных путешествий (2,7%). При слабо выраженных связях с сельскими родственниками соотношение традиционных и современных форм меняется в пользу последних³⁷. Следовательно, в данном случае можно говорить об определенном влиянии сельской среды в деле сохранения традиционных установок и ориентаций.

Таблица 5

Зависимость форм свадебного торжества от наличия родственников в селе, в %

Родственники в селе	Традиционные свадебные компоненты			Современные формы	
	кавор	азаббашн	„сестра невесты“	свадебное застолье	свадебное путешествие
Есть	29,2	24,5	24,9	18,3	2,9
Нет	26,6	18,0	18,4	30,8	5,9
Всего	28,3	22,1	22,5	22,9	4,0

С городскими родственниками практически все опрошенное население столицы также поддерживает тесные связи; родственные контакты при этом не ограничиваются лишь праздничными или торжественными поводами, а охватывают все разнообразие житейских ситуаций, когда прибегают к помощи и совету своих родственников. Примечательно, что в каждом отдельном кон-

кретном случае подобные контакты³⁸ в корреляции с формами свадебного торжества практически не дают существенных различий.

В сохранении традиционной обрядовой практики значение имеет не просто наличие городских родственников вообще, а—степень близости родственных отношений. Чем шире круг близких родственников, вовлеченных в городской среде Еревана в тесные взаимные контакты, тем сильнее его воздействие на традиционные установки. Среди респондентов, имеющих в Ереване родных (родители, дети) и ближайших родственников (дядя, тетья, племянники и т. п.), свадеб с традиционными компонентами было сыграно вдвое больше, чем у тех, кто в столице имеет лишь дальних родственников. Здесь так же, как и в отношении сельских родственников, нетрудно видеть прямую зависимость форм свадебного торжества от наличия (либо отсутствия) родственников в городе.

Результаты анализа свидетельствуют, что выбор свадебного торжества в значительной мере был предопределен крепостью родственных уз. Наличие городских и сельских родственников (или тех и других), постоянные и тесные контакты с ними в немалой степени явились стимулом к тому, что была сыграна традиционная свадьба с кавором, азаббашни, «сестрой невесты», т. п. При этом, чем ближе степень родства в городе и чем теснее связи с селом, тем больше процент подобных свадеб. При отсутствии же сельских родственников число традиционных свадеб снижается, но заметно возрастают современные формы—свадебная вечеринка и свадебное путешествие, превышающие в таких случаях по показателям свадьбу традиционную. Необходимо подчеркнуть, что зависимость выбора свадебного торжества от степени прочности родственных связей (и сельских, и городских) опосредована через семью, в которой вырабатываются и сохраняются (или же, напротив, утрачиваются) соответствующие ценностные ориентации и установки, в том числе и по вопросу устройства брака и проведения свадебного торжества³⁹.

Поскольку основной массив населения Еревана сформировался за счет мигрантов, об этом следует постоянно помнить, говоря о родственных связях и их влиянии на ориентацию обрядового поведения. Выше уже отмечалась роль сельской среды в сохранении традиционных установок. Она становится еще более ощутимой и конкретной с учетом крепости родственных связей на селе. Но влияние сельской среды на традиционную ориентацию этим не ограничивается. Оно оказывается более глубоким и обширным, чем это кажется на первый взгляд. Дело в том, что многочисленные городские родственники респондента-мигранта—это те же его сельские сородичи, также переехавшие в Ереван,

но проживающие здесь отдельно от него. Следовательно, при тесных городских родственных контактах в сфере семейно-родственных отношений ареал влияния сельской среды оказывается более широким, действующим не только в родном селе мигранта (его предыдущем местожительстве), но и в самом городе. В урбанизированную столичную среду мигранты привносят определенные элементы своей местной локальной специфики⁴⁰. Городская жизнь постепенно вырабатывает новый кодекс поведения и новые критерии индивидуальной культуры личности⁴¹. На первых порах, проходя период приживаемости, еще целиком не адаптировавшись, не освоившись, мигранты пока не могут полностью следовать городским образцам поведения. Поэтому в решении ряда жизненно важных вопросов они прибегают к исполнению уже готовых традиционных, привычных для них моделей поведения, выработанных в их прежней среде проживания. Это касается не только свадебной, но и похоронной, родильной и прочих сфер обрядности, а также многочисленных житейских ситуаций.

Но одновременно происходит и обратный процесс. Усвоенные в столице городские эталоны, вкусы, образцы поведения при тесных родственных контактах через своих сородичей-мигрантов Еревана переносятся, возвращаются в среду их прежнего местожительства, в первую очередь—в сельскую среду и малые города Армении. Таким образом, происходит процесс взаимообмена не только в потреблении культуры, но и традиционных образцов и современных норм по каналам родственных связей. Все эти факторы необходимо учитывать при изучении состояния городской свадебной обрядности армян в настоящее время.

Обобщая все изложенные выше данные, посмотрим, каково же соотношение законодательных основ заключения брака с проведенными свадьбами. Одним из основных законодательных актов заключения брачного союза в наши дни является, как известно, регистрация в ЗАГС-е. Материал этносоциологического исследования свидетельствует, что подавляющее большинство населения столицы (76,2%) оформило брак одновременно с проведением свадьбы. Но почти четверть опрошенных (23,7%) зарегистрировались после рождения первого ребенка. Следовательно, между самой свадьбой и регистрацией в ЗАГС-е имел место значительный временной разрыв (не менее года).

При корреляции времени регистрации брака (до или после рождения ребенка) с формами свадебного торжества (традиционного либо современного) никакой видимой связи как будто не обнаруживается (исключение составляют лишь свадебные путешествия, при которых регистрация в ЗАГС-е после рождения ребенка отмечена почти втрое реже, чем до появления первенца). Это значит, что проведение свадьбы по определенному (тра-

диционному или современному) ритуалу как бы самостоятельно, независимо от юридического оформления брака. Причем, эти два акта (регистрация в ЗАГС-е и сама свадьба) не всегда взаимосвязаны.

Несколько четче картина проявляется при более сложной (стройной) корреляции соотношения времени регистрации брака и форм свадебного торжества с необходимостью родительского согласия на брак. Как будет показано ниже, вопрос о необходимости согласия родителей на брак (позитивное или негативное отношение к нему) является важным индикатором в определении степени сохранности и приверженности к традиционному взгляду на устройство брака и семьи. Выяснилось, что при традиционной установке (считают родительское согласие обязательным) время оформления брака в ЗАГС-е (до или после рождения ребенка) не зависело от того, какую они справили свадьбу (традиционную или современную). При негативном же подходе к родительскому согласию чаще обращение в ЗАГС уже после рождения ребенка, что наиболее заметно среди лиц, справивших свадьбу в виде современного свадебного застолья (28,1% против 20,7% при соответствующем подходе к данной установке).

Показательно также в этом отношении поведение колеблющихся⁴². Хотя число их не велико, тем не менее даже в этой сравнительно небольшой группе населения можно проследить определенную связь между временем регистрации брака в ЗАГС-е и формой проведенного свадебного торжества. Это значит, что среди лиц, не имеющих твердой убежденности в необходимости родительского согласия, но все же сыгравших свою свадьбу по традиционному образцу, оформление бракосочетания в ЗАГС-е большей частью совпало со свадьбой (т. е. до рождения ребенка) и в меньшей степени было приурочено к рождению первенца (регистрация после рождения ребенка).

В той же группе среди отметивших это торжественное событие по современному образцу чаще встречается оформление брака в ЗАГС-е после рождения ребенка.

Нетрудно видеть, что в наши дни в свадебной обрядности армян форма проведенного свадебного торжества (реальное поведение) по отношению к регистрации в ЗАГС-е выступает опосредованно, через отношение к родительскому согласию (традиционное мышление и установка). Здесь на первом плане оказались оценочные ориентации, имеющие корни в народных воззрениях не только на устройство брака, но и роль женщины в семье. Обширный этнографический материал свидетельствует, что, согласно традиционным представлениям, в прошлом женщина в армянской большой семье рассматривалась не просто как хозяйка, работница, труженица, а в первую очередь как продолжательница

рода. Подобное отношение к ней было настолько прочно укоренившимся, что народный обычай допускал даже содержание второй жены в случае бесплодия законной супруги.

С другой стороны, не следует забывать, что в традиционной армянской свадьбе брак обязательно освящался церковью⁴³. Однако в народном быту вступление в брак, бракосочетание имело истинное признание не венчанием в церкви, а устройством и проведением самой свадьбы. Свадьба, свадебное торжество были призваны общественно оформить создание новой молодой семьи; церковное же венчание являлось юридическим законодательным актом, в свое время вплетенным церковью в народный свадебный ритуал⁴⁴.

Наши данные подтверждает и опыт Дворца бракосочетаний Еревана: со дня его основания (в апреле 1980 г.) значительное число молодоженов зарегистрировало здесь свой брак через некоторое время после свадьбы⁴⁵.

При регистрации брака в ЗАГС-е определяющее значение имеет возраст респондента, а также его культурный, в частности образовательный, уровень. Так, данные табл. 6 наглядно свидетельствуют, что у лиц старшего возраста более чем в полтора раза чаще, чем у молодежи, браки регистрировались после рождения ребенка, т. е. значительное время спустя после свадьбы. Вспомним, что годы молодости и создания семьи теперешнего старшего поколения пришлись на период, когда с установлением Советской власти церковь была отделена от государства (отмечено и венчание в церкви), а оформление браков в ЗАГС-е в официальном законодательном порядке еще только внедрялось в быт. Это был так называемый «безрелигиозный период», когда, с одной стороны, начали справлять комсомольские свадьбы, «красные крестины», похороны без попа и т. п., а с другой — наметилось ингилистическое отношение к самой обрядности как таковой, рассматриваемой как религиозный пережиток прошлого. В этих условиях понятие традиционного отношения к свадьбе: именно свадьба, а не регистрация в ЗАГС-е считалась исконным способом оформления брака. Стойкость этого традиционного взгляда армян на свадьбу подтверждается и тем, что в наши дни часть молодежи (16,3%), справив свадьбу, зарегистрировала свой брак уже после рождения ребенка (свадьбы 1965—1975 гг.).

О формальном характере регистрации брака в ЗАГС-е у определенной части населения столицы свидетельствуют и другие индикаторы: среди лиц с низким образовательным уровнем зарегистрировали брак после рождения ребенка в среднем более 30 супружеских пар (в основном старшего возраста), в то время как имеющие высшее образование — лишь 14,7% (в основном молодежь). Такое же различие заметно в социально-профес-

сиональных уровнях, особенно сильно проявляющееся в младшем возрасте: здесь зарегистрировали свой брак после рождения ребенка 27,6% работников неквалифицированного физического труда и 9,4% представителей умственного труда; в старшей же группе эти данные соотносятся как 34,1% и 26,6%. Обращает на себя внимание, что между оформлением брака в ЗАГС-е (до или после рождения ребенка), возрастом жителей города и их социальным статусом обнаруживается та же зависимость, что и в распределении традиционных и современных форм самой свадьбы, о чем речь шла уже выше.

Таблица 6

Регистрация браков в ЗАГС-е в трех основных возрастных группах населения столицы, в %

Возраст	Регистрировали брак в ЗАГС-е	
	до рождения ребенка	после рождения ребенка
18 — 29 лет	83,7	16,3
30 — 49 лет	75,4	24,6
50 лет и старше	71,8	28,2
Всего	75,7	24,3

Нетрудно видеть, что в настоящее время проведение свадьбы у армян — это не просто стремление красочно и торжественно отметить столь важное жизненное событие, знаменательный повод собрать своих родных, родственников, друзей. Это еще и традиционный способ общественного оформления и закрепления брачного союза молодоженов, причем даже в тех случаях, когда регистрация бракосочетания в ЗАГС-е и свадьба происходят одновременно⁴⁶. Весьма примечательно, что при опросе некоторые жители сами давали подобное объяснение, говоря, что «чем больше народу на свадьбе, тем большую огласку она получает, с одной стороны, и тем больше ответственность молодых перед сородичами за свою будущую семью — с другой».

При исследовании свадебной обрядности одним из индикаторов, определяющих степень приверженности к традиционным установкам, является вопрос о необходимости родительского согласия на брак. Он относится не столько непосредственно к реальной обрядовой практике, сколько к области традиционных представлений и мировоззрений народа на устройство и заключение брака.

Прежде всего обратим внимание, что подавляющее число свадеб — 59,7% — независимо от их формы было сыграно с роди-

тельского согласия, и лишь немногим более трети респондентов—36,7%—сочли его необязательным. Отметим также, что о живучести этого традиционного взгляда армян в наши дни свидетельствует и опыт Дворца бракосочетаний: в случае подачи заявлений против воли или без ведома родителей, такие пары, как правило, затем регистрироваться не приходят, т. е. в брак они в большинстве случаев все же не вступают⁴⁷.

При положительном отношении к необходимости родительского согласия традиционные свадьбы были сыграны несколько чаще (кавор, азаббашн, «сестра невесты» соответственно, 29,9%, 23,2% и 23,4%), чем при негативном подходе к данному вопросу (26,2%, 20% и 20,9%). В это же время при отказе от традиционной установки на устройство брака, современные свадебные формы, как показывает материал табл. 7, встречаются чаще, чем в случае позитивной ориентации,—современное свадебное застолье составило 27,2%, а свадебное путешествие—5,7% против соответственно 20,7% и 2,8%. Следовательно, можно говорить о том, что отношение к родительскому согласию на брак в немалой степени определило соответствующую форму самой свадьбы и проведение ее по традиционному либо современному ритуалу.

Таблица 7

Зависимость формы проведенного свадебного торжества от отношения к родительскому согласию, в %

Согласие родителей на брак	Форма свадебного торжества				
	с кавором	с азаббашн	с сестрой невесты*	свадебное застолье	свадебное путешествие
Обязательно	29,9	23,2	23,4	20,7	2,8
Нет	26,2	20,0	20,9	27,2	5,7
Затруднились ответить	24,5	22,3	22,3	27,6	3,3
Всего	28,4	21,9	22,4	23,4	3,9

Анализ демографических характеристик свидетельствует о том, что фактор пола здесь существенной роли не играет, поскольку соотношение ответов у всех опрошенных мужчин и женщин оказалось практически равнозначным. Это относится не только к итоговым данным⁴⁸, но и к мужчинам и женщинам внутри одной и той же возрастной группы.

При решении данного вопроса одним из существенных факторов выступает возрастной признак. Исследуемый материал выявляет непосредственную связь его с отношением к родительскому согласию на брак: чем старше человек, тем сильнее и беском-

промиснее его приверженность к традиционному взгляду на устройство брака с обязательного согласия родителей. При этом значительную традиционную ориентацию проявляют лица не только старшего (67,8%), но и среднего возрастов (59,3%) (см. табл. 8).

Таблица 8

Зависимость родительского согласия на брак от возраста жителей, в %

Возраст	Согласие обязательно	Необязательно	Затруднились ответить
I возрастная группа	35,8	59,8	6,6
II возрастная группа	59,3	36,6	4,1
III возрастная группа	67,8	29,7	2,5
Всего	57,1	38,9	4,0

Здесь нелишне напомнить, что устройство брака и проведение свадьбы у армян в прошлом не просто осуществлялось с ведома родителей, а было их неотъемлемой обязанностью, подкрепляемой нормами обычного права. Более того, как и у некоторых других народов, в вопросе выбора невесты решающее слово принадлежало старшим в доме (деду, отцу, матери), и симпатии и желания будущего жениха при этом могли не приниматься во внимание, не говоря уже о том, что симпатии девушки вовсе не учитывались.

Поэтому нетрудно понять позицию старшего поколения в данном вопросе, а также и то, почему среди них меньше всего колеблющихся: для лиц этой возрастной группы брак без родительского согласия попросту немыслим.

Молодежь же проявила в этом вопросе прямо противоположную позицию: лишь немногим более трети ее (35,8%) считает родительское согласие необходимой предпосылкой заключения брака. Для большинства же молодых людей оно представляется необязательным (59,8%). Вместе с тем обращает на себя внимание в данной возрастной группе и наибольший процент колеблющихся, т. е. не имеющих твердого убеждения в данном вопросе: их оказалось в 2,5 раза больше, чем стариков (табл. 8).

С возрастным статусом непосредственно связано и семейное положение жителей города. В начале нашего исследования мы уже представили общую картину их семейного состояния по возрастным когортам. При анализе их отношения к родительскому согласию на брак подтверждается влияние возрастного признака на соответствующую ориентацию в этом вопросе холостых и женатых. Среди всех опрошенных женщины незамужние продемонст-

пировали значительный отход от традиционной установки на устройство брака. Это связано с тем, что среди них наибольшая доля приходится на младший возраст. Среди замужних женщин, составивших основу среднего возраста, соотношение между традиционным и современным представлением в процентном отношении несколько выравнивается, но находится оно в противоположном отражении: здесь весьма ощутима приверженность к традиционному взгляду на брак и свадьбу. Наиболее же сильна приверженность к традиционному стереотипу у старшего возраста, куда наряду с замужними женщинами входят вдовы и разведенные (табл. 9).

Таблица 9

Роль возрастного признака в отношении к родительскому согласию на брак в зависимости от семейного положения

Возраст	Семейное состояние	Согласие обязательно	Необязательно	Затруднились ответить
18 — 29 лет	холостые и замужние женщины, вдовы, разведенные, замужние	36,7	57,0	6,3
30 — 49 лет		56,4	40,0	3,6
50 лет и старше		66,6	29,6	3,8
Итого		54,3	40,6	5,1

Эта же зависимость четко проявляется и через образовательный уровень, непосредственно связанный с возрастом. Поскольку молодежь имеет в целом более высокий образовательный уровень, то и здесь в решении данного вопроса выявилась та же картина. При минимальном образовательном уровне за необходимость родительского согласия выказалось подавляющее большинство (в среднем более 80%) опрошенных жителей столицы, в то время как при высшем образовании — практически вдвое меньше. Материалы табл. 10 наглядно свидетельствуют, что от наименьшего образовательного уровня (старший возраст) к высшему (младший возраст) традиционная убежденность в решении рассматриваемого вопроса постепенно ослабевает и, наоборот, с повышением его уровня отход от традиционной установки на устройство брака проявляется сильнее.

Эту же тенденцию подтверждают и ответы среди тех, кто колеблется в решении данного вопроса, причем наибольший процент (6,7%) составляют окончившие вузы. Следовательно, у этой категории лиц нет четкой ориентации в отношении необходимости родительского согласия на брак. И если более половины (53,6%) всех опрошенных жителей Еревана сохраняют традиционную

убежденность в необходимости родительского согласия при заключении брака, то другая часть (41,9%) придерживается более современного и независимого взгляда на решение данного вопроса, причем именно за счет более высокого образовательного уровня (табл. 10).

Таблица 10

Зависимость родительского согласия на брак от образования жителей Еревана, в %

Образование	Согласие обязательно	Необязательно	Затруднились ответить
Малограмотные	84,5	15,5	0,0
Начальное	79,7	19,7	0,6
Среднее	54,9	41,8	3,3
Среднеспециальное	57,5	37,4	5,1
Высшее	41,9	51,4	6,7
Итого	53,6	41,9	4,5

В сложном механизме межпоколенной передачи информации и усвоения наследия прошлого происходит постепенное угасание традиционных установок по вертикали—от старшего возраста к младшему. В настоящее время в этом сложном и длительном процессе весьма важную роль играет значительно более высокий уровень социализации молодежи. Но в реальной обрядовой практике она, тем не менее, вынуждена считаться с мнением и авторитетом старших,

Среди лиц, занятых физическим трудом, подавляющее большинство ориентировано на традиционную установку заключения брака (в среднем более 60%). Среди работников умственного труда она в значительной мере уже ослаблена (соответственно 45,9% и 47,8%). Более того, у них в настоящее время почти выравнивается соотношение между группами лиц, позитивно и негативно относящихся к решению данного вопроса⁴⁹. Показательна также картина колеблющихся, которых здесь практически вдвое больше, чем среди работников физического труда (табл. 11).

Дифференцировав каждую из социально-профессиональных групп по возрастным группам, можно наблюдать также указанную выше тенденцию угасания традиционного представления на устройство брака по вертикальной схеме: от старшего возраста к младшему (табл. 11). Во всех выделенных группах старики четко придерживаются традиционного взгляда и наоборот, молодежь не разделяет мнения старших и высказывает противоположную точку зрения. Следовательно, в данном случае можно гово-

рять, о том, что социально-профессиональная принадлежность выступает доминантой в решении данного вопроса, а возрастной признак проявляется на ее фоне.

Таблица 11

Зависимость отношения к родительскому согласию на брак от социальной принадлежности жителей Еревана (с учетом возрастного фактора), в %

Социально-профессиональная и возрастная группа	Отношение к родитель- скому согласию		
	обязательно	необязательно	затрудни- лись ответить
Неквалифицированные работники физического труда			
18 — 29 лет	40.5	52.9	6.6
30 — 49 лет	69.9	27.4	2.7
50 и старше	75.0	23.5	1.5
Всего в данной группе	64.9	31.9	3.2
Квалифицированные работники индустриального профиля			
18 — 29 лет	43.9	53.2	2.9
30 — 49 лет	63.6	32.8	3.6
50 и старше	85.2	14.8	0.0
Всего в данной группе	60.0	37.4	2.6
Служащие			
18 — 29 лет	30.8	61.8	7.4
30 — 49 лет	51.8	45.7	2.5
50 и старше	65.9	28.8	5.3
Всего в данной группе	45.9	48.9	5.2
Специалисты высшей и средней квалификации			
18 — 29 лет	32.2	59.9	7.9
30 — 49 лет	53.6	40.8	5.6
50 и старше	56.2	40.2	3.6
Всего в данной группе	47.8	46.8	5.4
Итого	53.9	41.5	4.6

Такова картина в решении данного вопроса в целом среди всего контингента супружеских пар, занятых в различных сферах производственно-трудовой деятельности. Сравним их с теми, чьи супруги в момент опроса не были заняты трудовой деятельностью (пенсионеры, домохозяйки, учащаяся молодежь). Данные табл. 12 свидетельствуют о том, что среди брачных пар при одном из неработающих супругов показатели приверженности к традиционному взгляду в целом выше (67,1%) и колеблющихся среди них значительно меньше (1,4%), чем у обонх работающих супругов (соответственно 54,4% и 4,8%). Причем картина эта

наблюдается не только во всем массиве опрошенных жителей Еревана, но и в каждой отдельно взятой социально-профессиональной группе (ср. в табл. 12). Можно думать, что в данном случае невовлеченность в сферу трудовой и общественной деятельности и ограниченность, замкнутость семейно-бытовыми рамками в определенной степени способствуют большей сохранности традиционных установок.

Таблица 12

Отношение жителей столицы к родительскому согласию на брак в зависимости от характера производственной деятельности и степени занятости в нем, в %

Социально-профессиональная принадлежность	Занятость в производственной сфере	Согласие на брак		
		обязательно	нет	затруднился ответ.
Неквалифицированные работники физического труда	оба работающих супруга один неработающий (домохозяйка, пенсионер)	62,0 82,9	34,8 17,1	3,2 0,0
Квалифицированные работники индустриального профиля	оба работающих супруга один неработающий (домохозяйка, пенсионер)	62,5 69,8	32,8 28,9	4,7 1,3
Служащие	оба работающих супруга один неработающий (домохозяйка, пенсионер)	44,8 65,6	50,6 34,4	4,6 0,0
Специалисты высшей или средней квалификации	оба работающих супруга один неработающий (домохозяйка, пенсионер)	49,8 56,6	44,6 40,4	5,6 3,0
Итого	оба работающих супруга	54,4	40,8	4,8
	один неработающий	67,1	31,5	1,4

Однако и здесь наблюдается отмеченная выше тенденция убывания традиционной ориентированности по вертикали: среди работников неквалифицированного физического труда при одном неработающем супруге установка на необходимость родительского согласия сохраняется более стойко, чем у специалистов высшей квалификации. Следовательно, не только социально-профессиональному статусу, но степени занятости производственной де-

тельностью принадлежит важная роль в позитивном или негативном решении этого важного вопроса при устройстве брака и семьи.

Что касается такой важной для Еревана характеристики, как миграционный признак, то в решении вопроса о необходимости родительского согласия на брак и здесь проявляется общая тенденция каждого из выделенных миграционных потоков.

Прежде всего обращает на себя внимание, что в решении данного вопроса первостепенное значение приобретает возраст. Как наглядно свидетельствуют материалы табл. 13, в старшей возрастной группе не наблюдается существенных различий между уроженцами Еревана, сельскими мигрантами и, что особенно показательно, всеми мигрантами из других городов независимо от места их выхода: районов Армянской ССР или других союзных республик (за некоторым исключением репатриантов, дающих несколько более высокий показатель приверженности к традиционному взгляду). Все пожилые мигранты, наряду с уроженцами столицы, почти в равной степени проявляют четкую ориентацию на устройство брака традиционным путем.

Таблица 13

Отношение населения города к традиционной установке на устройство брака, в %³⁰

Работники физического и умственного труда в 2-х выделенных возрастных группах	Считают родительское согласие на брак необходимым	
	18 — 29 лет	50 лет и старше
Работники физического труда		
сельские мигранты	52,8	68,6
репатрианты	70,8	81,0
городские мигранты из районов Армянской ССР	27,9	67,8
городские мигранты из союзных республик	14,2	84,8
Работники умственного труда		
сельские мигранты	28,2	64,7
репатрианты	52,6	78,2
городские мигранты из районов Армянской ССР	28,5	58,3
городские мигранты из союзных республик	22,9	50,0
Всего в этом возрасте		
сельские мигранты	41,5	67,3
репатрианты	62,8	80,3
городские мигранты из районов Армянской ССР	28,3	66,6
городские мигранты из союзных республик	20,3	60,7
Уроженцы Еревана	38,7	61,5

Наиболее существенным здесь является то, что, как было показано выше Р. С. Карапетяном, переезд мигрантов старшего возраста в Ереван в основном происходил в составе семьи, сохраняющей в городе долгое время те нормы поведения и отношения, которые сложились в среде предыдущего местожительства⁵¹.

В младшей же возрастной группе уже довольно четко обозначается различие миграционного потока. Здесь в ней лишь репатрианты выражают четкую ориентацию на необходимость родительского согласия на брак—62,8%.

Наиболее же показательно влияние исходной «среды» среди городских мигрантов. У молодежи, рожденной в самом Ереване, проявился значительный отход от традиционной установки на устройство брака и лишь немногим более трети ее (38,7%) придерживается мнения о необходимости родительского согласия на брак. Еще ниже этот показатель среди молодых людей, переехавших в столицу из различных городов Армении—28,3%; не менее же низок он у молодых мигрантов, прибывших из других союзных республик,—20,3% (практически всего лишь у одной пятой части их). В данном случае урбанизированная и интернациональная «исходная среда» в значительной мере способствовала отходу и утрате традиционной ориентации и установлению у них открытых связей и контактов (производственных, дружеских) и соответствующих норм поведения, которые в столице Армении функционируют у этих мигрантов уже независимо от их социального роста (см. табл. 13).

При корреляции данного вопроса и со степенью прочности родственных связей (как городских, так и сельских) обращает на себя внимание, что жители Еревана старшего возраста, независимо от своего предыдущего местожительства, будучи в большей степени, чем молодежь, ориентированы на родственные связи, значительно более единодушны и во мнении о необходимости родительского согласия на брак: в его пользу высказались 61,5% уроженцев города, 67,3%—сельских мигрантов, 66,6% мигрантов из городов Армянской ССР, 60,7%—из других союзных республик, 80,2% репатриантов из зарубежных стран.

Молодежь же, при широком выборе производственно-дружеских контактов, поддерживает и осуществляет родственные связи в основном через ценностные ориентации и установки своей собственной семьи⁵². Иными словами, семья респондента является той наглядной моделью, которая формирует у него соответствующее отношение к кругу родственников и степень прочности родственных уз, а через них—и к традиционной установке на устройство брака. В подавляющем же большинстве молодежи—и уроженцы столицы, и мигранты—независимо от «мест выхода»—не

разделяет полностью традиционного представления на заключение брака и родительское согласие во многих случаях обязательным не считает (см. табл. 13).

Нетрудно видеть, что обрядовая практика армян и на современном этапе в определенной степени обусловлена кругом традиционных представлений и установок на устройство брака, сохраняемых в ценностных ориентациях семьи.

2. ПРЕДПОЧТАЕМЫЕ СПОСОБЫ ОФОРМЛЕНИЯ БРАКА

В свете выявленного выше разнообразия в настоящее время вариантов свадебной обрядности армян немаловажное значение приобретает вопрос о тенденции ее развития в ближайшие годы. Актуальность данной проблемы особенно остро встает в связи с тем, что она имеет не только научно-теоретическое, но и непосредственно практическое прикладное значение.

В этносоциологическом обследовании г. Еревана индикатором прогнозирования и выявления тенденции развития этой важной сферы семейных отношений служил вопрос: «Какую свадьбу Вы бы предпочли, если бы смогли справить ее сейчас?». Предполагались при этом следующие основные типы ответов: 1) свадьбу с традиционными элементами; 2) современную свадебную вечеринку (застолье); 3) свадебное путешествие. Следует подчеркнуть, что данный вопрос Опросного листа позволяет наметить не только прогноз свадьбы у армян, но и вскрыть реальную картину соответствия представлений и установок на устройство брака и свадьбы с их реализацией—проведением жителями столицы собственной свадьбы по определенному ритуалу. Иными словами, выявить соотношение желаемых (предпочитаемых) и реально действующих образцов свадебной обрядовой практики, в связи с чем они анализируются в одних и тех же аспектах по одинаковым параметрам.

Исходя из имеющегося в нашем распоряжении материала (табл. 14), рассмотрим прежде всего, какой свадьбе отдают предпочтение две указанные группы населения Еревана (т. е. сами справившие либо традиционную свадьбу, либо свадебную вечеринку).

Обращает на себя внимание следующее немаловажное обстоятельство. Среди жителей города, справивших свою свадьбу с традиционными компонентами, подавляющее большинство отдали предпочтение именно этой форме свадебного ритуала. Здесь четко выраженная ориентация, предпочтение традиционного стереотипа обрядовой практики проявляется во всех возрастных группах.

Следовательно, у этой категории опрошенных предпочитае-

мые формы и реальное обрядовое поведение (своя собственная свадьба) в целом совпадают: имеющаяся у них установка на устройство брака и проведение самой свадьбы были реализованы соответствующим образом в свадьбу с традиционными элементами.

Таблица 14

Предпочтение свадебных форм в выделенных возрастных группах населения Еревана среди справивших традиционную и современную свадьбу, в %

Возраст	Справили традиционную свадьбу							Справили свадебное застолье	
	предпочитают								
	свадьбу с традиционными элементами	свадебное застолье	свадебное путешествие	свадьбу с традиционными элементами	свадебное застолье	свадебное путешествие	затруднились ответить		
18 — 29 лет	55,9	29,7	14,4	35,9	35,9	26,9	1,3		
30 — 39 лет	68,7	21,9	9,4	38,3	46,1	15,6	—		
40 — 49 лет	84,9	8,4	6,7	40,8	38,8	20,4	—		
50 — 59 лет	83,1	13,8	3,1	40,4	41,8	13,4	4,4		
60 и старше	77,4	16,2	6,4	40,5	44,0	13,1	2,4		
Всего	73,9	17,9	8,2	39,7	41,9	18,3	1		

Несколько иначе обстоит дело во второй категории — среди отметивших свое бракосочетание свадебным застольем. Здесь, в отличие от первой категории, нет четко выраженной преобладающей формы предпочитаемого торжества. Количественные показатели предпочтения традиционной либо современной свадьбы тут почти выравниваются. Заметим, что численность опрошенных в каждой из двух основных указанных категорий почти равнозначна. Но если выбор традиционной либо современной свадьбы в первой категории (отметивших традиционную свадьбу) соотносится как 73,9% и 17,9%, то во второй категории (отметивших свадебной вечеринкой) он распределяется соответственно как 39,7% и 41,9%. Следовательно, в последней группе лишь менее половины жителей столицы (41,9%) свое предпочтение современной свадьбы реализовали собственной свадебной вечеринкой. Другая, не меньшая часть из них, отметив вступление в брак в подобной же современной форме, тем не менее предпочтительной считает свадьбу с традиционными компонентами (табл. 14). Как можно видеть, в данном случае произошло расхождение желаемых форм и реальной обрядовой практики.

Вместе с тем обращает на себя внимание весьма значительное (вдвое и более) предпочтение свадебного путешествия во вто-

рой категории жителей столицы по сравнению с первой. Оно четко проявляется не только в итоговых данных таблицы, но и по возрастным группам, нарастая, как и следовало ожидать, от старшего поколения к младшему. Выравнивание оценочных ответов в выборе традиционной либо современной свадьбы во второй категории опрошенных, а также благожелательность в отношении свадебного путешествия лишний раз подтверждают уже отмеченную выше ситуацию испытания свадебных обрядов в действии, апробацию их жизненной практикой.

Рассмотрим теперь, каково взаимоотношение предпочитаемых форм свадебного ритуала с установкой на необходимость родительского согласия на брак. Обращает на себя внимание здесь та же зависимость, что и в непосредственной обрядовой практике (форме уже проведенного свадебного торжества).

При положительном отношении к обязательности родительского согласия на брак те, кто сыграли традиционную свадьбу, отдают ей значительное предпочтение (74,5%) и в прогнозе. На практике это означает, что при первой же возможности традиционный образ мышления получит воплощение, реализуется именно в свадьбу с традиционными элементами; у наиболее современного вида—свадебного путешествия—при этом наименьшее число сторонников (8,8%).

При современных же способах оформления брака ориентированность на традиционную свадьбу снижается: ей отдали предпочтение лишь 44,2% жителей столицы, отметивших это событие свадебным застольем, и 29% ездивших в свадебное путешествие. Но среди них большая часть благосклонно настроена именно на те современные формы, к которым обратились они сами. Здесь наибольшего внимания заслуживают супружеские пары со свадебным путешествием, поскольку у них оказались почти равнозначными данные о предпочтении традиционной свадьбы (соответственно 29% и 27,2%. См. табл. 15). Учитывая, что в этой группе наиболее желаемым оказалось свадебное застолье (43,8%) и высказано наиболее положительное отношение к свадебному путешествию, возможно предположить, что в данном случае обязательность родительского согласия носит в определенной степени условный, формальный характер. Можно думать, что среди этих супружеских пар необходимость родительского согласия является не их внутренним убеждением, а скорее данью традиции, а нередко—уступкой старшему поколению (табл. 15).

Среди тех, кто *не считает* родительское согласие обязательной предпосылкой брака, наблюдается сходное с указанным выше соотношение традиционных и новых форм, но тенденция эта выражена уже слабее (65,6% против 74,5%), а отношение к современным формам—свадебному застолью и свадебному путешествию—

более положительное (соответственно 24,2% и 10,2% против 16,7% и 8,8%).

Таблица 15

Предпочтение свадебного торжества в зависимости от отношения к родительскому согласию на брак и формы проведенной свадьбы, в %

Отношение к родительскому согласию	формы проведенной свадьбы	Предпочитают		
		традицион- ную свадьбу	свадебное застолье	свадебное путешествие
Согласие необходимо	с кавором	73,4	17,4	9,2
	азаббашин	74,5	16,2	9,3
	«сестрой невесты»	75,8	16,3	7,9
	свадебное застолье	44,2	38,3	17,5
	свадебное путешествие	29,0	43,8	27,2
Согласие не обязательно	с кавором	64,2	26,6	9,2
	азаббашин	67,4	21,3	11,3
	«сестрой невесты»	65,5	24,0	10,5
	свадебное застолье	37,5	44,0	18,5
	свадебное путешествие	21,2	48,4	30,5

Материал табл. 15 позволяет говорить о том, что с отходом от традиционного представления на устройство брака прямо связано более быстрое усвоение новых, современных образцов поведения и в предпочитаемой свадьбе более одобрительное отношение к нетрадиционным способам оформления бракосочетания. Среди этой части населения города наименьшее количество сторонников традиционной свадьбы (21,2%) и наибольшее—современных форм: дружеского застолья—48,4% и свадебного путешествия—30,5%.

В предпочтительности свадебного торжества, как и в самой обрядовой практике, фактор пола существенной роли не играет: за свадьбу с традиционными элементами высказалось 49,7% мужчин и 53,4% женщин; за свадебную вечеринку (застолье)—34,6% мужчин и 30,5% женщин; за свадебное путешествие—соответственно 47,6% и 52,3%.

В данном случае весьма существенна роль возраста. При этом, как и следовало ожидать, старшее поколение более ориентировано на традиционный стереотип свадьбы (63,1%). Чем моложе возраст, тем больше предпочтение отдается новым формам—свадебному застолью и свадебному путешествию (у молодежи вдвое чаще—21,4% против 10,8% старшего возраста). Отметим, что аналогичной была ситуация и самих сыгранных свадеб (см. табл. 1).

Но если в этом аспекте сопоставить проведенные и предпочи-

таемые (желательные) свадьбы, то получится весьма интересная картина (табл. 16).

Таблица 16

Соотношение проведенных и предпочитаемых свадебных форм в зависимости от возраста жителей Еревана, в %

Возраст жителей	Реальное и предпочитаемое поведение	Свадебные формы		
		традиционная свадьба	свадебное застолье	свадебное путешествие
18 — 29 лет	справили	71,7	20,5	7,8
	предпочитают	41,4	37,2	21,4
30 — 49 лет	справили	71,6	24,4	4,0
	предпочитают	53,4	31,6	15,0
50 и старше	справили	75,7	36,4	2,9
	предпочитают	62,3	27,3	10,4
Итого	справили	66,9	26,9	6,2
	предпочитают	51,8	32,7	15,5

Эти данные заслуживают пристального внимания, поскольку свидетельствуют о расхождении между проведенным и предпочитаемым способом закрепления брачного союза. Во всех трех возрастных группах реальная обрядовая практика не соответствует полностью желанию населения столицы, причем это касается как традиционной, так и современной свадьбы. В отношении традиционной свадьбы разрыв между проведенным и предпочитаемым свадебным торжеством нарастает от старшего возраста к младшему (табл. 16). Это означает, что при устройстве и проведении свадьбы по традиционному образцу значительная часть супружеских пар, особенно среди молодежи, руководствовались не столько своими пожеланиями, сколько сложившейся семейно-родственной ориентацией. Об этой же тенденции свидетельствует и разрыв реальной и предпочитаемой обрядовой практики современных форм — свадебного застолья и свадебного путешествия.

Как явствует из табл. 16, их могло быть значительно больше, чем имело место в действительности. Особенно значителен разрыв в отношении предпочитаемого и на практике претворяемого свадебного путешествия, являющегося в настоящее время наименее развитой формой закрепления брачного союза. В действительности же, как свидетельствуют наши материалы, это весьма предпочитаемая среди населения города форма, пока еще слабо претворяемая в жизнь.

Подчеркнем также, что среди всех возрастных групп в исследуемом вопросе для нас наиболее важно мнение младшего поколения, поскольку оно выступает здесь как «непосредственно заинтересованное лицо». Это ответы либо холостой молодежи, ко-

торая в ближайшие годы должна вступать в брак, либо семейной молодежи, создавшей семью в последние годы (браки 1965—1976 гг.).

Анализ опроса подтвердил предполагаемую нами значительную ориентированность молодежи на современные формы—им отдали предпочтение 65,7% незамужних женщин⁵³. Наиболее же показательна в этом поколении позиция молодых замужних женщин, среди которых лишь 43,7% отдали предпочтение свадьбе с традиционными элементами; другая же, несколько большая часть их (56,2%) высказалась за свадебную вечеринку и свадебное путешествие.

Среди замужних женщин зрелого возраста, как состоящих в браке в момент опроса, так и до него (вдовы и разведенные), более половины выбрали традиционный образец свадебного торжества: они, как правило, проецируют привычный обрядовый стереотип и на условия сегодняшнего дня. Однако более примечательным можно считать, что и среди них (т. е. во II и III возрастных группах) многие оказались приверженцами современных форм—свадебной вечеринки и свадебного путешествия: среди всех замужних соответственно 28,8% и 15,9%, среди вдов и разведенных—22,5% и 14,2%. Можно предположить, что к этому убеждению привел их опыт собственной свадьбы, как и вообще жизненный опыт, подсказывающий наиболее целесообразную и приемлемую с их точки зрения форму закрепления брака с позиций сегодняшнего дня.

Наряду с возрастом социально-профессиональный статус жителей Еревана также самым непосредственным образом связан с предпочтением соответствующих форм свадебного торжества, о чем свидетельствуют данные табл. 17.

Работники физического труда не только в значительно большей степени, чем умственного, сохраняют традиционную обрядовую практику, но подобным же образом и ориентированы в своем отношении к ней. Среди них подавляющее большинство высказались за свадьбу с традиционными элементами (в группах работников неквалифицированного и индустриального профиля соответственно 74,6% и 56,9%). Среди служащих преобладает тенденция положительного отношения к современным формам (58,8%). У интеллигенции же предпочтение традиционных и современных форм свадьбы распределилось поровну. Здесь, с одной стороны, наблюдается положительное и одобрительное восприятие новых способов оформления бракосочетания—свадебной вечеринки (41,6%) и свадебного путешествия (19,2%), что в сумме составляет весьма внушительную долю—60,8% (более половины специалистов высшей квалификации). С другой же стороны, не-малая часть их—39,0%—высказалась за свадьбу с традиционными

ми элементами. Это связано, на наш взгляд, с определенным подъемом интереса к своим национальным традициям, причем в сфере не только свадебной, но и вообще семейной обрядности, как и в более широком плане—культурного наследия прошлого. На современном этапе процесс этот характерен не только для армян, но и многих народов нашей страны⁵⁴. Наблюдаемое в последние годы усиленное внимание к национальным установкам и обычаям вызвало к жизни как бы второе рождение традиционных обрядов. Исследования современной обрядности, проводимые в различных регионах нашей страны, показывают, что «функционирующие в нашей жизни элементы традиционной свадьбы играют определенную роль в системе ценностно-нормативных признаков этнического самосознания»⁵⁵.

Таблица 17

Предпочтение свадьбы в выделенных социально-профессиональных группах населения с учетом их возрастного ценза, в %

Социально-профессиональные группы	Предпочитают		
	свадьбу с традиционными элементами	свадебное застолье	свадебное путешествие
Неквалифицированные работники физического труда			
18 —29 лет	54,8	25,7	19,5
30 —49 лет	76,6	15,1	8,3
50 и старше	84,1	12,3	3,6
Всего в данной группе	74,6	16,4	9,0
Работники физического труда индустриального профиля			
18 —29 лет	49,6	33,3	17,1
30 —49 лет	61,4	31,8	6,8
50 и старше	60,1	33,3	6,6
Всего в данной группе	56,9	32,5	10,6
Служащие			
18 —29 лет	26,8	40,3	32,9
30 —49 лет	52,5	25,5	22,0
50 и старше	47,5	31,5	21,0
Всего в данной группе	41,2	32,6	26,2
Специалисты высшей и средней квалификации			
18 —29 лет	34,2	43,9	21,9
30 —49 лет	39,2	40,8	20,0
50 и старше	44,3	40,9	14,8
Всего в данной группе	39,0	41,6	19,2

В плане интересующей нас проблемы выше были уже освещены значение миграционного фактора и его специфика в формировании населения столицы Армении.

Какова же роль мигрантов и уроженцев Еревана в определении ближайшей тенденции развития свадебной обрядности ар-

мян? Материал этносоциологического обследования свидетельствует, что в предпочтении, выборе желаемой свадьбы внутри одного и того же миграционного потока действует возрастной фактор. При этом разрыв наиболее ощутим среди работников физического и умственного труда. Так, у сельских мигрантов старшей возрастной группы наибольшую приверженность к традиционной обрядовой практике высказали неквалифицированные рабочие (81%) и в полтора с лишним раза меньше (47,4%) — работники умственного труда (см. табл. 18). Наиболее же стойко на свадьбу с традиционными элементами ориентированы репатрианты. У горожан этого поколения отношение к свадьбе с традиционными элементами уже выравнивается: ей отдали предпочтение 54,7% городских мигрантов из районов Армянской ССР, 46,2% — из других союзных республик и 53% уроженцев Еревана. Следовательно, половина всех городских мигрантов старшей возрастной группы (независимо от мест «выхода») ориентируется на традиционный стереотип свадебной обрядовой практики; другая же их половина проявляет большую одобрительность, чем сельские мигранты и репатрианты, к новым формам — свадебному застолью и свадебному путешествию.

Для нас особенно ценно мнение молодежи (ее оценка и вы-

Таблица 18

Предпочтение традиционной свадьбы среди мигрантов и уроженцев города в группах представителей физического и умственного труда, в % ⁹⁹

Работники выделенных возрастных групп	Предпочитают свадьбу с полным или частичным национальным обрядом	
	18 — 29 лет	50 лет и старше
Работники физического труда		
Сельские мигранты	33,7	81,0
репатрианты	66,6	89,0
городские мигранты из районов Армянской ССР	69,5	75,5
городские мигранты из союзных республик	56,7	71,8
Работники умственного труда		
сельские мигранты	50,0	47,4
репатрианты	50,0	70,8
городские мигранты из районов Армянской ССР	43,1	39,3
городские мигранты из союзных республик	37,5	35,1
Всего		
сельские мигранты	39,2	68,8
репатрианты	59,5	83,5
городские мигранты из районов Армянской ССР	50,7	54,7
городские мигранты из союзных республик	46,7	46,2
уроженцы Еревана	36,2	53,0

бор овадебного торжества), поскольку она выступает как непосредственно «заинтересованное лицо», с одной стороны, и как возрастная группа, наиболее открытая к восприятию новых форм,—с другой. Наиболее показательным и заслуживающим внимания в интересующем нас плане следует считать позицию сельских мигрантов младшего возраста в сопоставлении их с горожанами—как мигрантами, так и уроженцами Еревана.

Это касается и холостой, и, в особенности, женатой молодежи, где нас интересует не просто ее точка зрения, но и то, насколько полно и адекватно ее представления на устройство брака были претворены на практике, т. е. реализованы в собственной свадьбе. Иными словами, имело ли место—и насколько глубоко—расхождение между свадебным торжеством предпочитаемым и реальным. Сопоставив эти параметры по 1—младшему—возрасту, мы увидим следующую картину (табл. 19).

Таблица 19

Соотношение предпочитаемых и проведенных свадеб между мигрантами и уроженцами Еревана младшего возраста (18—29 лет), в %

	Традиционную свадьбу		Свадебное застолье		Свадебное путешествие	
	сыграли	хотели бы	сыграли	хотели бы	сыграли	хотели бы
Уроженцы Еревана	73,2	40,8	18,2	37,7	9,4	21,4
Мигранты	73,9	52,2	23,7	35,1	2,2	12,6

Расхождения между свадьбой желаемой и проведенной среди супружеских пар младшего возраста оказались более существенными, чем можно было предполагать. Свадеб с традиционными чертами здесь было сыграно значительно больше (в 1,5 раза), чем того хотели сами молодые, а современная свадебная вечеринка зафиксирована несравненно меньше их собственного желания, не говоря уж о свадебном путешествии, где разрыв между предпочтительным выбором и реально осуществленной формой особенно ощутим (табл. 19). При этом весьма значительный разрыв между желаемой и реальной обрядовой практикой наблюдается не только среди уроженцев Еревана, но и молодых мигрантов столицы. Если учесть, что среди них большинство представлено мигрантами сельского типа и лишь 1/3—горожан⁵⁷, то можно говорить о том, что на современном этапе в условиях Еревана сельский тип поведения в области свадебной обрядности весьма быстро адаптируется к городским нормам (табл. 18).

На практике же около половины семейной молодежи Еревана—как уроженцев, так и мигрантов—смогла реализовать это

свое предпочтение в соответствующей форме собственной свадьбы. Данное явление объясняется тем, что, как уже отмечалось, брак и свадьба у армян всегда были не просто личным делом молодоженов и их семейств, а являлись общественным актом оформления брачного союза молодой четы. При организации столь жизненно важного события *и в настоящее время* принимаются во внимание не только симпатии и пожелания молодых, но вступает в силу сложный механизм семейно-родственных уз, а также дружественно-товарищеских связей и отношений, не учитывать или игнорировать которые просто не представляется возможным. И поэтому значительный перевес свадеб с традиционными чертами против их предпочтения свидетельствует о том, что еще весьма живуча у армян дань традиции, обусловленная крепостью семейно-ценностных ориентаций. Потому при устройстве и проведении подобных свадеб принимаются во внимание мнение и авторитет старших, а кроме того нередко проявляется и нежелание отступать от дедовских обычаев в столь важный и ответственный момент жизни.

* *

Подытоживая, отметим, что этносоциологическое изучение современной свадебной обрядности армян определило как ее этноспецифические особенности, так и выявило ряд закономерностей, которые для всех народов нашей страны могут быть общими.

Одним из основных результатов данного исследования можно считать выявление той ситуации, что в настоящее время в Ереване нет определенной и доминирующей формы свадебной обрядности. В Ереване из многочисленных вариантов свадеб наиболее распространенными к моменту опроса оказались два: 1) свадьба с традиционными компонентами; 2) свадебное застолье в современном его понимании. Важно подчеркнуть, что оба указанных варианта в настоящее время почти равнозначны. Это означает, что в настоящее время традиционные и современные формы обрядовой практики находятся в состоянии апробации, не исключая друг друга, а *сосуществуя одновременно и параллельно*.

Уровень бытования не только свадебной, но и всей семейной обрядности в целом, как известно, находится в неразрывной связи с семейными установками и ценностными ориентациями. О степени сохранения традиционных свадебных форм свидетельствуют: наличие традиционной свадьбы во всех 3-х выделенных возрастных группах населения города; проведение ее в ряде случаев как дань традиции и в соответствии с семейными установками, но вопреки истинному желанию молодоженов; присутствие

кавора в большинстве свадебных вариантов как традиционной, так и современной свадьбы (другое дело, выполняет он свою традиционную функцию или имеет формально-престижный характер); устройство и проведение подавляющего большинства свадеб (59,7%) с родительского согласия на брак; отношение к свадебному торжеству как способу общественного оформления и закрепления брачного союза; непосредственно связанное с этим формальное отношение к регистрации брака в ЗАГС-е (после рождения ребенка), сохраняющееся у определенной части населения города.

Вместе с тем сама традиционная свадьба претерпевает в условиях Еревана значительные изменения, выразившиеся в сокращении сложного традиционного комплекса и выпадении ряда промежуточных звеньев, а в ряде случаев—и наличии традиционного компонента (в частности, кавора) в современном свадебном застолье. Об этой тенденции свидетельствует также вариант неполной традиционной свадьбы, в которой уже отпал один из основных традиционных свадебных компонентов: здесь с кавором нет либо азаббашин, либо «сестры невесты». Этот малочисленный вариант, по существу, является переходной формой между свадьбой традиционной и современной, где отдается дань традиции, с одной стороны, и проявляется ее формально-престижный характер—с другой (в особенности, у брачных пар младшего возраста). Наличие в свадебной обрядности ряда переходных форм служит доказательством ее состояния поиска и «испытания обрядов в действии».

Подчеркнем, что это же явление наблюдается в свадебной обрядности не только армян, но и многих других народов. «Вообще двойственность, переходность—характерная особенность развития традиционной обрядности в советское время. Она наблюдается у различных этнических групп в разных сферах обрядности, хотя и не всегда одновременно и одинаково по интенсивности»⁵⁸. Вместе с тем следует подчеркнуть, что у армян, в отличие от многих других народов Кавказа и Средней Азии, эта переходная форма не вылилась в двойную свадьбу (когда справляют сначала свадьбу традиционную, в основном для старшего возраста и как дань традиции, а затем—свадьбу современную, в основном для молодежи).

Одновременно с этим, в Ереване протекает и процесс развития и распространения новых обрядовых форм—свадебного застолья и свадебного путешествия. Современное свадебное застолье показательно не только тем, что по степени своего бытования в настоящее время уравнивается с традиционной свадьбой, но главным образом отсутствием в нем каких-либо традиционных компонентов, т. е. полным отказом от них у определенных

слоев населения города. Что касается свадебного путешествия, то, как показал материал, на настоящем этапе оно на практике имеет пока довольно ограниченную сферу применения и медленные темпы распространения. Однако сопоставительный анализ проведенных и предпочитаемых форм свадьбы выявил, что современные формы имеют значительно большее число сторонников, чем в реальной обрядовой практике. Это значит, что почти половина сыгранных традиционных свадеб явилась данью традиции и соответствующей ценностной установки семейно-родственной группы, что особенно типично для молодежи.

Обследование подтвердило предположение об определенной консервативной роли сельской среды в сохранности традиционных установок, непосредственно связанных с прочностью семейных уз и семейно-родственных ориентаций⁵⁹.

Распределив каждую возрастную группу жителей Еревана по времени их вступления в брак, мы получили четкую картину соотношения его с определенными историческими веками в жизни нашей страны. Это дало возможность глубже и всесторонне вскрыть процессы, происходящие в свадебной обрядности армян в различные исторические периоды. Возраст выступает как наиболее существенный признак в сфере свадебной обрядовой практики, будучи непосредственно связанным с социальным положением респондента, его образовательным уровнем, сроком проживания в данной среде, общей культурной ориентацией—он определяет уровень жизненного опыта и степень социальной мобильности.

И, наконец, следует подчеркнуть большое прикладное значение данной проблемы. Исследователями неоднократно отмечалось, что в деле формирования современной семейной обрядности и свадебного ритуала, в частности, еще много нерешенных проблем, что «особенно остро ощущается потребность в современных ритуальных формах семейных торжеств. Создавшееся положение, когда традиционные обрядовые формы исчезают, а формирование новых обрядов не поспевает за этим процессом, приводит к тому, что семейные торжества нередко превращаются просто в пирушки с незначительными вкраплениями обрядовых элементов»⁶⁰. Этот важный духовно-идеологический аспект не имеет в должной мере практической поддержки и внимания со стороны соответствующих компетентных советских органов. Процесс обрядотворчества протекает в условиях Еревана, по существу, во многом стихийно. Проведенное нами исследование призвано, тем самым, помочь разработать ряд рекомендаций и сценариев, наиболее оптимальным вариантом которых представляется органическое сочетание традиционной рациональной основы с запросами и требованиями сегодняшнего дня. При этом следует постоянно учиты-

198

вать все возрастающие темпы развития современных обрядовых форм и ускоренное подтягивание сельских мигрантов к городским моделям поведения, что особенно заметно проявляется среди молодежи. С последующей сменой поколений процесс отхода от традиционных установок и традиционного обрядового поведения будет более ускоренным и заметным. Однако не следует забывать и о противоположной тенденции—подъеме интереса к своим национальным традициям, в том числе и к семейной обрядности. Как отмечено исследователями, на современном этапе эти традиции выражают этнонациональную специфику, все больше и больше перемещаясь из сферы материального производства в сферу духовной культуры⁶¹. И потому нам представляется, что в ближайшем будущем свадебная обрядность армян еще будет сохранять, во многих случаях уже чисто формально, основные черты своего традиционного комплекса как этноспецифический оп-ределитель их духовной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *И. А. Кривелев*. Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении. —СЭ, 1977, № 5. с. 38.
- 2 *Л. М. Сабурова*. Отражение этнических процессов в развитии обрядности. —Этнографические аспекты изучения современности (в дальнейшем—Этнографические аспекты...), Л., 1980, с. 29, 46.
- 3 *Г. В. Старовойтова*. К вопросу об этносоциологическом изучении образа жизни, Этнографические аспекты... с. 88.
- 4 *Ю. В. Бромлей*. Этнос и этнография, М., 1973, с. 246.
- 5 Литература эта весьма обширна и имеет библиографию по данному вопросу, см., например: *Л. М. Сабурова*. Литература о новых обрядах и праздниках за 1963—1966 гг. —СЭ, 1976, № 5.
- 6 Был организован ряд дискуссий в печати, а также проведены конференции на эту тему с участием специалистов ряда компетентных организаций: Всесоюзная методическая конференция по советской обрядности (Москва, 1960 г.); Всесоюзное совещание по вопросам советской гражданской обрядности (Москва, 1964 г.); Всесоюзная конференция этнографических учреждений, посвященная изучению современности (Москва, 1977 г.); Всесоюзная научно-прикладная конференция, посвященная данному вопросу (Киев, 1979 г.); Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире» (Элиста, 1981 г.); Международная конференция «Семейные праздники в условиях социализма» (Бауцен, ГДР, 1981 г.); Научная конференция «Вопросы развития социалистических праздников и обрядов» (Рига, 1981 г.); «Социалистическая обрядность в структуре советского образа жизни» (Москва, 1985 г.).
- 7 Примером тому наглядно служит указанный выше сборник «Этнографические аспекты...», в аннотации которого указывается, что «он содержит

- статьи теоретического характера, затрагивающие общие и частные проблемы методологии и методики этнического изучения современности и статьи конкретного содержания, написанные на материалах этнографии Сибири и Средней Азии».
- 8 «Традиционные и новые обряды в быту народов СССР» (сб. статей). М., 1981; Л. М. Дробижева, Л. А. Тульцева. Свадебная обрядность в общественном мнении (по материалам этносоциологических исследований у народов СССР).—СЭ, 1982, № 5, с. 33—40.
 - 9 В последующем они были включены в анкеты при опросе городского (средних и малых городов) и сельского населения республики.
 - 10 Л. М. Вардиания. Пережитки института пинциаций у армян (по материалам свадебной обрядности). —Историко-филологический журнал. Ереван, 1976, № 4, с. 291—296; она же. Традиции мужских возрастных групп у армян в конце XIX—начале XX вв.—Армянская этнография и фольклор. Ереван, 1981, вып. 12; Д. С. Вардунян, Э. Т. Карапетян. Семья и семейный быт колхозников Армении. Ереван, 1963 (на арм. яз.); Э. Т. Карапетян. Выкуп в свадебных обрядах армян и его социально-экономические корни. —Труды Гос. исторического музея Армении, т. III, Ереван, 1950, с. 73—144; она же. Об одном персонаже армянской свадьбы. —Историко-филологический журнал, 1965, № 2, с. 211—216; К. В. Сехбосян. Современная ленинаканская свадьба. —Известия АН АрмССР. Ереван, 1963, № 9, с. 77—86 (на арм. яз.); А. Е. Тер-Сарксянц. Современная семья у армян. М., 1972.
 - 11 М. Я. Устинова. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М., 1980, с. 9—10.
 - 12 Н. В. Суханов. Обычай, традиции и преемственность поколений, М., 1976, с. 19.
 - 13 Л. М. Сабурова. Отражение этнических процессов..., с. 40.
 - 14 Отметим, что в этносоциологических обследованиях по общесоюзной программе «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», результаты которых уже опубликованы по Татарии и Молдавии, эти задачи специально поставлены не были. См.: Социальное и национальное. Опыт этносоциологического исследования по материалам Татарской АССР, М., 1973; Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР), М., 1980.
 - 15 Следует подчеркнуть, что поскольку вопрос «Какую свадьбу Вы справляли?» предполагал в опросном листе набор ответов, машинная обработка его не дала ожидаемой четкой градации, и потому расчленить традиционные и современные формы оказалось практически невозможным. В связи с этим нам пришлось дополнительно провести весьма трудоемкую механическую (ручную) обработку всего материала по данному вопросу, на основании чего была составлена сводная таблица всех свадебных торжеств, где выделены основные традиционные и современные способы оформления брака среди жителей Еревана с учетом их возраста на момент опроса (см. табл. 1).

- 16 Напомним, что подобное выделение весьма условно: оно необходимо для большей наглядности и конкретности исследования.
- 17 В момент этносоциологического опроса всех состоящих в браке респондентов (женатых и замужних) было зафиксировано 1372 чел., что условно принято нами за 100%.
- 18 По образному выражению, в прошлом армянскую свадьбу справляли «семь дней и семь ночей».
- 19 В вариантах свадьбы с традиционными элементами (полном и неполном) они в сумме составили 41,8%. В этой же возрастной группе наиболее часто зафиксировано (9,5%), наличие кавора среди современных свадебных застолий (см. табл. 1).
- 20 Для сравнения отметим, что среди молодежи оно равняется 3,1%.
- 21 О семейной ориентации армян в деле сохранения и передачи традиционных установок см. раздел «Этнические особенности семьи» в настоящем сборнике.
- 22 *Н. П. Лобачева.* Общесоветское и национально-специфическое в новой обрядности. —Традиционные и новые обряды..., с. 19.
- 23 *Ю. В. Бромлей.* Новая обрядность—важный компонент советского образа жизни. —Традиционные и новые обряды..., с. 23.
- 24 Дворец бракосочетаний, находящийся в комплексе Дворца молодежи, начал функционировать в Ереване с апреля 1980 г. За консультации по интересующим нас вопросам приносим свою благодарность его директору В. Костандян.
- 25 *Н. П. Лобачева.* Общесоветское и национально-специфическое..., с. 51.
- 26 На вопрос «Какую свадьбу Вы справляете?» в подобных случаях был получен однозначный ответ: «просто в виде застолья» (в современном его понимании).
- 27 Отметим, что оно не зафиксировано в старшей возрастной группе ни с традиционной свадьбой, ни с современным свадебным застольем.
- 28 Среди них не выделены в самостоятельные группы—ввиду их крайней малочисленности—варианты: «современное свадебное застолье+свадебное путешествие» (0,4%) и «кавор+свадебное путешествие» (0,2%).
- 29 *М. Я. Устинова.* Семейные обряды..., с. 22.
- 30 В I возрастной группе от 19,8% до 23,8%; во II от 17% до 30,4%, в III, старшей,—от 23,8% до 37,9%.
- 31 Кавор в I возрастной группе с 34,1% до 23,7%, во II—с 31,4% до 25,1%, в III—с 33,6% до 23,4%. Аналогична картина с азабашин и «сестрой невесты».
- 32 Отметим, что аналогичное положение характерно не только для Армении, но и других республик, в частности Латвии, где низкий уровень образования способствует большей сохранности традиций семейной обрядности; с повышением его уровня ослабевает приверженность людей к традиционным формам в этой области быта. См. *М. Я. Устинова.* Семейные обряды... с. 23.
- 33 Нас миграционный фактор интересует лишь с точки зрения степени влия-

ния на сохранность традиционных, а также распространения современных форм свадебной обрядовой практики, как и отношения к ним различных слоев населения столицы.

34 Имеются в виду лица 60 лет и старше.

35 См. раздел «Формирование населения Еревана» данного сборника.

36 Всего в возрастной группе его справили 36,1% сельских мигрантов, 30,9% городских из районов Армянской ССР, 30,2% — из других республик и 38,0% уроженцев Еревана.

37 Свадебная вечеринка — 27,5% против 17,6% (при частом посещении села), свадебное путешествие — 5,4% против 2,7% (при редком посещении).

38 Вопрос в анкете «По какому поводу Вы навещаете своих родственников?».

39 О роли семьи и родственной группы в сохранении моделей поведения и социальных ценностей в городе см. раздел «Этнические особенности семьи» данного сборника.

40 Подробно об этом механизме см. раздел «Формирование населения Еревана» (§ 3) данного сборника.

41 А. В. Баранов. Человек в городе. — В сб.: «Духовное становление человека», Л., 1972, с. 80.

42 Затруднились ответить на вопрос о необходимости (обязательности) родительского согласия на брак.

43 К сожалению, это важное обстоятельство не было учтено при составлении опросного листа, поэтому на данном этапе исследования мы не располагаем данными о свадьбах с венчанием.

44 Как известно, у армян в ряде случаев допускалось венчание над очагом — топильным; подобный брак также имел силу закона и являлся общественно признанным.

45 Не секрет, что в противном случае, будучи не зарегистрированным, легче расторгнуть брак.

46 Как было сказано, таких браков большинство (76,2%).

47 В подобных случаях во Дворец обращаются близкие родственники «незанимательной» стороны, стремясь не допустить оформления такого брака либо в крайнем случае по возможности отсрочить его.

48 За необходимость родительского согласия высказалось 53,0% мужчин и 53,4% женщины; не считают его обязательным 41,8% мужчин и 42,2% женщины.

49 Особенно наглядно это проявляется среди интеллигенции при социально-однородных браках, где подобное соотношение определяется как 47,9% и 45,2%.

50 См. табл. 26 на с. 68 настоящего сборника.

51 См. с. 64.

52 Подробнее об этом механизме см. раздел «Этнические особенности семьи» настоящего сборника.

53 Относительно мужчины мы располагаем лишь суммарными данными в каждом отдельном возрасте без учета их семейного положения.

54 Л. М. Дробижева, Л. А. Тульцева. Свадебная обрядность в общественном

мнений..., с. 38—39.

55 Там же, с. 40

56 Ввиду малочисленности уроженцев, они представлены по группе в целом. См. табл. 26 на с. 68.

57 Среди мигрантов младшего возраста (18—29 лет) 41,5% составили выходцы из села, 30,1% — из малых городов, 13,6% — из средних и 14,6% — из крупных городов. Из них первые две группы (71,6%) характеризуют сельский тип поведения, а две другие (28,0%) — городской.

58 Л. М. Сибурова. Отражение этнических процессов..., с. 40.

59 М. Я. Устинова. Семейные обряды..., с. 24.

60 И. Н. Браим. Из опыта разработки и распространения новой обрядности в Белорусской ССР. Традиционные и новые обряды..., с. 80.

61 Л. М. Дробизева, Л. А. Тульцева. Свадебная обрядность в общественном мнении..., с. 35, 37, 38—40.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Неуклонное социально-экономическое развитие СССР, определяя рост производственных и культурных связей между регионами страны, способствует расширению и интенсификации межэтнического общения. В процессе общения осуществляется взаимный обмен деятельностью, представлениями, идеями, установками, интересами и т. д., развивается и проявляется система отношений «субъект-субъекты»¹. А психические явления «хотя и входят в надстроечные формы, однако способны оказывать существенное влияние на этническую трансформацию как непосредственно, так и путем воздействия через социально-экономический базис»².

Непосредственное межэтническое общение усиливает также процессы межэтнической интеграции³. Поэтому одной из важнейших задач этнографической науки является изучение тех сторон психологической регуляции поведения личности, которые, будучи связаны с этническим бытием, в частности, межэтническим общением, влияют на этнические процессы.

На примере материалов этносоциологического исследования г. Еревана мы попытаемся проанализировать некоторые вопросы, связанные с этническими стереотипами, которые являются важными механизмами, влияющими на процесс межнационального общения и выявить те факторы, которые оказывают наиболее существенное влияние на их формирование. В советской социально-психологической науке этнический стереотип трактуется как схематический стандартный образ представителя этнической группы⁴.

В повседневной жизни человек приписывает какие-то качества всем людям определенной группы (социальные, политические,

религиозные, демографические, этнические и т. д.), тем самым обобщая, выравнивая и нивелируя различия между людьми данной группы.

Возникают стереотипы в силу действия двух определенных тенденций человеческого сознания. Во-первых, это конкретизация—стремление к ассоциациям абстрактных понятий с какими-либо конкретными образами, и, во-вторых, это упрощение, суть которого сводится к выделению одного или нескольких простых признаков в качестве ведущих для обозначения сложных явлений⁵.

Стереотипы формируются как в процессе непосредственного межнационального общения, так и путем коммуникативного воздействия. Стереотипы основываются на «эмпирических наблюдениях»⁶, случайном опыте, поверхностных эмоциональных впечатлениях. Многие из них формируются в самой гуще народа, стихийно, и основываются на неорганизованных формах передачи информации (слухи, анекдоты, поговорки и т. д.), а также предубеждениях, уходящих корнями в исторические традиции⁷.

В формировании национальных стереотипов действуют те же закономерности и механизмы, что и в процессе восприятия, интерпретации, понимания человека человеком⁸. Однако, как показывают материалы, формирование национальных стереотипов имеет некоторые свои характерные особенности. И одной из важнейших особенностей является формирование национальных стереотипов на основе представлений о деятельности больших человеческих групп и социальных институтов.

Как показывают материалы, обобщаться могут различные факты действительности. Например, зная о достижениях науки, техники и культуры конкретной республики, этносу приписываются слова «передовые», «развитые». Наиболее часто обобщаются встречающиеся в повседневной жизни человеческие качества. Стереотипы могут формироваться как путем восприятия качеств отдельной личности («эмоциональные», «вспыльчивые», «нежные» и т. д.), так и групповых форм деятельности, например, «патриотизм», «сплоченность» и т. д.

Некоторые стереотипы формируются путем интерпретации исторических событий. Так, например, многие респонденты в качестве основных характерных черт русского народа отмечали «стойкость», «волю», «смелость», «храбрость». Частный опрос показывал, что эти стереотипы сформировались вследствие восприятия событий, происходивших во время Великой Отечественной войны, когда в тяжелой ситуации, сложившейся в начале войны, советский народ, а в особенности русский народ, на долю которого выпала основная тяжесть, сумел победить.

На формирование национальных стереотипов влияют многие

факторы—социально-экономические, культурные, мировоззренческие, исторические, социально-психологические и т. д. Однако в конкретной микросреде они имеют свои специфические формы проявления, что делает актуальным изучение национальных стереотипов в конкретной среде, у конкретных групп населения.

Являясь одним из специфических форм социальных установок, стереотипы изучаются с разных точек зрения—когнитивного (как знания), аффективного (как эмоция) и поведенческого⁹. Кроме того, «сравнение разных образов (типов) личности в исторической и этнической психологии осуществляется двумя путями: типологизацией целостных образов; аналитическим выделением и сопоставлением отдельных личностных черт-дескрипторов¹⁰.

Проведенные в Ереване этносоциологические исследования дают возможность проанализировать распространенные среди населения этнические стереотипы через дескрипторы. Постановка вопроса предполагала указание респондентами особенностей характера как своего—армянского (автостереотип), так и по идее наиболее интенсивно контактирующих с армянами представителей русского, грузинского и др. этносов (гетеростереотип). Указанные стереотипы были очень разнообразны, что затрудняло их классифицирование. Армян характеризовали 157 словами и словосочетаниями, русских—97, грузин—76, потому в данной статье ограничимся только анализом по эмоциональной полярности (положительное—отрицательное), и в дальнейшем под «содержанием этнических стереотипов» будет подразумеваться именно эмоциональное содержание слов и словосочетаний, хотя и семантический аспект является важным и ценным в научном анализе. При таком подходе национальные стереотипы могут рассматриваться в качестве индикаторов межнациональных отношений.

Таблица 1

Количество стереотипов, приписанных

армянам	русским	грузинам	другим этносам
2260	1441	1134	500

Среди жителей города Еревана национальные стереотипы широко распространены: 91,1% опрошенных считают, что людям той или иной национальности присущи определенные характерные черты.

Последовательное осуществление ленинской национальной

политики—достижение фактического равенства наций и народностей, социально-экономическое и культурное развитие республик и областей нашей страны, претворяющиеся в жизнь благодаря сотрудничеству и взаимопомощи всех народов СССР, а также формирование единого марксистско-ленинского мировоззрения, интернационализма и дружбы народов, создают благоприятные условия для формирования положительных национальных стереотипов. Яркое свидетельство тому—высокий процент положительных национальных стереотипов в Ереване. Так, указанное респондентами количество положительных характеристик представителей армянского народа составляет 80,0%, представителей грузинского народа—почти столько же, русского народа—85,5%, что свидетельствует о положительных взаимоотношениях, сложившихся между этими народами, точнее об интернационализме ереванцев*.

При рассмотрении вопроса о влиянии факторов на национальные стереотипы выясняется, что между факторами, влияющими на формирование стереотипов русских и грузин есть много общего. Наблюдаются, однако, некоторые различия между факторами, влияющими на автостереотипы и гетеростереотипы.

На количество и содержание этнических стереотипов большое влияние оказывает социальный статус. Наблюдаются следующие закономерности: с ростом социально-профессионального статуса и образовательного уровня повышается: 1) количество этнических стереотипов; 2) количество отрицательных стереотипов, особенно автостереотипов.

Первую закономерность можно объяснить тем, что уровень образования способствует общению и практике восприятия, интерпретации людей, и тем, что работники умственного труда города пространственно более мобильны, чаще выезжают за пределы республики, что предполагает непосредственное межнациональное общение, в процессе которого формируются этнические стереотипы. Человек всегда стремится к познанию окружающих его объектов; воспринимает и оценивает самые сложные явления действительности, что не всегда бывает правильным и истинным. Одним из таких сложных социальных объектов является этническая общность, всестороннее познание которого зависит от опыта познающего. Образование является мощным фактором, способствующим более всестороннему познанию действительности и, в частности, представителей других национальностей, что

* Для анализа характера взаимоотношений народов необходимо выявить стереотипы общающихся сторон, поскольку зачастую они не совпадают. Мы рассматриваем один аспект двустороннего процесса.

выражается в многочисленности этнических стереотипов, приписанных всем этносам.

Намного сложнее выявить причины второй закономерности, поскольку для объяснения такого рода фактов существуют многочисленные теоретические подходы и придерживаться какого-либо из них трудно. По всей вероятности, это можно объяснить тем, что работники умственного труда более критично относятся к действительности, чаще замечают отрицательные черты окружающих их людей.

В качественном отношении в этнических стереотипах женщин и мужчин существенной разницы не наблюдается. Это говорит о том, что этнические стереотипы быстро распространяются среди населения по «горизонтали», и что этнический стереотип является одной из значимых информации обсуждающейся в малых группах.

В количественном же плане мужчины намного превосходят женщин, что связано с мобильностью мужчин, способствующей межнациональному общению.

Одним из существенных факторов, влияющих на этнические стереотипы, является возраст. В процессе социализации уже в молодости усваиваются этнические стереотипы. Тенденция количественного изменения гетеростереотипов следующая: количество этнических стереотипов увеличивается с возрастом. Однако самый большой количественный скачок намечается в период с 18—19 до 20—24 лет. Это объясняется также интенсификацией межнационального общения в этом возрасте. Самый большой процент этнических стереотипов наблюдается в возрасте 30—49 лет, который является периодом активной жизнедеятельности, что способствует межнациональному общению и развитию опыта познания и интерпретации людей. Среди населения в возрасте свыше 50 лет количество этнических стереотипов снижается.

Количественной разницы в автостереотипах опрошенных 18—19 и 20—24-летних не наблюдается. Более того, у этих возрастных групп количество автостереотипов превышает остальные. Самый низкий процент автостереотипов у людей в возрасте 50 лет и старше. Этот факт свидетельствует о том, что основным источником формирования этнических стереотипов является непосредственное межличностное общение, и если у молодежи города мало опыта межнационального общения, то интенсивность контактов с окружающими людьми выше, чем у остальных возрастных групп*. Получается, что наиболее часто встречающиеся в повседневной жизни черты личностей приписываются этносу в целом.

* Тот факт, что у респондентов 18—19 лет количество автостереотипов больше по сравнению со старшими возрастными группами, во многом схож с

Отмечая тенденции количественного изменения стереотипов, следует сказать, что разница между возрастными группами не ощутима и подтверждает быструю распространяемость стереотипов по «горизонтали» и «вертикали».

С эмоциональной точки зрения между поколениями статистически значимых различий не наблюдается. Только у людей выше 60 лет в некоторой мере отрицательные стереотипы меньше по отношению ко всем этносам, что, вероятно, обусловлено психологическими и физиологическими особенностями.

Среди факторов, влияющих на формирование автостереотипов, наиболее значимыми являются социальные потребности людей и степень их удовлетворенности (табл. 2). Наблюдаются значимые корреляционные связи автостереотипов с удовлетворенностью зарплатой, культурно-бытовыми условиями города. У людей, неудовлетворенных трудом, зарплатой, культурно-бытовыми условиями выше процент отрицательных автостереотипов. Наиболее отрицательные автостереотипы наблюдаются у людей, которые хотели бы переехать в другой город.

Эти факты хорошо объясняются через теорию фрустрации¹¹. Под фрустрацией понимают состояние дезорганизации сознания и деятельности, возникшее, когда вследствие каких-то препятствий и противодействий мотив остается неудовлетворенным или его

интересным явлением, выявленным при исследовании проблем возрастных особенностей познания человека человеком. Во время эксперимента «выяснилось, что студенты реже, чем старшеклассники, отмечают каждый из конкретных элементов физического облика и экспрессии...». Объясняется это явление разным пониманием задачи и разницей способов, при помощи которых школьники, с одной стороны, и студенты—с другой, стремятся воссоздать облик другого человека. Качественный анализ содержания «портретов, созданных школьниками, и «портретов», авторами которых являются студенты, и сравнение этого содержания в каждом случае с «оригиналом» показывают, что для многих школьников при описании внешнего облика характерно стремление отобразить как можно больше элементов внешности воспринимаемого, в то время как многим студентам присуще стремление передать характерность, своеобразие данного облика, дать ему обобщенное описание, конечно, и среди школьных «портретов» есть такие, в которых заметен отбор воспринимаемого человека, так же как среди студенческих «портретов» встречаются такие, где явно выступает желание их авторов ничего не пропустить во внешности (А. А. Бодалев. Восприятие и понимание человека человеком, с. 89). Поэтому и не исключено, что респонденты 18—19 лет во время опроса стремятся указать больше характеристик этноса, в то время как люди старших возрастных групп концентрируют свое внимание на характерных своеобразных качествах. Сказанное—всего лишь гипотеза, поскольку у нас отсутствуют критерии определения значимости (оценки) национальных стереотипов.

удовлетворение тормозится¹². В зависимости от фрустрирующей ситуации и от значения блокирующих удовлетворение фрустраторов, личность отвечает на фрустраторы и старается избавиться от нее соответствующими защитными психологическими механизмами. Нам представляется, что у этой части населения наблюдается ситуация фрустрации, возникшая в результате неудовлетворенности социальными потребностями, во время которого личность реагирует одним из разновидностей замещенной агрессии—нахождением «козла отпущения». Вследствие неудовлетворенности социальными потребностями, личность неосознанно направляет свои негативные импульсы на свою нацию. Фактически причины собственных неудач приписываются людям своей социальной среды. И частое повторение подобных ситуаций становится причиной формирования отрицательных автостереотипов.

Таблица 2

Влияние степени удовлетворенности социальными потребностями на национальные автостереотипы
(за единицу принята доля людей с положительными автостереотипами в группе, в которой удовлетворены социальными потребностями)

	Удовлетворены	Удовлетворены частично	Не удовлетворены
Работой	1	0,890	0,870
Зарплатой	1	0,845	0,704
Культурно-бытовыми условиями города	1	0,810	0,667

Ряд исследований, проведенных в разных регионах страны, показывает, что в многонациональной среде люди, неудовлетворенные разными социальными потребностями, больше склонны к этническим предрассудкам¹³. Наш материал не обнаруживает значимых корреляционных связей между вышеозначенными социальными факторами и стереотипами грузин и русских. Это объясняется тем, что объектом замещенной агрессии в основном могут стать люди, находящиеся в конкретной проблемной ситуации, и поскольку Ереван является мононациональным городом, то такими объектами становятся люди своей нации, из образов которых складывается национальный стереотип.

На автостереотипы влияют также культурные факторы. По мере расширения культурного кругозора люди при восприятии и

интерпретации отдельных фактов действительности проявляют более критическое отношение, что отражается в этнических стереотипах.

В корреляционном анализе факторов профессиональной культуры с гетеростереотипами значимых связей не наблюдалось. Стереотипы русского и грузинского народов не становятся отрицательными от того, читает ли человек в основном произведения армянских авторов, русских и других народов СССР или зарубежных: считает ли самыми выдающимися деятелями науки, литературы, искусства представителей армянского, русского, других народов СССР или зарубежных. Этому способствует также то, что в нашей стране нет пропаганды национализма и национального превосходства, противоречащей марксистско-ленинскому мировоззрению, интернационализму и дружбе народов¹⁴. Национальные стереотипы, сформированные через профессиональную культуру, в основном носят положительный или нейтральный характер. Например, один из распространенных стереотипов грузин среди населения Еревана—это их «музыкальность». Дополнительный опрос показал, что одним из основных путей формирования этого стереотипа является кино.

Во многих исследованиях отмечается большая роль соционормативной культуры в сохранении этнических предубеждений, поскольку культура другого этноса может казаться неприемлемой. Способность этнической общности к восприятию чужой культуры является одной из качественных характеристик психологии этноса¹⁵. Как отмечает И. С. Кон, восприятие культурных различий других народов—это также естественно, как естественны сами различия между этническими группами и их культурами, сформировавшимися в самых разных исторических и природных условиях.

Проблема возникает лишь тогда, когда эти действительные или воображаемые различия возводятся в главное качество и превращаются во враждебную психологическую установку по отношению к какой-то этнической группе¹⁶. И, действительно, среди гетеростереотипов, указанных респондентами, встречаются стереотипы соционормативного характера, что говорит о восприятии культурных различий. Однако основная часть таких стереотипов положительная, что свидетельствует об отсутствии фиксированной отрицательной установки по отношению к другим народам. Кроме того, у населения г. Еревана культурные различия не являются отрицательно влияющими факторами на национальные стереотипы, поскольку в образе жизни и поведении народов СССР постепенно стираются существенные различия, формируется единый советский образ жизни, обуславливающий исчезновение объективных предпосылок национальных стереотипов.

Одним из существенных факторов, влияющих на национальные стереотипы ереванцев, является межнациональное общение. Национальные гетеростереотипы обусловлены формами межнационального общения, что в свою очередь во многом зависит от национального состава города. Поскольку в Ереване доля других национальностей невелика, следовательно непосредственное межнациональное общение населения не может быть обширным, а процесс общения интенсивным и длительным. Основные формы общения—это трудовые командировки, туризм и ряд других форм нерегулярных связей, при которых едва ли возможно познание людей других национальностей (табл. 3). Именно подобные формы общения являются основными условиями формирования национальных гетеростереотипов.

Таблица 3

Частота выездов за пределы республики, в %

Частота выездов	в РСФСР	В Грузинскую ССР
Бывают ежегодно и чаще	24.4	12.4
Раз в несколько лет	31.3	24.7
Практически не бывают	44.3	62.9

Межнациональное общение по-разному влияет на автостереотипы и гетеростереотипы. Во время непосредственного межнационального общения люди знакомятся с социально-экономическими и культурными достижениями народов нашей страны (точнее, конкретной микросреды—республик, городов и т. д.), благодаря чему расширяется сфера ценностных ориентаций и вырабатывается критическое отношение к собственной среде, что проявляется в этнических автостереотипах.

Процесс такого, своего рода межэтнического, сравнения очень сложен, поскольку сопоставляемые факты чрезвычайно многообразны, от значения которых зависит этническая самооценка. Многого остается неясным в процессе превращения социальных явлений в этнические. Люди, находясь в другой среде—Москве или Тбилиси, воспринимают социальные и культурные явления конкретной микросреды, порой не имеющие этнического значения, и интерпретируют как этнические качества (например, динамичность работы транспорта или какого-то учреждения в данный период формирует стереотип «организованность»).

Однако многие стереотипы могут иметь объективную социальную и культурную основу, поскольку подобные различия исторически формировались у каждого народа.

В процессе межэтнического сравнения срабатывают эталоны сравнений, через призму которых происходит процесс как самопознания, так и познание других. Как отмечает А. А. Бодалев, «и общечеловеческие, и групповые, и индивидуальные эталоны, формирующиеся у каждого человека, взаимопроникают друг в друга и при оценке им личности актуализируются в теснейшей связи друг с другом. Хотя для образования «индивидуальных эталонов» требуется прежде всего накопление у человека впечатлений о поведении конкретных людей, однако формирование этих эталонов всегда обусловлено значением общечеловеческих и групповых норм поведения и представлений с тем или другим типом личности, которые уже успели сложиться у индивида в прошлом»¹⁷. В современную эпоху, когда разворачивается научно-технический прогресс, обуславливающий развитие средств коммуникации и массовой информации, все шире становится сфера обмена социально-экономическими и культурными ценностями между народами. У людей формируются общесоветские установки по отношению к различным явлениям действительности, которые выполняют роль эталонов на шкале межэтнического сравнения. Следовательно, можно сказать, что у некоторой части населения Еревана собственный этнос оценивается через призму общечеловеческих и общесоветских эталонов.

На автостереотипы может влиять также «отражение, опосредованная национальным сознанием характеристика своего народа другими народами»¹⁸, что чаще всего возможно при непосредственном межнациональном общении.

В социологической науке выявлено, что межгрупповое общение само по себе не обязательно будет иметь благотворные последствия, и увеличение взаимодействия, будь то между отдельными людьми или между группами, усиливает уже идущие процессы¹⁹. Следовательно, многое зависит от конкретной ситуации. По Дж. У. Олпорту, для ослабления конфликтов и предубеждений важное значение имеют следующие характерные черты ситуации общения: 1) две группы обладают в ситуации одинаковыми статусами; 2) преследуют общие цели; 3) зависят от сотрудничества друг с другом, а не соперничают между собой; 4) взаимодействуют при позитивной поддержке властей, закона или общества²⁰.

Это в основном касается также взаимодействия отдельных личностей. Однако жизненные ситуации межличностного общения настолько разнообразны, сложны и многочисленны, что учитывать все характерные черты ситуации практически невозможно. Многие зависят от субъективного фактора умения людей познать и интерпретировать факты действительности, что является сложным процессом. Важным является и то, что кратковремен-

ное межнациональное общение (характерная форма общения ереванцев) имеет свои специфические черты, влияющие на формирование и изменение национальных стереотипов. Эти проблемы в советской социальной психологии остаются малоизученными, что затрудняет интерпретацию конкретно-социологического материала, касающегося больших социальных групп населения города или республики.

В целом непосредственное межнациональное общение положительно влияет на национальные гетеростереотипы у населения Еревана. Это можно объяснить тем, что, во-первых, знакомство с социально-экономическими достижениями, знание других народов, их культуры, языка, бесспорно, способствуют устранению остатков национального предубеждения²¹, во-вторых, в нашей стране многое сделано по созданию материально-технической базы и организации туризма, отдыха трудящихся, по развитию межреспубликанских производственных связей, во время которых происходит кратковременное межнациональное общение. За время пребывания в других республиках при межнациональном общении чаще возникают ситуации, где проявляются сотрудничество и взаимопомощь, формируются положительные психические явления.

Зависимость национальных гетеростереотипов от характеристик ситуации общения подтверждается тем, что среди некоторой части опрошенных, часто выезжающих за пределы республики существуют отрицательные гетеростереотипы. Следует полагать: 1) что у этой части населения при интенсивности контактов сфера межнационального общения остается узкой, часто возникают конфликтные ситуации и состояние фрустрации; 2) поскольку стереотип является разновидностью установок²², то в силу социальных причин (или индивидуально-психологических особенностей)²³ возможно проявление стереотипов у этой части населения в форме грубо статической установки, изменение которой связано с определенными трудностями.

На формирование положительных национальных гетеростереотипов большое влияние оказывают родственные связи. Те респонденты, которые имеют родственников, состоящих в браке с лицом грузинского этноса, приписывали грузинам значительно больше положительных стереотипов. Родственные связи подразумевают межнациональное общение, в них проявляются многие из вышеизложенных факторов, способствующих формированию положительных гетеростереотипов. Однако уместно добавить, что родственные связи подразумевают более интенсивное общение, способствующее всестороннему познанию людей другой национальности. Особо важными факторами могут быть: сходство культурных ценностей, бытовых и морально-этических представле-

ний, характер семейных отношений, личностные характеристики супругов и т. д.

Помимо конкретно-социологического анализа, полученные материалы дают возможность затронуть некоторые вопросы, связанные с дальнейшим усовершенствованием изучения этнических стереотипов.

Выявленные этнические стереотипы по форме не отличаются от обычных социальных стереотипов или личностных характеристик, приписываемых разным социальным и демографическим группам. В обоих случаях личностью используются одни и те же слова и словосочетания. Например, слова трудолюбие, гостеприимство, пунктуальность и т. п., которые приписывались представителям этносов в целом, в обыденной жизни приписываются женщине, актрисе, рабочему, отцу, мужчине. При сопоставлении указанных респондентами этнических стереотипов с обычными личностными характеристиками²⁴ обнаруживается большое сходство. Поэтому при изучении этнических стереотипов следует учитывать роль обыденных психологических знаний, которые формируются в основном как обыденная типология и могут «перейти» как в сторону самопознания, так и в сторону познания других²⁵.

Кроме того, респонденты одними и теми же словами характеризовали представителей различных этносов, с присущими им различиями. Например, слово «гостеприимство» приписывалось и армянам, и грузинам, и русским. Дополнительный опрос показывает, что у респондента появляются сложные ассоциативные связи (ситуации гостеприимства, многочисленные элементы этой ситуации и т. п.). Он просто считает, что армянское, грузинское и русское гостеприимство различны. Эти факты говорят о необходимости разграничения смысла и значения слов. Если «значение» слова является объективным отражением системы связей и отношений, то «смысл» — это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации²⁶, что должно учитываться в этносоциологических исследованиях.

У нас под одними и теми же словами практически стоят разные образы. И поэтому для анализа стереотипов этносоциологическим путем, который представляет возможность выявить стереотип в его вербальных формах, необходимо сопоставлять и сравнивать образы совпадающих слов или перейти от изучения стереотипа в ее вербальных формах к исследованию на уровне образа²⁷. Это особенно важно при сравнении этносов, близких в социально-экономическом, культурном и историческом плане, поскольку в подобном случае многие этнические стереотипы могут совпадать вербально.

До настоящего времени этнические стереотипы не нашли своего места в теории национальных отношений, несмотря на то,

что являются важнейшими механизмами регуляции поведения личности, особенно в процессе межнационального общения. Обычно многие психологические явления (установки, мнения и т. п.) с эмоциональной точки зрения считаются важными индикаторами национальных отношений. Через них выявляется характер отношений по шкале отрицательное—положительное. Этот подход очень важен, поскольку эмоция может не только выражать удовлетворяемую или неудовлетворяемую потребность человека в определенных внешних условиях или объектах, но и сама трансформируется в своеобразный предмет потребности. Эмоция выступает как мотив поведения человека²⁸. Являясь разнovidностью установок, этнический стереотип содержит эмотивный компонент, «сочетается с сильными эмоциональными отношениями (симпатия или антипатия, принятие или неприятие)²⁹ и может стать важным индикатором национальных отношений.

С другой стороны «за реальными связями, объективно складывающимися в процессе взаимоотношений людей и имеющими объективный характер, мы обнаруживаем сложную сеть ожиданий, взаимного интереса друг к другу, различных позиций друг к другу, в которых закрепились межличностные установки³⁰. И очень важно, что отношения бывают разного типа³¹. Для более всестороннего изучения национальных отношений, в особенности для выявления типов отношений между представителями разных наций, этнический стереотип может служить ценным источником научного анализа.

Изучение этнических стереотипов имеет большое практическое значение, поскольку они выполняют функцию регуляции межнационального общения. «Сформировавшееся представление о человеке как о личностной сущности определяет характер и содержание наших надежд и ожиданий, связанных с этим человеком. Они действуют как фиксированные социально-психологические установки, определяя наши отношения с этим человеком на длительный период времени... Независимо от того, адекватны они или нет³². Стереотипы как первоначальные представления о человеке другой нации, с одной стороны, облегчают, упрощают отношения, общение и поведение³³, с другой,—сопровождаются отрицательными эмоциями, становятся часто социальными преградами в межличностном общении и взаимопонимании разных народов³⁴. Они играют особо важную роль в начальной стадии общения, предопределяя характер первоначальных отношений между представителями разных национальностей³⁵. Под влиянием научно-технического прогресса сферы деятельности людей расширяются и усложняются, жизнь становится все более стремительной, контакты между людьми увеличиваются и становятся одновременно более кратковременными³⁶, менее повторяемыми и проч-

ными³⁷. Во время кратковременных контактов роль первоначальных отношений и, следовательно, этнических стереотипов велика; не успевая познать друг друга, «человек с необходимостью должен принимать для себя многое из того, что установлено и вошло в обычай до него, пользоваться понятиями, выработанными другими. Он действительно заимствует и усваивает многие «стандартизированные», ставшие общепринятыми мнения, чувства, симпатии и антипатии, объяснения, оценки. Это условие духовного развития современного человека и естественная социально-психологическая закономерность»³⁸, и по мере развертывания научно-технического прогресса и связанного с ним уменьшения контактов по длительности и прочности между представителями разных народов, значение этнических стереотипов будет возрастать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Проблема общения в психологии. М., 1981, с. 7.
- 2 Ю. В. Бромлей. Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 77.
- 3 Там же, с. 65.
- 4 Социальная психология, М., 1975, с. 198.
- 5 Там же, с. 87.
- 6 См. В. А. Ядов. К вопросу о теории «стереотипизации» в социологии.—Философские науки, 1960, № 2, с. 50.
- 7 Социальная психология. Л., 1979, с. 225.
- 8 Об этом см.: А. А. Бодалев. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
- 9 Об этом см. подробнее: П. Н. Шихирев. Исследование стереотипа в американской социальной науке. —Вопросы философии, 1971, № 5.
- 10 И. С. Кон. Проблемы имплицитной теории личности в этнокультурных исследованиях. В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978, с. 78.
- 11 О теории фрустрации см.: Н. Д. Левитов. Фрустрация—один из видов психических состояний. —Вопросы психологии, 1967, № 6; Ф. В. Басин. О силе «я» и «психологической защите». —Вопросы философии, 1969, № 2; А. А. Налчаджян. Личность. Психическая адаптация. Творчество. Ереван, 1980.
- 12 В. С. Мерлин. Лекции по психологии мотивов человека. Пермь, 1971, с. 100.
- 13 Ю. В. Арутюнян. Опыт социально-этнического исследования (По материалам Татарской АССР). —СЭ, 1968, № 4; Л. М. Дробизева. Установки по вопросу о межнациональных отношениях. —В кн.: Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979, с. 101; она же, Духовная общность народов СССР. М., 1981, с. 102—105.
- 14 Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, гл. 6, ст. 36, М., 1979, с. 14.

- 15 С. Н. Королева. Психологическая ориентация в этнопсихологии. Механизмы субъективизации. — В кн.: Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979, с. 43.
- 16 И. С. Кон. Психология предрассудка. — Новый мир, 1966, № 9, с. 189.
- 17 А. А. Бодалева. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982, с. 126.
- 18 Г. В. Старовойтова. К исследованию этнопсихологии городских жителей (По материалам опроса населения трех городов Татарской АССР). — СЭ, 1976, № 3, с. 55.
- 19 Томас Ф. Петтигрю. Расовые отношения в Соединенных Штатах Америки. Социологическая перспектива. — В кн.: Американская социология. М., 1972, с. 325.
- 20 Там же.
- 21 Ю. В. Арутюнян. О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации. — СЭ, 1973, № 4, с. 12.
- 22 Об этом см. подробнее: П. Н. Шихирев. Социальная установка как предмет социально-психологического исследования. — В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.
- 23 См. В. Г. Норикадзе. Темперамент личности и фиксированная установка. Тбилиси, 1970.
- 24 Г. З. Оганян. Роль психологических знаний в развитии личности Ереван. 1980, с. 52—59.
- 25 Там же, с. 64.
- 26 А. Р. Лурия. Язык и сознание. М., 1979, с. 53.
- 27 Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976, с. 295.
- 28 Б. Н. Додонов. Типы общей эмоциональной направленности людей и тенденции структурирования их эмоциональной сферы. — Вопросы психологии, 1972, № 1, с. 45.
- 29 Социальная психология. М., 1975, с. 86.
- 30 А. В. Петровский, В. В. Шапинский. Социальная психология коллектива. М., 1978, с. 108.
- 31 Об этом см.: Е. В. Субботинский. Психология отношений партнерства у дошкольников. М., 1976, с. 91—103; Отношения между сверстниками в группе детского сада. М., 1978, с. 5—13.
- 32 В. А. Панферов. Восприятие и интерпретация внешности людей. — Вопросы психологии, 1974, № 2, с. 63—64.
- 33 Я. Л. Коломинский. Социальные эталоны как стабилизирующие факторы социальной психики. — Вопросы психологии, 1972, № 1, с. 104.
- 34 Социальная психология. Л., 1979, с. 224.
- 35 Там же, с. 225.
- 36 Социальная психология. М., 1975, с. 198.
- 37 В. Н. Панферов. Указ. раб., с. 63.
- 38 Г. М. Кондратенко. Об особенностях стереотипизации. — Вестник МГУ, сер. IX, Журналистика. 1968, № 1, с. 63.

УПРАВЛЯЕМОЕ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ И ЕГО РОЛЬ ВО ВСЕСТОРОННЕМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

В центре внимания нашей партии всегда были вопросы социальной политики, забота о человеке. На XXVII съезде КПСС подчеркивалось, что именно в социальной сфере «...реализуются результаты экономической деятельности, затрагивающие жизненные интересы трудящихся, воплощаются высшие цели социализма. Именно здесь наиболее широко и наглядно выявляется гуманистическая природа социалистического строя, его качественное отличие от капитализма»¹.

В условиях совершенствования развитого социализма, в решении задач повышения уровня жизни советских людей, свободное время, его полноценное и разумное использование приобретает все большее значение. Со временем усложняются и одновременно совершенствуются функции свободного времени, которые уже не ограничиваются отдыхом, восстановлением затраченных физических и интеллектуальных сил. Эти функции все более проявляются в сфере стимулирования духовного развития и социальной активности личности.

Поскольку свободное время представляет собой своеобразный перекресток, где скрещиваются интересы личности, ее ближайшей среды, трудовых коллективов и всего общества, постольку оно приобретает, помимо экономического и социального, также этносоциологическое, морально-психологическое, этическое, оздоровительное, эстетическое и правовое значение. Именно поэтому разработка проблемы свободного времени, использование его для всестороннего развития личности и ее возможностей, а тем самым — для увеличения материального и духовного потенциала всего общества приобретают важнейшее теоретическое и практическое значение.

1. СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Стремительный рост свободного времени является символом нашего времени. Это, разумеется, не может не оказывать воздействия на устройство быта и культурные запросы людей, наконец на их психологию.

Вопрос организации и регулирования рабочего времени исследуется в нашей научной литературе давно². Однако этого нельзя сказать о внерабочем времени; изучение его не имеет длительной истории. Тем не менее и оно подвергается ныне серьезному исследованию³.

Эта проблема с особой остротой была поставлена в связи с развернувшимся в последние годы социально-экономическим планированием трудовых коллективов, районов, городов и т. д. Боль-

шой опыт по комплексной организации и регулированию вне-
рабочего времени накопили трудовые коллективы⁴. Это позволяет
обобщить многие ценные инициативы и ставит в порядок дня соз-
дание научно объективной системы регулирования вне-рабочего
времени.

Отеודה и возросший интерес представителей различных на-
правлений науки—экономистов, социологов, социопсихологов, фи-
лософов, а также журналистов и писателей к проблеме использо-
вания свободного времени, в особенности к рациональному ис-
пользованию вне-рабочего времени⁵.

В связи с ростом свободного времени тудящихся ведущее
значение приобретает проблема регулирования и научной органи-
зации свободного времени. В этом аспекте весьма важным пред-
ставляется дальнейшее совершенствование материального, органи-
зационного и идеологического обеспечения фонда свободного вре-
мени общества.

Свободное время является частью вне-рабочего времени и
включает время, расходуемое на учебу, самообразование, общест-
венно-политическую и творческую деятельность, любительские за-
нятия, физическую культуру, спорт, отдых, досуг и пр. Свободное
время выступает мощным фактором всестороннего развития лич-
ности, ее способностей и тем самым—увеличения материального
и духовного потенциала всего общества. К. Маркс писал, что в
условиях общественной формы собственности свободное время по-
средством всестороннего развития индивида «...само, в свою оче-
редь, как величайшая производительная сила обратно воздейст-
вует на производительную силу труда»⁶.

Свободное время трудящихся—сложная социологическая ка-
тегория, важнейший вид социального бытия⁷. Оно охватывает
широкий круг явлений, начиная с работы на производстве до
удовлетворения естественных потребностей, с домашнего труда
и прочих бытовых действий до свободного досуга.

Продолжительность свободного времени увеличивается у нас
как за счет сокращения рабочего дня, так и главным образом за
счет сокращения так называемого «необходимого вне-рабочего вре-
мени», т. е. сокращения доли времени, расходуемой на прибытие
на работу и возвращение с нее, на бытовые нужды и т. д. Можно
с уверенностью сказать, что в Советском Союзе создана наиболее
развитая, самая демократичная структура досуга: у нас около
70% его тратится в целях саморазвития личности.

Растет ответственность человека перед обществом за свое
поведение в быту в свободное время. Большую роль в социаль-
ном регулировании использования свободного времени и вообще
в управлении деятельностью трудящихся вне сферы производства
играют трудовые коллективы и их общественные организации⁸.

Партия и правительство обращают большое внимание на создание возможностей хорошего отдыха и культурного досуга трудящихся. Более десяти лет в нашей стране установлена 41-часовая рабочая неделя, несколько позднее введены два выходных дня. Эти важные государственные акты были подкреплены социально-экономическими мероприятиями. Если к нерабочим часам добавить два выходных дня, то получается внушительная цифра (около 100 дней календарного года приходится на выходные и праздничные дни).

Вследствие комплексного решения проблемы увеличения свободного времени оно составляет для наших рабочих в среднем 4—6 часов в день. Годовой фонд свободного времени советского рабочего достиг более 1,5 тысяч часов, практически сравнявшись с фондом рабочего времени (1814 часов). Вне рабочее время трудящихся в СССР составляет 67—75% полных суток и 76—78% недельного бюджета времени. Структура вне рабочего времени трудящихся в рабочие дни, за исключением отдельных отклонений, имеет следующую картину: свободное время составляет 20—23%, расходы времени, связанные с производством,—6—8%, физиологические потребности—47—50%, физический труд и самообслуживание—19—27% и т. д.⁹

На современном уровне развития производительных сил установилось равновесие двух необходимых составных частей жизни советских людей—их духовного развития, во многом связанного со свободным временем и материальным благосостоянием. Особенно большие преобразования в балансе времени трудящихся произошли за последние 15—20 лет. Рабочий день сократился до 7—6 часов, установлена пятидневная неделя, что увеличило бюджет свободного времени на 3—4 часа в неделю, увеличены годовые отпуска представителей ряда профессий и т. д. За годы Советской власти рабочая неделя сократилась более чем на 19 часов. В нашей стране каждый человек, занятый на производстве, располагает в среднем в полные дни тремя часами ежедневно, в выходные дни—шестью часами, которые он может использовать по своему усмотрению. Годовой объем свободного времени рабочего и служащего в СССР достигает 1700 часов, инженерно-технических работников—1900 часов, для ряда категорий работников он превышает продолжительность рабочего года¹⁰.

При этом в нашей жизни свободное время увеличилось столь быстро, что многие не были готовы к этому психологически и физически. Некоторых это ввело в замешательство, многие до сих пор не могут эффективно использовать свое свободное время. Трудным является перевод увеличившихся часов в качество, рациональное использование их. Именно в этом вопросе администрация, партийная и общественные организации каждого предприятия

тия и учреждения должны проводить свою стабильную стратегию. Ведь это затрагивает интересы каждого члена коллектива.

Следовательно, вопрос правильного использования свободного от работы времени в наши дни приобретает также большое общественное значение: сегодня рациональное и полноценное использование свободного времени человека рассматривается в аспектах экономики, здоровья работника, его интеллектуального развития, желательного социального поведения.

Человек, трудящийся вышел за ворота предприятия: чем он занимается потом? Руководители многих коллективов не знают этого. Отправился ли он в кино или пошел в библиотеку, стоит ли в очереди на объектах бытового обслуживания, торговли или же занят дома такой работой, что завтра придет на производство усталым, станет работать ниже своих возможностей? Это вопросы, на которые иногда трудно дать ответы. Делу серьезно могут помочь социологические исследования. Сегодня эта проблема актуальна, поскольку, наряду с другими обстоятельствами, в ее успешном решении кроется основной резерв свободного времени—ведь уровень развития производительных сил объективно ставит границу сокращения рабочего дня. Эффективность и качество (позволим себе употребить определения сферы труда) досуга обусловлены тремя основными факторами: степенью развития материальной базы свободного времени, уровнем организации этой сферы и, наконец, самими людьми, их культурой и умением распоряжаться собственным временем, а также успешностью воспитания этого фактора у людей. Согласно Л. Гордону и Э. Клопову, исследовавших бюджет свободного времени, на деятельность, связанную с духовной культурой, мужчины крупных городов европейской части нашей страны расходуют еженедельно около 20, женщины—12 часов, а в малых городах—мужчины—15,5 часов, женщины—около 6 часов. Согласно данным исследования, каждый молодой рабочий в свободное время занимается различными формами общеобразовательной учебы, каждый третий—повышают свою квалификацию и профессиональное мастерство, более 90% постоянно читают газеты, журналы, книги, 30% периодически посещают театры, музеи и выставки, 25% занимаются в народных университетах, слушают лекции и т. д.¹¹

Однако здесь скрываются большие резервы расширения умственного кругозора наших людей. Как показывают обследования (в этом числе и проведенные в нашей республике), у значительной части молодежи использование свободного времени еще не стало условием самосовершенствования. Одна из основных причин этого заключается в нехватке у некоторых групп людей культуры проведения досуга. Разумеется, достижения прогресса в организации досуга не приходят автоматически. Для этого тре-

буются кропотливая работа и усилия по формированию творческих интересов населения. В этой области, однако, имеется немало трудностей. Так, вследствие невиданного роста средств технической информации люди, с одной стороны, оказываются в большой зависимости друг от друга, с другой — их личные контакты уменьшаются. Заметна явная тенденция уменьшения родственных, дружеских, семейных связей. Семья становится все более замкнутой, не терпящей вторжения чужих в ее жизнь.

Воспитательные функции организации свободного времени заключаются в том, что оно выступает в качестве средства повышения социальной активности личности, ее творческой инициативности и самостоятельности. Одновременно следует учесть порожденное нашим образом жизни обстоятельство: чем социально активнее человек, тем больше он располагает занятым свободным временем. Здесь речь идет об общественно регулируемом времени, которое возрастает вместе с ростом социалистической сознательности людей. Это общественно регулируемое время непосредственно направлено на развитие личности, именно поэтому оно обладает большой общественной ценностью. Известно, что политическому просвещению, экономическому образованию и массовым формам пропаганды отводится большое место в рациональной организации свободного времени трудящихся. Их роль в этом все более возрастает.

Известно, что в нашей стране значительная часть свободного времени трудящихся расходуется на активную общественную деятельность. Миллионы людей, занимающиеся общественной работой, вносят свой вклад в осуществление различных социально значимых задач, в решение проблем государственной важности. К этой работе надо отнести и участие в работе выборных партийных, комсомольских, профсоюзных органов, творческих союзов, добровольных обществ и объединений, и спортивную, культурно-массовую, шефскую деятельность. Лекторы и пропагандисты, дружинники и народные заседатели, народные контролеры и инспектора охраны природы — вот перечень нескольких общественных профессий, рожденных социалистическим образом жизни.

При этом сегодня понятие «отдых» теряет для трудящегося свой прежний смысл — «перевести дух», «прийти в себя», просто восстановить физические силы для новой недели. Досуг трудящегося должен использоваться сегодня для его всестороннего, гармонического духовного и физического развития. Таков сегодня «социальный заказ» общественному производству общественным организациям. Здесь имеется нюанс: дело не в том, что культурно развитый человек работает лучше и сознательнее. Современное производство не всегда предоставляет трудящимся возможность реализовать свои интересы, творческие запросы непосред-

ственно в процессе труда. Следовательно, чем больше имеется возможностей реализовать их в непронизводственной сфере, тем меньше неудовлетворенности от труда. Без анализа бюджета времени каждого индивидуума, каждой семьи невозможно составить план социального развития трудовых коллективов, предприятий. Далее, для общества вовсе не безразлично, в каком состоянии выходит трудящийся из дома—отдохнувшим, бодрым, жизнерадостным или в плохом настроении, подавленным.

Разумеется, никто не собирается «управлять» свободным временем каждого в отдельности, его отдыхом. Планирование досуга заключается лишь в том, чтобы создать условия для его разумного использования. Планируется развитие конкретных отраслей промышленности, которые помогают целым группам населения организовывать свой досуг по собственному усмотрению: один может сидеть у телевизора, другой—посетить картинную галерею, третий провести время в плавательном бассейне и т. д.

Здесь мы сталкиваемся с трудным вопросом: какой досуг считать разумным? Следует отметить, что мнения как специалистов по управлению, так и занимающихся вопросами воспитания разноречивы, а формулировки отличаются неопределенностью.

Известно также, что бесцельно расходуемое свободное время обладает тенденцией «насыщаться» антиобщественными поступками, и мы нередко вкушаем горькие плоды этого.

Проблема досуга, даже один лишь ее экономический аспект, может иметь нежелательные последствия: доказано, что чуть ли не основной причиной чрезмерной миграции населения из сел и малых городов в крупные промышленные центры являются ограниченные возможности полного удовлетворения духовных запросов.

Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что деятельность личности в свободное время, кажущаяся на первый взгляд случайной, на деле имеет причинно-обусловленный характер. Действие объективных условий (обстоятельств), преломляясь сквозь субъективный выбор человеком занятия в свободное время, в конечном счете оказывается решающим на характер, структуру и содержание этих занятий. Большое воздействие на характер и содержание свободного времени оказывают экономические, производственные, идейно-воспитательные, семейно-бытовые факторы, личностные особенности человека и множество прочих условий и обстоятельств.

Отвергая мнение, что организация использования свободного времени ведет к обезличиванию человека, мы одновременно отвергаем технократические концепции, согласно которым свободное время служит лишь обычному восстановлению функций труда, рабочей силы. Идеалом социализма является не технократи-

ческая личность и не представитель потребительской цивилизации, а всесторонне и гармонично развитая, духовно и социально зрелая личность. Иным является положение в мире капитала. Ни в одной капиталистической стране государство не ставит и не может ставить задачу всестороннего развития каждого трудящегося. Подвержены развитию только те способности, существование и уровень которых совпадает с требованием так называемого «экономического рационализма». Иначе говоря, те способности, которые помогают удовлетворять потребности производства и содействуют получению дополнительных прибылей.

Вместе с тем отношение правящих кругов к свободному времени трудящихся носит двойственный характер. С одной стороны, буржуазные социологи утверждают, что «свободное время потенциально опасно», поскольку в его рамках социальный контроль над личностью ослабевает, что и содействует возникновению и расширению различных видов социального протеста. С другой стороны, буржуазия использует свободное время для получения прибыли. Оно все больше превращается в рынок торговли и объект острой борьбы между различными монополиями «индустрии досуга». Таким образом, политика бизнесменов в сфере свободного времени призвана решить две тесно соприкасающиеся задачи: сформировать «потребляющую личность», сориентированную на чисто материальные ценности и невысокие стандарты «массовой культуры», обеспечить получение максимальной прибыли и отвлечь трудящихся от активной социальной деятельности. Капитализм отчуждает как рабочее, так и свободное время трудящихся, стремится превратить всю их жизнедеятельность в средство получения прибавочной стоимости. Его неизменным стремлением, писал К. Маркс, с одной стороны, является создание свободного времени на основе технического прогресса и интенсификации труда, с другой—превращение этого свободного времени в прибавочный труд.

Рассматривая свободное время в качестве социального явления с классовых позиций, можно сказать, что подлинно научное регулирование бюджета времени стало возможным только при коммунистической общественно-экономической формации, поскольку социалистическое и коммунистическое общество «...совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов»¹².

Сегодня, в условиях развитого социализма, происходит сложная социальная трансформация видов деятельности человека, динамические изменения роли и функций рабочего и свободного

времени. Успех этих преобразований во многом обусловлен восприятием и рациональным использованием тех преимуществ, которые являются следствием сокращения рабочего времени (наряду с повышением трудовой дисциплины), а также с увеличением общего фонда рабочего времени в течение жизни отдельного человека, повышением жизненного уровня. В этом большую роль играет способность общества и его членов правильного использования как рабочего, так и внерабочего времени.

Тот факт, что рабочее и свободное время нельзя рассматривать в отдельности, означает также, что мы не можем анализировать их независимо от повышения жизненного уровня и национального дохода. Это принуждает искать более широкую систему универсальных методов прогнозирования и измерения социальных явлений и процессов.

Как свидетельствуют наши исследования, более 80% сельских жителей республики проводят свободное время в своем доме. При этом основные социальные контакты сельского жителя осуществляются с членами семьи и трудовым коллективом. Это означает, что структура свободного времени населения деревни, взятая в целом в сравнении с городскими жителями, носит более ограниченный характер. Большую роль в рациональном использовании свободного времени играет трудовой коллектив. Проведенные на предприятиях Еревана обследования показывают, что самой активной и действенной группой в сфере досуга является рабочая молодежь. В бюджете свободного времени молодежи в возрасте до 30 лет преобладают формы внесемейного общения и публичные зрелища. Вопреки этому в старших возрастных группах происходит поворот к домашним формам досуга. У них из десятков видов деятельности по частоте занятия на самой высокой ступени оказались телевидение, кино, чтение, встречи с друзьями, прочие виды пассивного отдыха, а на самой низшей ступени—посещение заводского клуба, занятия спортом, прочие виды художественной и непрофессиональной самодеятельности.

2. СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ

У нас достаточно хорошо изучены пути увеличения свободного времени. Однако этого нельзя сказать относительно его насыщенности или эффективности использования. Насыщенность свободного времени является важной социально-психологической категорией, качеством «наполнителя» которой во многом обусловлена психологическая удовлетворенность личности (или напротив—неудовлетворенность), отдача его деятельности¹³.

Трудно переоценить роль художественной культуры в духовном осмыслении свободного времени. Она прежде всего опреде-

ляется массовостью художественной культуры, а также своей потенциальной возможностью содействовать общению людей.

Необходимо преодолеть трудности и иного порядка. В современном городе изменилась локализация социальных институтов проведения досуга человека. Исследования позволяют выделить три основных фокуса локализации досуга: 1) очаги культурного обслуживания (театр, кино, цирк, музей, библиотека, концертный зал и т. д.); 2) квартира человека, где сосредоточены источники массовой информации (радио, телевизор и т. д.), а также тиражированные произведения искусства (книжки, пластинки, картины и т. д.); 3) городская среда жительства (улицы, площадь, парк, двор, микрорайон, общественные и культурные центры).

Очаги культурного обслуживания и городская среда жительства, с одной стороны, и квартира—с другой, составляют два фокуса жизнедеятельности горожанина—общественный и индивидуально-личностный. В первом он реализует себя как представитель общественной популяции (как гражданин, зритель, слушатель, потребитель, клиент учреждения общественного обслуживания), во втором случае—как член маленькой группы, группировки (семьи).

В наши дни изучение быта и образа жизни людей рассматривается как учеными, так и практическими работниками как необходимое условие научного планирования и управления общественной жизнью. Исходя из этого положения, приведем результаты проведенного нами в 1979 году исследования локального характера. В основе проведенного исследования лежат понятия «культурный досуг», «свободное время», «быт», «повседневное бытовое поведение», из совокупности которых в разных сферах жизни образуются элементы поведения человека, семьи, группы людей. В данном случае упомянутые факторы рассматривались как широкие социологические категории, выражающие жизнедеятельность людей. Социологическому опросу подверглись около 600 рабочих и служащих. Половина опрошенных—работники Ереванской текстильно-галантерейной фабрики им. Л. Лисинян (легкая промышленность, с преобладанием женщин), остальные—работники алюминиевого завода (тяжелая промышленность, с преобладанием мужчин). Исходя из социально-экономических, технических и ряда иных факторов, не будет ошибкой отметить, что избранное для опроса это сочетание хотя и не может дать общей картины использования свободного времени в республике и ее городах, однако раскрывает некоторые тенденции, подсказывает исходные данные. Результаты обследования можно считать типическими для многих предприятий Армении. Приведем некоторые результаты опроса.

На вопрос «Как Вы организуете свое свободное время?» трудящиеся отдают предпочтение следующим занятиям:

Таблица 1

Организация свободного времени у трудящихся, в %

Типы занятий	Мужчины, %	Женщины, %
Читают книги, газеты, журналы	49	44
Смотрят телевизор, слушают радио	75	12,9
Посещают кино, театр, концерты	38,1	11,9
Занимаются воспитанием детей, домашним хозяйством	54,3	72,4
Занимаются спортом	16,8	11,7
Проводят время с друзьями	34	14

На вопрос «Довольны ли Вы использованием своего свободного времени?» были даны ответы:

Таблица 2

Степень удовлетворенности свободным временем, в %

	Довольны	Недовольны	Затруд. ответить
Мужчины	30	58	12
Женщины	19	63	18

На вопрос «Что мешает Вам полноценнее использовать свое свободное время?» были получены ответы:

Таблица 3

Причины неудовлетворенности использованием свободного времени, в %

Типы занятий	Мужчины, %	Женщины, %
После работы остается мало свободного времени	47,8	56,5
Свободное время тратится на домашние дела	28,1	68,4
Вблизи дома нет соответствующих мест досуга	36,1	28,2

На вопрос «Как Вы используете свое свободное время?» 13% мужчин и 10% женщин ответили: «согласно намеченному плану». «Как попало» — такой ответ дали 72% мужчин и 82% женщин.

Опрос дал интересные данные для выяснения картины другого вида досуга — посещения очагов культуры в течение месяца (табл. 4).

Интенсивность посещения очагов культуры, в %

		Мужчины	Женщины
Кино	1 раз в месяц	20,2	21,3
	2 раза в месяц	18,1	28,9
	3 раза в месяц	14,4	—
	от случая к случаю	47,3	49,8
Театр	1 раз в месяц	9,0	7,0
	2 раза в месяц	2,0	1,5
	от случая к случаю	89,0	91,9
Концерт	1 раз в месяц	25,0	20,0
	2 раза в месяц	10,0	8,2
	от случая к случаю	65,0	71,8
Музей	1 раз в месяц	9,0	10,0
	2 раза в месяц	6,3	7,0
	от случая к случаю	84,7	83,0
Библиотека	1 раз в месяц	8,6	6,8
	2 раза в месяц	2,8	3,0
	3 раза в месяц	0,7	0,2
	Не посещают	87,9	90,0

На вопрос «Сколько книг прочитано Вами за последний год?» были даны следующие ответы:

Таблица 5

Интенсивность потребления литературы, в %

Прочитано за последний год	Мужчины	Женщины
1 книга	42	61
2 книги	24	23
3 книги	14	17
4 книги	8	3
5 книг	6	4
6 книг	6	2

Таблица 6

Интенсивность чтения газет и журналов, в %

	Мужчины	Женщины
Ежедневно читают:		
1 газету, журнал	73	62
2 : : :	20	30
3 : : :	7	8

Как показывают данные обследования, у жителей Еревана, независимо от социально-профессиональной группы и возраста, ведение домашнего хозяйства и воспитание детей—в качестве важнейшей обязанности в отношении семьи—поглощают значительную часть свободного времени.

В больших городах люди отводят две трети своего свободного времени телевизору. Здесь имеется возрастное и половое расхождение: неженатые отводят этому виду досуга 10—15 процентов своего свободного времени, молодожены—около 30—35 процентов, отцы, и матери зрелых семей—половину. Это в 2—3 раза больше того времени, которое отводится на книги, театр, кино, музее и т. д. Регулярно читают газеты 70 процентов работниц со средним образованием (техникум, училище), 90 процентов обладательниц высшего образования. У мужчин эти показатели соответственно составляют 70—75 и 80—85 процентов¹⁴.

Не менее интересная картина выясняется при изучении отношения людей к музыке. Так, если обследованные рабочие предпочитают слушать армянскую, а также азербайджанскую народную музыку, то интеллигенция предпочитает армянскую народную и классическую музыку. В отношении джазовой и эстрадной музыки наблюдается небольшое различие между социальными слоями (исключение составляет группа Г₂, у которой процент довольно низок). Возрастная группа 18—49 лет в сравнении с возрастной когортой 50 и старше лет предпочитает легкую, джазовую, эстрадную, симфоническую и классическую музыку. Однако у первой возрастной когорты также высок процент желающих слушать армянскую народную музыку. Возрастная группа 50 и старше лет предпочитает армянскую и азербайджанскую народную музыку. Возрастная группа 30—49 лет по склонности к легкой, джазовой, эстрадной музыке приближается к третьей, а своим отношением к классической симфонической музыке и азербайджанской народной музыке—к первой возрастной когорте.

Не менее важно исследование отношения людей к телевизионным передачам. Здесь на первом месте находятся спортивные передачи, на втором—театральные постановки и на третьем—телевизионные фильмы. При этом у группы А₃ эти три варианта представлены одинаково, что свидетельствует о более избирательном отношении этой группы к телевизионным передачам. А группа В (здесь женщины почти не представлены) менее разборчива. Интерес к театру преобладает в тех группах (Г₂, Г₁, В), где женщины представлены больше всего. Поскольку у молодежи высок образовательный уровень, постольку высок также выборочный подход к телевизионным передачам (табл. 7 и 13).

Проведенные у нас исследования позволяют наблюдать характерное явление: довольно резкое изменение технического по-

ложения (в особенности в связи с появлением телевидения) не привело к существенному упадку (даже временному) активности в отношении традиционных ценностей культуры. Заметна лишь некоторая перегруппировка сил (между телевидением и кино) и изменение структуры интересов (это, например, видно по увеличению удельного веса научно-популярной литературы в структуре читательских интересов). Отмеченной перегруппировкой сил надо объяснить и такое явление, как все более сокращающееся число кинозрителей в нашей республике: в 1976 г. кинопосещения в год составляли 29.685 тыс. человек, в 1977 г.—29.147 тыс., в 1978 г.— 27.543 тыс.

Таблица 7

Выбор передач телевидения, в %

	Многосерийный приключенческий, детективный телефильм	Спортивные передачи	Спектакли
Соц. проф. группы			
Г ₂	23,9	31,6	44,5
Г ₁	26,2	31,3	42,5
В	17,3	62,5	20,2
Б	27,2	28,5	44,3
А ₄	25,0	36,7	38,3
А ₃	32,6	34,9	32,5
А ₂	23,7	61,3	15,0
А ₁	5,5	66,8	27,7
Всего	25,2	42,3	32,5
Возраст. группы			
18 — 29 лет	25,7	37,9	36,4
30 — 49 лет	25,2	42,3	32,5
50 и старше	22,3	34,4	43,3

Имеется ряд объективных и субъективных стимулов, которые делают более проблематичной задачу актуальности культурно-просветительного дела. Сегодня в быт людей вошли современные средства массовой коммуникации, которые, несомненно, отрицательно сказываются на старые методы и формы работы. Благодаря телевидению житель даже самого отдаленного населенного пункта «присутствует» на представлениях столичных театров и концертах признанных мастеров. Создаются домашние фонотеки, и человек слушает любимую музыку дома.

Подобное использование свободного времени не может не оказать влияния на ту культурную деятельность, носителями которой являются культурно-просветительные учреждения. Таким

образом, постепенно углубляется процесс «одомашнивания» свободного времени. Но наряду с этим увеличивается свободное от труда время и появляется возможность совершить выбор в соответствии с желаниями, запросами. Создается индивидуальная форма культурной деятельности, которая, несомненно, нуждается в контроле со стороны общества.

Анализ социологического исследования читателей художественной литературы ясно показывает, что художественную литературу больше читают носители более высокого социального статуса: это связано и с молодым возрастом, что опять-таки является следствием высокого образовательного уровня.

На вопрос «Читаете ли Вы художественную литературу? Если да, то как часто?» даны следующие ответы:

Таблица 8

Интенсивность чтения художественной литературы, в %

Соц. проф. группы	Постоянно	От случая к случаю	Совсем не читаю
Г ₂	26,6	29,8	43,6
Г ₁	31,3	40,5	27,7
В	31,7	48,0	20,3
Б	43,6	45,2	11,2
А ₄	45,4	42,4	12,2
А ₃	58,6	37,0	4,4
А ₂	44,3	40,0	15,7
А ₁	66,6	30,7	2,7
Всего	42,6	38,9	18,5
Возраст. группы			
18 — 29 лет	55,0	38,6	6,4
30 — 49 лет	38,8	46,8	14,4
50 лет и старше	33,0	28,8	38,2

Полученный материал дает также определенное представление о качественной стороне свободного времени — в отличие от количественной, которая обычно показывает место каждого структурного элемента в общей системе свободного времени. Как показывает исследование, интерес к литературе у разных социально-профессиональных групп различен. В сравнении со служащими и интеллигенцией рабочие предпочитают больше читать о войне и военных событиях, об истории народа, о дружбе и любви. Интеллигенция предпочитает преимущественно литературу психологического характера и специальную литературу. Не заметно различий в отношении к приключенческой и детективной литературе у представителей разных социально-профессиональных групп.

Возрастной фактор также оказывает воздействие на выбор типа литературы. Так, возрастная группа 18—29 лет отдает предпочтение литературе о любви и дружбе, приключенческой и детективной литературе, 50 и старше лет—литературе о войне, исторической литературе (табл. 9).

Таблица 9

Отношение к литературе выделенных социально-профессиональных и возрастных групп, в %

	О войне и военных событиях	Прикл., детект.	О прошлом родного народа	О любви и дружбе	Прим. исп.- холодическ. характ.	По снел.
Соц. проф. группы						
Г ₂	21,5	13,3	28,6	23,7	5,9	4,3
Г ₁	19,5	12,1	33,1	24,7	5,1	3,1
В	18,3	14,5	29,4	20,8	6,6	7,2
Б	13,6	14,9	24,6	25,6	11,0	6,3
А ₄	12,2	16,0	24,0	21,7	12,5	10,0
А ₃	9,0	14,2	20,2	18,7	15,7	17,1
А ₂	18,6	14,4	24,0	13,2	10,8	12,3
А ₁	11,7	15,6	14,0	12,5	17,9	17,9
Всего	14,1	14,4	23,9	20,3	11,7	11,2
Возраст. группы						
18 —29 лет	9,8	16,5	19,8	23,9	14,1	12,7
30 —49 лет	15,2	14,0	24,8	19,5	10,3	11,5
50 и старше	20,7	10,7	32,6	14,5	8,6	7,1

По данным обследования, население города Еревана отводит большое место чтению газет (лишь 10,5% не читают). Большая часть нечитающих приходится на долю занимающихся ручным трудом (группы Г₂ и Г₁). В первой и второй возрастных группах доля нечитающих газеты и журналы небольшая, их число наиболее высоко в третьей возрастной группе. Наиболее распространенными являются центральные и республиканские газеты, в некоторой степени—также республиканская спортивная печать (табл. 10).

Приведем другой результат обследования, показывающий использование свободного времени. На первом месте находится просмотр телепередач, на втором—чтение художественной литературы, на третьем—кино, на четвертом—игра в нарды, шахматы и т. д. Это свидетельствует о тенденции унификации образа жизни жителей города Еревана независимо от их социального

статуса. В то время как у интеллигенции велик интерес к концертам, выставкам и театру, у остальных социальных групп более выражены любительские зачатия.

Таблица 10

Частота чтения газет, в %

Социально-профессиональные группы

	Ежедневно	Редко	Совершенно не читает
Работники физ. труда без квалификации	40	28	32
Квалифицированные работники физ. труда неиндустр. профиля	55	24	18
Квалифицированные работники физ. труда индустр. профиля	67	23	10
Служащие	69	24	7
Специалисты со среднеспеч. образованием	79	17	4
Специалисты с высшим образованием	84	13	3
Руководители среднего звена	87	7	6
Руководители высшего звена	95	3	2
Всего	70	19	11

Имеется существенная разница в досуге трех возрастных групп: чем ниже возраст, тем выше интерес к внешним, внешним очагам культурной информации (кино, театр, выставки, концерты и т. д.) и ниже к телепередачам. При этом к чтению все возрастные группы проявляют одинаковый интерес.

Первым условием повышения культуры использования свободного времени является учеба и самообразование. Многочисленные социологические исследования свидетельствуют, что наряду с ростом культурно-образовательного уровня повышается производительность и качество труда людей, ответственность за порученное дело и трудовая дисциплина, творческая и общественная активность и, наконец, совершенствуются формы и средства досуга. Исследования показывают, что труд, как важнейший фактор формирования образа жизни, оказывает решающее влияние на структуру свободного времени. Исследование субъективной роли свободного времени работающих в промышленности, в особенности рабочих сферы обслуживания (механиков, слесарей и т. д.) выявило существенные различия квалификационных групп. Их значительная часть (около 40%), в особенности семейные (в целом 70%), используют основную часть своего свободного времени для дополнительного заработка, в том числе в сфере неофициальной службы, что оплачивается выше и пользуется пока большим спросом. В этом случае возрастает роль свободного времени как фактора повышения материальной обеспеченности, в какой-то

мере—как фактора профессионального роста, и соответственно снижается его роль как фактора культурного роста.

Несмотря на проделанную партийными и общественными организациями республики атенстическую работу большого объема и несомненные достижения в формировании диалектико-материалистического мировоззрения трудящихся, незначительная часть населения все еще проводит свое свободное время в церк-вах и прочих местах религиозного поклонения.

Таблица 11

Повод посещения церкви, в %

Социально-демогра- фические группы	Получить эстетичес- кое удо- вольствие	В качестве достоин- ствитель- ности	Послать свечу	В дни цер- ксовых праздников	Прослужать литургию, музыку	Для прие- сения жертвы
18 —29 лет						
А	46,3	21,4	27,8	5,3	4,6	2,9
Б	24,7	12,4	44,4	3,7	6,2	—
В	27,8	17,6	30,6	3,7	11,1	6,5
Г	25,6	15,7	33,9	7,4	2,5	2,5
Всего	35,7	18,3	31,8	5,3	5,6	3,3
30 —49 лет						
А	33,2	18,4	26,3	2,6	7,4	3,2
Б	21,5	15,2	40,5	5,1	5,1	5,5
В	20,4	11,6	44,9	4,8	11,6	9,5
Г	11,7	6,4	55,3	6,9	8,5	16,5
Всего	24,6	14,0	38,1	4,4	8,2	7,8
50 лет и старше						
А	18,7	15,0	24,9	3,1	4,7	5,7
Б	23,7	5,3	50,0	15,3	5,3	2,7
В	6,4	4,0	27,7	4,0	14,9	2,0
Г	8,0	5,5	50,0	9,5	8,5	3,5
Всего	13,4	9,2	37,7	6,9	7,3	4,2

В целях исследования культового поведения людей, выясне-ния их участия в различных празднествах ниже приводятся не-которые данные проведенного в нашей республике социологиче-ского обследования. Параметры частоты посещения церкви, по-водов этих посещений, отправлений религиозных и прочих обря-дов приведены по возрастным и социально-профессиональным группам. В каждой из возрастных групп различаются 4 социаль-но-профессиональные группы: группа Г—работники физического труда неиндустриального профиля; группа В—работники квали-фицированного физического труда индустриального профиля; Б—служащие; группа А—представители интеллигенции (средняя

Таблица 12

Какие дни Вы отмечаете больше всего?

Социально-демографические группы	Новый год	1 Мая	9 Мая	День рожд.	Праздник Сретения	23 февраля	8 Марта	7 ноября	Праздник Вардана	День св. Воскресения
18 — 29 лет										
Г	98,4	93,4	81,0	39,7	19,0	64,6	84,3	86,8	9,1	10,7
В	100,0	89,8	77,8	25,9	13,0	71,3	96,3	88,0	3,7	8,3
Б	100,0	84,0	65,4	27,2	11,1	59,3	85,2	82,7	—	3,7
А	100,0	87,9	64,8	21,5	6,1	53,4	94,3	87,2	2,1	2,1
Всего	99,7	88,8	70,6	26,9	10,7	59,7	92,2	86,6	3,6	5,3
30 — 49 лет										
Г	100,0	86,2	70,2	49,5	23,4	55,9	95,2	85,6	14,9	14,9
В	100,0	90,5	74,8	34,7	18,4	46,9	91,2	86,4	6,1	8,8
Б	100,0	69,8	63,3	25,3	7,6	31,7	84,8	78,5	2,5	2,5
А	100,0	88,1	68,3	32,2	12,1	46,1	92,6	85,2	6,4	8,2
Всего	100,6	88,1	68,3	32,2	12,1	46,1	92,6	85,2	6,4	8,2
50 и старше										
Г	100,0	85,5	64,0	55,0	25,5	39,5	82,0	75,5	18,5	22,5
В	100,0	83,0	66,0	40,4	12,8	34,0	83,0	76,6	6,0	14,9
Б	100,0	92,1	65,8	47,4	13,2	36,8	91,7	84,2	15,8	21,1
А	100,0	95,9	76,7	26,4	5,2	47,2	90,2	90,7	2,6	3,6
Всего	100,0	90,0	69,5	41,4	15,1	41,8	86,4	82,4	10,7	14,0
В с е г о										
Г	100,0	87,6	70,3	49,3	23,2	51,5	88,4	81,9	14,9	16,9
В	100,0	89,1	74,5	32,5	15,6	53,6	91,7	85,4	5,3	9,6
Б	100,0	87,9	64,7	30,3	10,1	43,9	88,4	81,3	4,0	6,6
А	100,0	89,5	67,8	23,8	5,4	47,7	92,7	87,2	2,7	4,1
В среднем	100,0	88,7	69,2	32,9	12,4	49,3	90,8	84,9	6,6	8,7

и высшая профессиональная квалификация). Следует отметить, что исследование выявило следующую закономерность: во всех социально-профессиональных группах трех возрастов наблюдается одинаковая тенденция—чем ниже уровень квалификации, тем выше религиозность (см. также табл. 12). При этом, если в старшей возрастной группе (50 и более лет) разница между группами Г и А весьма большая (более чем в три раза), то в младшей возрастной группе (18—29 лет)—разница вдвое меньше. Это свидетельствует об обусловленной возрастом нивелировке социальных ценностей, что объясняется общим повышением образовательного уровня населения: в молодом возрасте показатели социального уровня почти равны и, следовательно, между тремя поколениями более рельефно выражены возрастные различия. Все это, в свою очередь свидетельствует о решающем воздей-

нии образовательного уровня на социально-ценностную ориентацию: чем выше образовательный уровень, тем ниже религиозность.

3. ВЫВОДЫ

Выбранные для исследования коллективы по своему «социальному облику» типичны для столицы, следовательно можно сделать некоторые выводы.

Существует много способов оптимального решения многосторонней проблемы рационального использования свободного времени трудящихся. Рационально и целенаправленно используемое свободное время является необходимым условием формирования ценностной ориентации, взглядов человека. В противном случае оно может превратиться, как говорится, в «зону безразличия» или просто безделье. Усилия общества, прилагаемые для правильного использования бюджета свободного времени, направлены прежде всего на облегчение бытовой загруженности женщины, выполнения ими менее содержательных бытовых функций.—обстоятельство, которое, помимо экономического, имеет и моральное значение.

Исследование приводит к заключению, что трудящиеся располагают достаточным свободным временем, однако его надо использовать разумно и обдуманно. Вместе с тем некоторые группы населения испытывают острую нужду во времени; это прежде всего относится к работающим женщинам, имеющим малолетних детей. В условиях Еревана и других городов республики они уделяют домашним делам по 6—8 часов ежедневно. И это в том случае, когда для работающих мужчин это время составляет всего 1,5—2 часа. Следовательно, фактический «цейтнот» времени имеющей ребенка женщины замедляет ее культурный и профессиональный рост, затрудняет эффективное использование ее труда в общественном производстве.

Опрос свидетельствует о том, что среди рационализаторов и работников высокой квалификации на производстве все еще низок процент женщин. Лишь пять процентов из опрошенных женщин думают дома о производственных делах, их мысль занята семейными заботами.

Как известно, в целях облегчения домашнего труда женщины громадная работа проделана и в нашей республике. Тем не менее массовое вовлечение женщины в производство все еще мало возмещается расширением бытовых служб, а также перераспределением рабочих функций между супругами, остальными членами семьи. Здесь делу мешают также в какой-то мере бытовая отсталость определенной части населения и некоторые другие обстоятельства.

В последнее время, как известно, наиболее массовыми из видов общественно-бытовых служб являются химические чистки, не-

сколько меньше--прачечные. Однако исследование свидетельствует, что работающие женщины тратят 7—8 часов в неделю на стирку и глажку дома, а в случае пользования прачечной это время составило бы менее одного часа. В целях экономии времени трудящихся было бы целесообразно, по примеру ряда городов страны, значительно расширить в республике сеть универсамов, где каждый мог бы без лишней траты времени совершить необходимые покупки. Сокращению времени пользования услугами обслуживания содействовало бы установление в магазинах и других объектах сферы обслуживания современного автоматического оборудования.

Имеется и ряд других обстоятельств, связанных с правильным использованием свободного времени. Исследование показывает, что все еще мало обращается внимания на выпуск и продажу удобных, дешевых предметов для туризма и отдыха. В организации отдыха трудящихся многое могут сделать транспортные предприятия.

Правда, баланс свободного времени человека не подвержен ценностным критериям, однако не трудно подсчитать, во что обходятся человеку, только что вышедшему с предприятия после трудового дня, очереди в магазинах, которые часто являются следствием просто неумелой организации дела, или, скажем, часы, которые тратятся дома в ожидании получения заказанного междугородного телефонного разговора. Все это, в конечном счете, является следствием ненаучной организации бытового обслуживания, недостаточного знания теории массового обслуживания.

К услугам столовых и магазинов полуфабрикатов обращается лишь 15—20% опрошенных нами женщин, имеющих семью. Основная причина подобного явления в том, что, к сожалению, пока наши столовые не способны удовлетворить растущие требования населения к качеству предлагаемой общепитом еды, обходящейся в то же время намного дороже домашних. Таким образом, в нашей республике на сегодняшний день еще не в состоянии соперничать с домашним хозяйством.

Деятельность наших парков культуры и отдыха, домов и дворцов культуры призвана сочетать идейно-воспитательную и культурно-просветительную работу, конечной целью которой, как известно, является организация активного отдыха трудящихся. Но поскольку человек получает по многочисленным каналам обильную информацию, а очаги культуры медленно внедряют современные формы и методы работы, то тем самым они отстают от жизни, мало удовлетворяют людей.

К сожалению, не все наши коллективы имеют основание гордиться применением таких форм культурно-просветительной работы, как собственная киностудия, университеты культуры, педаго-

гических знаний, здоровья, проведение фестивалей, авто- и мотогонки, спортивных праздников, музыкальных вечеров, коллективных посещений театра, выставок и прочих мероприятий, содействующих целенаправленному использованию свободного времени.

Работники наших парков не получают от исследователей необходимых типологических данных об эмоциональных формах воздействия на посетителей. Парки не увеселяют и не занимают своих посетителей такими новейшими формами работы, как театрализованные вечера-рассказы, кинообозрения, репортажи с места события, тематические вечера и т. д. В наших парках не проводятся какие-либо народные праздники по заранее намеченному сценарию—с учетом, разумеется, потребности посетителей к духовной «пище» и их половозрастных особенностей. Сервис, предлагаемый ныне нашими парками, вызывает серьезные раздумья. Здесь на первый план выдвигается вопрос квалификации работников культурно-просветительных учреждений, которую сегодня нельзя признать удовлетворительной.

Исследования свидетельствуют, что жители столицы тратят на чтение и спорт сравнительно меньше времени, чем жители ряда других обследованных городов страны. Чтение политической и технической литературы отнимает у них времени примерно в 1,5, а занятия спортом—в 3 раза меньше. Более того, в тех коллективах, где не обращается достаточного внимания на организацию отдыха и досуга людей, временами не трудно выявить связанные с этим недостатки в организации процесса производства, колебания морального климата в коллективе.

В целях определения баланса времени работников мы попытались по примеру исследования, осуществленного социологами на одном из предприятий Новосибирска, изучить картину расходов времени работника нашего производства. Выполненные наблюдения локального характера показали, что рабочий столицы тратит из своего свободного времени на активный отдых в 2,5 раза меньше, на просмотр телепередач отводит вдвое больше времени, а на чтение—в 2,5—3 раза меньше времени. Для разных социальных групп эти цифры дают колебания, однако, по нашему мнению, они в целом отображают близкое к реальному положение. Проведенные исследования показывают, что пора в нашей республике вплотную заняться вопросами вечернего досуга трудящихся.

Надо признать, что мы еще не умеем своевременно и оперативно учитывать и предвидеть многие изменения, происходящие в жизни коллективов, которые являются следствием научно-технической революции, прогресса нашей жизни и быта. Правда, общественную пользу времени, потраченного на самообразование,

самодеятельность, активный отдых, трудно выразить в цифрах. Однако исследование приводит к выводу, что наш горожанин уделяет самообразованию, чтению, кино и концертам значительно меньше времени, чем торговым учреждениям и пунктам бытового обслуживания, тратит дорогое время в различных очередях, временами вольно или невольно становясь пленником мелких повседневных бытовых забот. Добавим к этому также, что не все работники торговли и быта сознают с должной глубиной большое общественное, воспитательное значение своего труда, их место в балансе времени человека.

Сегодня резко увеличился находящийся в распоряжении горожанина «машинный парк», начиная с машинки для бритья и до автомашины,—обстоятельство, которое свидетельствует о повышении жизненного уровня людей. Однако наряду с этим резко отстает служба ремонта бытовой техники. Отдых, проводимый вне города, также призван дополнить все остальные виды культурного досуга. К сожалению, мы еще не научились отдыхать культурно, не сводить все к пиршеству на лоне природы. Все больше трудящихся, особенно в субботние и воскресные дни, проводят свой отдых вне населенных пунктов, поправляют свое здоровье, набираются сил перед новой трудовой неделей. С другой стороны, выездной отдых создает определенную угрозу для окружающей природы.

Следует отметить, что вопросам использования свободного времени, правильного распределения времени в условиях пятидневной рабочей недели недостаточное внимание уделяют наша печать и другие средства массовой информации. Нерациональное использование свободного времени трудящихся еще не рассматривается в качестве мерила нормы личной культуры, поведения человека. Сегодня мы еще не можем похвастаться тем, что способны хорошо провести с семьей время в каком-либо парке, прослушать хорошую лекцию или концерт, потанцевать, посетить какой-либо аттракцион, пользоваться другими активными формами традиционного для парков отдыха.

У нас еще не всегда при планировании жилых массивов предусматривают и культурные комплексы. К сожалению, кинотеатры наших городов, предусмотренные лишь для кинопрограмм, не могут удовлетворить сегодняшние потребности. В других городах страны вместо кинотеатров, а также домов культуры, которые весьма нуждаются в радикальном преобразовании, сооружаются киноконцертные залы, предусмотренные для самых различных мероприятий, вплоть до организации различных выставок. Подобные сооружения должны быть в каждом микрорайоне, тем более, что, как свидетельствуют наблюдения, культурный «тонус» окраин города Еревана заметно ниже центра.

Проблема использования свободного времени затрагивает многие стороны жизнедеятельности нашего общества. Она связана как с дальнейшим совершенствованием бытового обслуживания, так и с созданием новых служб, индустрии свободного времени. Исходя из демографических, творческих, профильных особенностей данного микрорайона или района, целесообразно выработать оптимальные рабочие часы культурно-бытовых объектов. Повышение культурно-образовательного уровня трудящихся данного населенного пункта, удовлетворение их бытовых нужд во многом обусловлено работой не только конкретных предприятий, но и органов, управляющих городом, районом. Поэтому следует социальные планы перспективного развития района, города сочетать с планами создания административно-территориальных единиц.

Основная роль в создании зон отдыха, расширении сети культурно-просветительных учреждений принадлежит исполкомам райсоветов, однако этот вопрос в первую очередь должен беспокоить администрацию, партийные, профсоюзные и комсомольские организации учреждений и предприятий, как субъектов, которые непосредственно воздействуют на структуру и содержание свободного времени личности. Средства, выделяемые в планах социального развития коллективов на отдых, досуг, трудящихся, на спорт, создание ведомственных пансионатов и домов отдыха, оформление и оборудование территории предприятий и цехов в соответствии с требованиями эстетики и т. д.—все это их непосредственное дело.

Исследование подтверждает тот вывод, что между отдыхом и досугом трудящихся, опозданиями на работу, случаями пьянства, прочими нарушениями правил социалистического общежития—с одной стороны, и уровнем производительности труда—с другой, существует причинная связь. Сегодня коллективы приступают к перспективному планированию социального развития, включая в рамки своих интересов, помимо плановых заданий, вопросы социального развития отдельных ячеек общества. Наша цель заключается в достижении того, чтобы у всех людей свободное время было не суммой определенных поступков, а временем определенных занятий.

В нашем обществе свободное время не только личное, но и общественное достояние. Право свободного времени человека одновременно есть обязанность правильного использования этого времени. Наряду с этим росту количества и роли свободного времени, а также созданным возможностям его эффективного использования должно соответствовать желание индивида правильно и плодотворно использовать предоставленное время.

Все это обуславливает необходимость теоретической разра-

ботки и практического применения проблемы общественного регулирования свободного времени.

XXVII съезд КПСС отметил, что наиболее полное удовлетворение материальных и культурных запросов людей является высшей целью общественного производства при социализме. Это, разумеется, относится и к непроеизводственным сферам обслуживания: содействуя повышению культурного уровня, профессиональной подготовки советских людей, сохраняя и укрепляя их здоровье, мы тем самым содействуем развитию и совершенствованию основной производительной силы общества—человека.

Совершенствование сферы обслуживания является у нас не только показателем количественного роста общественного производства, но и свидетельством происходящих в обществе определенных качественных сдвигов. Тем самым сфера обслуживания в известной мере становится показателем богатства общества, важным фактором положительного воздействия на его духовную жизнь. Следовательно, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, сфера обслуживания не только производственная область, но и служба, которая непосредственно соприкасается с людьми, их разнообразными вкусами, настроением. Поэтому и неверно оценивать работу этой сферы лишь по показателям выполнения планов.

Следует остановиться на такой важной социологической категории, тесно связанной со свободным временем, как быт. Зачастую его ограничивают непроеизводственной сферой или же анализируют лишь в связи со сферой потребления. Однако быт—это не только потребление населением промышленных товаров, он включает также производство ряда товаров и служб индивидуального и общественного пользования. В последнее время много говорится о производственном быте (санитарно-гигиенические условия, условия отдыха в рамках рабочего дня и т. д.). Рассмотрение быта как одного из условий деятельности человека, по нашему мнению, позволит глубже анализировать свободное время.

Культура отдыха трудящихся формируется под воздействием социальных и моральных ценностей социализма, вырабатывается нашим образом жизни и бытия. Однако этот процесс не происходит стихийно, а научно регулируется. Формирование и целенаправленное регулирование интересов и запросов личности преследует цель добиться того, чтобы каждый мог правильно распоряжаться своим свободным временем, жить полноценной жизнью. К сожалению, в нашей печати мало затрагиваются вопросы культурного досуга. Зачастую дело не идет дальше избитых и ничего не значащих фраз, общих призывов и суждений. Мы предъявляем требования в основном к культуре обслуживания, к такому важному предикату производства, каковым является культура

досуга. Улучшение использования свободного времени является, с одной стороны, результатом культуры трудящихся, роста их духовных и физических запросов, с другой—дальнейшего развития материальной базы, призванной обеспечить хорошее проведение свободного времени людей.

Теоретический и эмпирический анализ уровня труда, профессиональной структуры и поведения людей в свободное время приводит к убеждению, что социальное воздействие на содержание и организацию труда позволяет поощрять духовное и физическое развитие трудящихся как во время труда, так и в свободное время. Тем самым организация свободного времени выступает как важнейший элемент организации труда. При социализме рабочее и свободное время взаимосвязаны. Сфера свободного времени весьма влияет на формирование личных качеств человека, проявляемых в труде.

Конечно, трудно с высокой точностью определить коэффициент полезного действия активного досуга, однако известно, что сегодня более четверти национального дохода нашей страны мы получаем за счет роста культурно-технического уровня трудящихся; государство получает миллиардные прибыли в результате творчества рационализаторов и изобретателей.

В наши дни свободное время становится веским фактором выполнения производственных планов. К этому убеждению приводит анализ встречных планов, социалистических обязательств, прочих форм творческого поиска ряда ведущих предприятий республики. При этом обязательства соревнующихся все более связываются не только с резервами рабочего времени, но и с деятельностью в свободное время (повышение общего и профессионального образования, овладение смежными специальностями, участие в изобретательстве и рационализации и т. д.).

Полагаем, что правы те авторы, которые предлагают распространить разветвляющееся соцсоревнование за коммунистическое отношение к труду на такие виды деятельности сферы свободного времени, как повышение культурно-технического уровня трудящихся, развитие общественно-политической и трудовой активности, физическая культура и спорт¹⁵. Вывод один: необходимо, по нашему мнению, оценивать напряженность планов и обязательств не только с точки зрения эффективности и качественного использования резервов производства, но и в аспекте возможностей ввода в процесс производства таких социальных факторов, как общее и специальное образование, профессиональная подготовка, общая культура человека, которые стали обязательным условием труда широких масс трудящихся.

Таким образом, свободное время, с одной стороны,—резерв развития личности, тем самым—личное богатство; с другой—оно

является резервом развития производства, т. е. общественным богатством. Иначе говоря, свободное время является незаменимым фактором гармоничного развития личности. Вот почему простое отсутствие интересов и увлеченности, безделье становятся не только препятствием развития личности, но и потерей для всего общества. Отсюда вывод: мы должны научиться общественно регулировать досуг, прогнозировать его. Разумеется, в этом направлении, в особенности силами профсоюзных организаций, в наших коллективах проделана большая работа. Этому отводится большое место в социальных планах. Однако, несмотря на наличие материальных средств, организация этого дела носит кустарный характер. Планируется в основном развитие материальной базы— без выяснения интересов и запросов трудящихся. К сожалению, на планирование и организацию свободного времени мы пока обращаем меньше внимания, чем на планирование и организацию работы, несмотря на то, что, как было показано выше, правильное использование отдыха имеет непосредственную и тесную связь с обеспечением нормальной деятельности производительных сил. Необходимо заботиться о совершенствовании служб свободного времени в масштабе коллективов, районов и городов. Серьезные выводы напрашиваются в связи с тем фактом, что на предприятиях ряда социалистических стран имеется штат заместителя директора по рекреации (т. е. организации отдыха).

Для обеспечения рационального использования свободного времени многое должны сделать ученые. По нашему мнению, совершенствованию использования бюджета во многом содействовали бы следующие предложения.

1. Рассмотрение бюджета времени в качестве критерия совершенствования социалистического образа жизни и глубокая научная разработка теоретического и практического аспектов этой проблемы.

2. Дальнейшее изучение сущности, функций и значения бюджета времени, уточнение его структуры, и, исходя из этого,— анализ мотивации поведения во всех сферах жизнедеятельности человека и его ценностной ориентации.

3. Осмысление частных и общих закономерностей социалистической системы распределения и использования времени—в целях определения эффективности проводимых социально-экономических мероприятий, изучение бюджета времени различных социальных групп, городов, районов, республик.

4. Изучение эффективности социально-экономической политики в удовлетворении бытовых, культурных и прочих запросов трудящихся, выработка критериев эффективности удовлетворения потребностей населения в быту и на досуге.

5. Определение показателей времени, системы удовлетво-

ности проведением досуга, разработка методики их исчисления и определение областей применения.

6. Научная организация времени отдыха и удовлетворения бытовых потребностей, определение критериев эффективности работы, связанных с ними очагов и учреждений.

7. Совершенствование сбора информации, анализа данных в целях изучения бюджета времени, учет зарубежного опыта в этом деле.

Превращение в наши дни свободного времени в важный фактор развития способностей каждого советского человека партия рассматривает как важнейшую часть своей социальной политики.

Рост динамики социальных процессов в обществе, непрерывное возрастание темпов общественного развития при социализме привели к тому, что должны глубоко изучаться сферы как трудовой, так и внеуродовой деятельности людей. Ощущается необходимость раскрыть структуру времени общества, его социальных ячеек, которая выражает разные формы социальной жизнедеятельности. Сюда же относится и свободное время, возрастающая величина, структура и содержание которого оказывают большое влияние на каждого индивида, взятого в отдельности. Следовательно, научное регулирование и разумное использование нашего общественного достояния—свободного времени—является важнейшим фактором всестороннего развития личности.

В нашей стране непроизводительные расходы времени в сфере домашнего быта все еще достигают громадных размеров. Так, например, домашнее хозяйство поглощает ежегодно не менее 100 миллиардов человеко-часов, или 12 миллиардов рабочих дней, что соответствует годовому фонду рабочего времени более 45 миллионов людей¹⁶. По подсчетам советских социологов и экономистов, уже в ближайшие годы непроизводительные расходы времени в сфере быта сократятся в 2—3 раза, что даст трудящимся нашей страны, в первую очередь женщинам, дополнительно 3—4 часа свободного времени в день. Только за счет сокращения вдвое времени на прием-сдачу смены, прибытия на работу и возвращения домой будет высвобождено около 20 миллиардов часов в год на физическое, интеллектуальное и духовное развитие людей.

Улучшение социального положения женщины, создание условий для полноценного проявления ее способностей—одна из характерных черт развитого социалистического общества. XXVI съездом партии выдвинута комплексная программа мероприятий улучшения условий труда и быта женщин. Созданы широкие возможности для женщин, имеющих детей, будет расширена сеть дошкольных учреждений, продлены группы и школ, увеличится количество пионерских лагерей, спортивных и оздоровительных баз для подростков и молодежи.

Вследствие заметного ныне процесса урбанизации (который весьма значителен и в Армении), естественно, увеличивается число семей, проживающих в городах. А городская семья, как известно, все более лишается ряда своих бывших функций, в том числе перестает быть производственной единицей. Лишение производственных функций вызывает серьезные изменения во внутренней жизни семьи. При этом наряду с изменением структуры бюджета ее досуга и прочими изменениями меняется и характер использования свободного времени.

В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 гг. и на период до 1990 года» предусмотрен широкий план мероприятий, осуществление которых будет весьма содействовать улучшению использования свободного времени. В частности, предусматривается сокращение ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда, повышение уровня обслуживания и совершенствование его структуры, улучшение жилищных и бытовых условий населения, в особенности сельского, повышение культуры работы в домашнем хозяйстве, расширение льгот и преимуществ, предоставляемых семьям с детьми и работающим матерям, рост культурно-образовательного уровня населения, улучшение медицинского обслуживания и отдыха советских людей, создание наиболее благоприятных условий для активной трудовой деятельности людей. Реальные доходы на душу населения увеличатся на 16—18 процентов. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих увеличится на 13—16% и ее уровень к концу пятилетки достигнет 190—195 рублей в месяц.

Важнейшей задачей является более полное удовлетворение потребностей населения в разнообразных товарах и услугах. Минимальная продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска колхозников устанавливается на уровне минимального отпуска рабочих и служащих.

Основными направлениями предусматривается увеличить общественные фонды потребления на 20 процентов, усилить роль выплат и льгот из этих фондов населению в решении производственных и социально-демографических проблем, повысить эффективность использования средств, предоставляемых общественным фондам потребления. Предусматривается увеличить государственную помощь семьям, имеющим детей, и новобрачным, расширить льготы, предоставляемые этим семьям, содействовать улучшению их жилищно-бытовых условий.

Предусмотрены мероприятия по дальнейшему улучшению условий труда, быта и отдыха работающих женщин. Для работающих женщин введен частично оплачиваемый отпуск для ухода за ребенком до достижения им одного года. Будут сооружены до-

школьные учреждения почти на 2,5 млн. мест. В 80-е годы в школах (группах) продленного дня численность учащихся будет доведена до 13,5—14 миллионов. Будет улучшена работа дошкольных учреждений. Предусматривается обеспечить дальнейшее развитие торговли и общественного питания, повысить уровень торгового обслуживания населения, всячески развивать прогрессивные формы торговли.

Значительно улучшится бытовое обслуживание населения. Объем реализации бытовых услуг увеличится примерно в 1,4—1,65 раза; повысится качество выполнения заказов и культура обслуживания; предусматривается более быстрое развитие бытового обслуживания в сельской местности и в восточных районах страны. В целях создания для трудящихся наибольших удобств внесены изменения в режим работы предприятий торговли, общественного питания, службы быта, сферы обслуживания. Последовательно будут улучшаться жилищные условия советских людей, будут сооружены жилые дома общей площадью 530—540 кв. м. Получит дальнейшее развитие коммунальное обслуживание населения, улучшится благоустройство и озеленение городов и других населенных пунктов, в микрорайонах будут выделены здания и площадки для спортивно-оздоровительной и культурно-воспитательной работы. Школьная реформа обеспечит дальнейшее развитие системы народного образования, повышение эффективности работы всех звеньев и форм образования и подготовки кадров; улучшит вечернее и заочное обучение.

Получат новое развитие социалистическая культура и искусство, повысится их роль в формировании марксистско-ленинского мировоззрения советских людей, в более полном удовлетворении их многообразных духовных запросов.

Будет всячески развита и усовершенствована организация отдыха и туризма трудящихся, расширены возможности совместного отдыха и лечения родителей и детей, улучшится экскурсионное обслуживание. Будет оказано содействие организации и развитию садоводческих и огороднических товариществ рабочих и служащих, увеличится производство товаров, необходимых для туризма и отдыха. Активно будут развиваться массовая физическая культура и спорт, будет проведена работа по их широкому внедрению в повседневный быт советских людей, по более эффективному использованию спортивных сооружений¹⁷.

Вновь зафиксировав наши большие возможности в обеспечении все более полного и всестороннего развития личности, опирающиеся на прочные основы социально-экономической политики партии, XXVII съезд партии одновременно счел важным то обстоятельство, что каждый человек должен уметь разумно использовать эти возможности. Иначе говоря, в качестве важней-

шей задачи социальной политики на современном этапе выдвигается вопрос формирования разумных потребностей, в том числе и в рациональном использовании свободного времени.

Как было сказано выше, в социалистическом обществе свободное время—не только личное, но и общественное достояние. Рост вместимости и значения свободного времени, как и возможности его эффективного использования должны сочетаться с готовностью и способностью личности правильно и плодотворно расходовать это время. Социальный контроль над тратой свободного времени, научное регулирование его полностью совпадают с фундаментальными задачами социализма по распределению общественного блага и необходимостью учета и контроля его потребления. Целенаправленное и разумное использование свободного времени является важнейшей предпосылкой всестороннего и гармонического развития личности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, «Правда», 26 февраля 1986 г.
- 2 См. А. К. Гастев. *Время*. М., 1923; П. Герц, Р. Зайдель. *Рабочее время, заработная плата и производительность труда*. М., Пг., 1923; М. И. Збарский. *Рабочий день, его структура и использование*. Киев, 1970; Л. А. Муксинов. *Проблемы регулирования рабочего времени в СССР*. М., 1969; Я. М. Чернявский. *Пути улучшения использования рабочего времени*. М., 1972 и др.
- 3 См. Е. А. Пруденский. *Проблемы рабочего и вне рабочего времени*. Избр. произв. М., 1972; Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. *Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени*. М., 1972; В. Н. Семёнов. *Производственный коллектив: труд, среда, воспитание. Опыт комплексного исследования*. Минск, 1975; А. В. Неценко. *Социально-экономические проблемы свободного времени при социализме*. Л., 1975; В. Н. Пименова. *Свободное время и всестороннее развитие личности*. М., 1976; и др.
- 4 См. М. В. Грамов, К. Г. Корытов. *Трудовой коллектив: проблемы развития*. М., 1975; Н. И. Липин и др. *Теория и практика социального планирования*. М., 1975; В. П. Шепель. *Социальное управление производственным коллективом. (Опыт социологического исследования проблемы)*. М., 1976; Э. Андреев и др. *Производственный коллектив и социальное планирование*. М., 1976, и др.
- 5 Актуальные проблемы свободного времени. Свердловск, 1972; В. Г. Байкова. *Труд и досуг*. М., 1975; В. Н. Болгов. *Бюджет времени при социализме: теория и методы исследования*. М., 1973; *Бюджет времени жителей г. Пскова (Материалы международного обследования бюджета времени)*. Новосибирск, 1973; Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. *Рациональный*

- бюджет времени: подход к проблеме и опыт начального расчета. — Социол. исслед., 1977, № 1; Л. А. Гордон, Н. М. Римаевский. Пятидневная рабочая неделя и свободное время трудящихся. М., 1972; Е. Б. Груздева, Э. С. Чертихина. Труд и быт советских женщин. М., 1983; З. А. Елизарьев. Время общества (философский и экономический аспект). Новосибирск, 1968; Л. В. Карпинский. Свободное время—общественное богатство. М., 1973; В. Г. Кряжев. Вне рабочее время и сфера обслуживания. М., 1972, вып. 1, 2; А. Г. Неценко. Социально-экономические проблемы свободного времени при социализме. Л., 1975; З. А. Петрова. Свободное время—общественное достояние: роль свободного времени в повышении социальной активности личности. М., 1975; В. Н. Пименова. Свободное время и всестороннее развитие личности. М., 1976; Методические вопросы изучения бюджетов времени. Новосибирск, 1972, вып. 1, 2; Г. М. Подоров. Рабочее и свободное время. Горький, 1975; Г. А. Пруденский. Проблемы рабочего и вне рабочего времени. Избр. произвед., М., 1972; Л. М. Славин. Развитие личности. Алма-Ата, 1975; Социальная структура. Труд. Свободное время. Таллин, 1975 и др.
- 6 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 46, ч. II, с. 221.
- 7 В социологической и экономической литературе различаются понятия «свободное время общества» и «свободное время личности». В общественный фонд свободного времени входят совокупность фонда свободного времени членов общества, а также рабочее время той категории работников, труд которых создает условия для наиболее эффективного использования свободного времени всех членов общества. Индивидуальное свободное время—это свободное время личности, которое связано с его досугом и интеллектуальной деятельностью.
- 8 Мы согласны с теми авторами, которые считают, что понятия «регулирование» и «организация» свободного времени не идентичны и должны разграничиваться. В первую очередь они различаются друг от друга характером своего воздействия на свободное время: регулируются преимущественно воздействующие на личность условия, посредством которых оказывается воздействие на содержание свободного времени. Само же свободное время подвержено организации.
- 9 См. Г. А. Пруденский. Проблемы рабочего и вне рабочего времени. М., 1976, с. 247.
- 10 Подробно см. Бюджет времени: вопросы изучения и исследования. Новосибирск, 1977.
- 11 Примечательную попытку расчета рационального бюджета времени предприняли Л. Гордон и Э. Клопов. См. журн.: Социологические исследования, 1977, № 1.
- 12 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 3, с. 70—71.
- 13 В литературе зачастую вопрос «духовного насыщения» свободного времени весьма суживается, ограничиваясь, так сказать, лишь гуманитарной сферой. По нашему мнению, вне рабочей деятельность селекционера, изобретателя, цветовода, садовода и т. д. не менее духовна и отнюдь не

меньше содействует рациональному использованию свободного времени, чем, скажем, чтение книг, посещение кино, сочинение стихотворений, участие в художественной самодеятельности и т. д.

- 14 См. *Н. П. Пищулин*. Производственный коллектив, человек и свободное время. М., 1976, и др.
- 15 См. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года, М., 1981.
- 16 См. Социальные исследования проблемы брака, семьи и демографии. вып. 4, М., 1973, с. 77—78.
- 17 Ленинян угнов, 1979, № 11, с. 28—29.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Ереван—новый центр социально-культурного развития армянского народа	9
Формирование населения Еревана	30
1. Источники формирования населения	31
2. Изменение социального состава населения	43
3. Развитие современных культурно-бытовых черт	60
Духовная культура и средства массовой информации	81
1. Средства массовой информации	82
2. Интенсивность распространения духовной культуры	
Этнические особенности семьи	114
1. Состав семьи	116
2. Внутрисемейные взаимоотношения	131
Современное состояние свадебной обрядности	153
1. Основные варианты современной свадьбы	158
2. Предпочитаемые способы оформления брака	187
Некоторые черты национальной психологии	203
Управляемое свободное время и его роль во всестороннем развитии личности	218
1. Свободное время как социологическая категория	218
2. Свободное время в зеркале социологии	225
3. Выводы	236

**НАСЕЛЕНИЕ ЕРЕВАНА
ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Редактор издательства Р. А. Багдасарян
Художник Ю. А. Аракелян
Худ. редактор Г. Н. Горцакалян
Тех. редактор Л. К. Арутюнян
Корректоры М. М. Даниелян, Л. А. Хачатрян**

ИБ № 1032

Сдано в набор 22.11.1985 г. Подписано к печати 2.02.1986 г. ВФ 06102. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага № 2. Шрифт «литер.», высокая печать. Печ. л. 15,75. Усл. печ. л. 14,65. Учетно-изд. л. 16,65, 14,65 кр. от. Тираж 1000. Зак. № 826. Изд. № 6667. Цена 2 р. 40 коп.

Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24 г.
Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин.

ԳԱԱ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0127829

2040

